О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ЯЗЫКѢ

ВЫМЕРШИХЪ НЫНѢ

КУРЛЯНДСКИХЪ КРЕВИНОВЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Ф. И. ВИДЕМАНА.

(Читано въ Историко-Филологическомъ Отдѣленіи 14 Марта 1872 года.)

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ XXI^му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМІИ НАУКЪ.
№ 3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

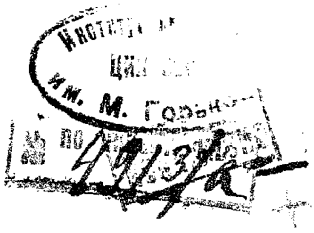
ПРОДАЕТСЯ У КОММИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.
И. Глазунова, въ С. П. Б.
Я. А. Исакова, въ С. П. Б.
А. Черкесова, въ С. П. Б.
Эггерса и Комп., въ С. П. Б.
Г. Шмидорфа, въ С. П. Б.
Н. Киммеля, въ Ригѣ.
Эфіяджанца и Комп., въ Тифлисѣ.
А. Е. Кехрибарджи, въ Одессѣ.

Цѣна 45 коп.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. С.-Петербургъ, Ноябрь 1872 года.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*



ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. остр., 9 лин. № 12.)

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И ЯЗЫКѢ ВЫМЕРШИХЪ НЫНѢ КУРЛЯНДСКИХЪ КРЕВИНОВЪ.

Ф. И. ВИДЕМАНА.

(Читано въ Историко-Филологическомъ Отдѣленіи 14 марта 1872 года).

Съ первой половины семнадцатаго вѣка,—на сколько восходятъ наши извѣстія, въ дѣйствительности же, безъ сомнѣнія, еще ранѣе, — жилъ въ Семигалліи, неподалеку отъ Бауска, отовсюду окруженный литовскимъ населеніемъ, маленькій народъ финскаго племени, по названію Кревины. Въ началѣ настоящаго столѣтія были еще между ними люди, говорившіе на кревинскомъ языкѣ; но теперь этотъ языкъ совершенно вымеръ, и потомки всѣхъ говорившихъ нѣкогда по-кревински вполнѣ слились, и по одеждѣ и по языку, съ Латышами и ничѣмъ уже отъ нихъ не отличаются. Тѣ изъ нихъ, которые олатышились въ самое недавнее время, помнятъ еще, что ихъ отцы или дѣды еще нѣсколько знали родной языкъ; пожалуй, сохранились еще въ ихъ памяти, по преданію, нѣкоторыя кревинскія слова или короткія фразы, но никто уже этихъ словъ и фразъ не употребляетъ, и самый смыслъ ихъ сталъ для этихъ людей весьма неясенъ [1]). Съ Кревинами случилось, такимъ образомъ, совершенно то же, что съ родственнымъ имъ племенемъ Ливовъ въ Лифляндіи. Когда языкъ, не установившійся посредствомъ литературы, не употребляется ни

---

[1])Такъ, на-примѣръ, въ одной такой фразѣ, начало «aĥ jumala, jumala» (ахъ Боже, Боже) мнѣ переводили на латышскій языкъ: «ахъ сестрица, сестрица».

въ церкви, ни въ школѣ, ни въ судахъ, а вращается въ одномъ только ежедневномъ домашнемъ обиходѣ, онъ необходимо долженъ прежде всего значительно ограничиться въ объемѣ. Всѣ тѣ слова, которыхъ подростающее поколѣніе не слыхало въ тѣсномъ кругу семейства, теряются безвозвратно; и если затѣмъ случайно встрѣтится въ нихъ надобность, ихъ приходится замѣнять словами, заимствованными изъ употребляющагося кругомъ чужаго языка. Такъ ливскій языкъ въ Курляндіи, хотя еще не вымеръ совершенно, какъ въ Лифляндіи, однако представляетъ уже очень сильную примѣсь языка латышскаго; въ такомъ же точно видѣ представляется и языкъ Кревинскій въ тѣхъ немногихъ образцахъ его, которые дошли до насъ отъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Въ сношеніяхъ съ посторонними Кревину нигдѣ не приходилось употреблять свой родной языкъ: и въ городѣ и на пути, съ помѣщикомъ и съ пасторомъ, на судѣ и въ школѣ, могъ онъ говорить только по-латышски, такъ что каждый Кревинъ долженъ былъ по необходимости, кромѣ своего роднаго языка, умѣть говорить еще и на латышскомъ. На окраинахъ территоріяльной области языка даже и дѣти, безъ сомнѣнія, въ обществѣ своихъ латышскихъ сверстниковъ, научались латышскому языку, что особенно способствовало его вторженію. Если въ Курляндіи, на отрѣзанной лѣсами береговой полосѣ, сохранился еще ливскій языкъ, между тѣмъ какъ онъ совершенно исчезъ въ Лифляндіи, то причиною этому должно полагать именно менѣе непосредственное столкновеніе съ Латышами, такъ что подроставшее поколѣніе научалось сперва одному только родному языку, а латышскому научалось только уже впослѣдствіи. У Кревиновъ же, подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій произошло то же, что у лифляндскихъ Ливовъ, только нѣсколькими еще годами раньше; ибо, когда Академикъ Шёгренъ, въ 1846 году, посѣтилъ Кревинскій край, онъ едва могъ отыскать десять или одиннадцать человѣкъ, сохранившихъ въ своей памяти кой-какіе, весьма скудные и нетвердые, обрывки роднаго языка; въ Ней-Залисѣ же, въ Лифляндіи, онъ въ томъ же году успѣлъ

еще собрать достаточно остатковъ ливскаго языка для того, чтобы составить грамматику и словарь этого языка.

Впрочемъ, за исключеніемъ разложенія и исчезновенія языка, ни въ какомъ другомъ отношеніи проводить сравненіе между Кревинами и Ливами невозможно. Между тѣмъ какъ Ливовъ Нѣмцы, уже при первомъ прибытіи своемъ въ Лифляндію, застали тамъ значительнымъ, воинственнымъ народомъ, и дальнѣйшія его судьбы затѣмъ непрерывно занесены въ лѣтописи, о Кревинахъ въ древнѣйшихъ актахъ и извѣстіяхъ нѣтъ и помину; и только въ началѣ семнадцатаго столѣтія внезапно заходитъ рѣчь о нихъ въ означенной выше мѣстности, причемъ нѣтъ никакого указанія о томъ, какъ, когда и откуда они пришли сюда. Сохранившіеся скудные образцы ихъ языка неоспоримо свидѣтельствуютъ, что Кревины были народъ финскаго племени, близко родственный Ливамъ и Эстамъ; но слѣдуетъ ли считать ихъ за одинъ народъ съ Ливами, какъ полагаютъ одни, или съ Эстами, какъ утверждаютъ другіе, или же они составляли еще третій народъ, отличный отъ тѣхъ обоихъ? Остатки языка не достаточно еще изслѣдованы для того, чтобы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ; и все, что было по этому предмету говорено и писано, составляетъ покуда не болѣе какъ весьма малонадежную догадку, такъ какъ исторически не доказана связь Кревиновъ ни съ Ливами, ни съ Эстами. Къ остаткамъ кревинскаго языка и анализу ихъ я еще возвращусь, и поговорю о нихъ подробно. Показанія о Кревинахъ такъ разбросаны, и притомъ ихъ приходится отчасти отыскивать въ такихъ малодоступныхъ или непзвѣстныхъ источникахъ, что я, въ угоду всѣмъ интересующимся этимъ вопросомъ, выпишу цѣликомъ, изъ найденныхъ мною сорока шести мѣстъ, говорящихъ или только упоминающихъ о Кревинахъ, по крайней мѣрѣ тѣ показанія, которыя имѣютъ самостоятельное значеніе и послужили источникомъ для остальныхъ. Такимъ образомъ каждый будетъ въ состояніи самъ судить, на сколько можно извлечь изъ нихъ вѣрныя данныя. Въ актахъ Орденскаго архива, которые я тщательно пересмотрѣлъ для этой цѣли,

я не нашелъ никакаго помина о Кревинахъ. Встрѣчаются, правда, указанія на двѣ или на три мѣстности съ похожими названіями, но все не тамъ, гдѣ впослѣдствіи являются Кревины, и безъ всякаго отношенія къ нимъ. Такъ, на-примѣръ, въ актѣ о раздѣлѣ между епископомъ курляндскимъ и Орденомъ пустопорожнихъ курляндскихъ земель, отъ 5 апрѣля 1253 года, упоминается *Кревемсъ*, Crewems (въ нѣмецкомъ раздѣльномъ актѣ 20 іюля 1253 года *Гревенисъ*, Grewenis), «въ мѣстности между Скрунденомъ и Семигалліею»; въ мирномъ договорѣ великаго князя Литовскаго Витольда съ Орденомъ, отъ 12 октября 1398 года, упоминается *Крева*, Krewa, мѣсто пребыванія князя (въ одной грамотѣ Магистра Ливонскаго къ Великому Магистру, отъ 20 января 1417, мѣсто это названо *Крейва*, Creywa); въ мирномъ договорѣ между Польшею, Литвою и Орденомъ отъ 27 сентября 1422, упоминается мѣсто *Грейво*, Greywo, на рѣкѣ Лыкѣ. Рядъ положительныхъ упоминаній о Кревинахъ открывается только слѣдующимъ:

I. P. Einhorn. *Reformatio gentis letticae.* Riga 1636, cap. I. (П. Эйнгорнъ, Реформація у Латышскаго племени. Рига, 1636, гл. I.)

Кромѣ этихъ (такъ называемыхъ авторомъ ненѣмцевъ, т. е. Латышей и Литвы) есть въ этомъ краю еще инородческій народъ, по имени Кревинги или Русскіе крестьяне. Живутъ они въ одной только Баусской округѣ, на Литовской границѣ, и бо̀льшею частью состоятъ въ крѣпостной зависимости (unterthanig) отъ его княжеской милости; очень немногіе только находятся во владѣніи нѣкоторыхъ дворянъ; и имѣются у нихъ въ ихъ кирхшпилѣ, или приходѣ, всего только два пастора, именно ненѣмецкій пасторъ въ Баускѣ и таковой же въ Раденѣ. Какъ попали они въ этотъ край, объ этомъ не могъ я еще добыть свѣдѣнія; когда говорятъ они между собою, то говорятъ по-эстски; съ нѣмцами же и съ другими ненѣмцами говорятъ по-латышски или непонѣмецки, равно какъ и богослуженіе совершается у нихъ на ненѣмецкомъ (т. е. ла-

тышскомъ) языкѣ; но по ихъ рѣчи легко можно угадать, что они не латыши, ибо у нихъ произношеніе на этомъ языкѣ очень дурно. И народъ они суевѣрный, наравнѣ съ Латышами, пожалуй еще гораздо болѣе, преданный множеству суевѣрій и предразсудковъ.

II. P. Einhorn. *Historia Lettica.* Dorpat, 1649, cap. I. (П. Эйнгорнъ, Латышская исторія. Дерптъ, 1649, гл. I.)

Впрочемъ есть еще въ Баусской округѣ и на Ангернскомъ берегу въ Курляндіи люди, употребляющіе эстскій языкъ и говорящіе на обоихъ языкахъ, на латышскомъ равно какъ и на эстскомъ; богослуженіе же у нихъ совершается исключительно на языкѣ латышскомъ. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ на Ангернскомъ берегу, не признаютъ себя за Эстовъ, а называютъ себя Ливами, а также и языкъ, на которомъ говорятъ, называютъ языкомъ ливскимъ, отъ Ливовъ, первоначальныхъ жителей этого края, отъ которыхъ получила свое названіе и Лифляндія... Тѣ, которые живутъ въ Баусской округѣ, приведены туда изъ Эстляндіи въ давнее время, когда Орденъ основалъ Баусскій домъ; обитающіе же на Ангернскомъ берегу живутъ ли на этомъ мѣстѣ изстари, или же также переведены туда изъ Эстляндіи — объ этомъ нѣтъ возможности добыть какое либо свѣдѣніе. Что касается до нихъ, то они въ такой степени держатся особнякомъ, что неохотно сближаются или брачатся съ Латышами, а равно и Латыши съ ними, а предпочтительно держатся своего народа; ибо не только Нѣмцы, но также и Латыши считаютъ ихъ за людей крайне суевѣрныхъ и преданныхъ колдовству, а потому неохотно сближаются съ ними.

III. G. F. Stender. *Lettische Grammatik.* Braunschweig 1761. (Г. Ф. Штендеръ, Латышская грамматика, Брауншвейгъ 1761).

Стр. 3 (введеніе). Хотя среди самой Курляндіи есть двѣ мѣстности, въ которыхъ крестьяне между собою говорятъ по-эстски, а съ посторонними по-латышски, однако это никогда не имѣло никакого вліянія на латышскій языкъ, потому что эти Эсты никогда не мѣшались съ Латышами и не роднились съ ними посредствомъ браковъ. Помянутыя двѣ мѣстности суть: 1) Альтъ и Ней-Раденъ, не далеко отъ Бауска; и 2) Ангернское побережье. Первыхъ называютъ Кревинами; предположительно привлечены они туда Русскими, которые по-латышски называются Кревп.

Въ приложенномъ къ книгѣ лексиконѣ, стран. 68, находимъ только: Кревини, Латыши въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ краѣ, неподалеку отъ Бауска.

IV. Haigold. *Beilagen zum neuveränderten Russland*, 1767, Bd. II. (Гайгольдъ, приложенія къ новопреобразованной Россіи, 1767, т. II.)

Стр. 357. Кревинги говорятъ на томъ же (т. е. на ливскомъ) языкѣ, только на нѣсколько отличномъ нарѣчіи, и отличаются отъ здѣшнихъ, равно какъ и отъ Латышей, одеждою. Число ихъ, впрочемъ, повидимому весьма незначительно. (Изъ письма Ирбенскаго и Гипкенскаго пастора Ульриха Іогана Циммермана, отъ 7 апрѣля 1767.)

V. *Извѣстіе въ письмѣ суперинтенданта Гуна, писанномъ изъ Митавы 7 іюля 1774 года.* (Рукопись Императорской Публичной Библіотеки, въ С. Петербургѣ.)

Кревины, какъ они сами себя называютъ и какъ называютъ

ихъ также жители здѣшняго края, и Латыши и Нѣмцы, и какъ называютъ ихъ равнымъ образомъ сосѣдніе Литовцы, Лифляндцы и Русскіе, суть крестьяне, принадлежащіе къ евангелическо-лютеранскому исповѣданію и составляющіе значительную часть Альтраденскаго и Нейраденскаго прихода въ Семигальскомъ герцогствѣ, миляхъ въ трехъ отъ Баусской границы; они, должно быть, въ незапамятныя времена или добровольно переселились, или какимъ нибудь другимъ образомъ попали въ здѣшній край. Особый языкъ ихъ, какъ они сами, такъ и другіе, называютъ кревинскимъ; это однако не главный языкъ; главный — латышскій. Свой же языкъ служитъ имъ вспомогательнымъ въ сношеніяхъ между собою или когда они хотятъ сказать какую нибудь тайну въ присутствіи постороннихъ. Языкъ этотъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ во многихъ словахъ сходство съ языками эзельскимъ, эстскимъ, а также финскимъ, впрочемъ на столько, что еслибъ сошлись люди этихъ разныхъ народностей, то они едва или только на половину поняли бы другъ друга. На этомъ языкѣ не существуетъ ни книгъ, ни молитвъ, ни богослуженія, нѣтъ даже особыхъ крестныхъ именъ, а для всего этого служитъ языкъ латышскій; а потому трудно уловить точное его правописаніе и истинный выговоръ. Однако съ помощью искуснаго кандидата Аппельбаума, постарались выспросить у наиболѣе смышленыхъ изъ этихъ людей то, что было нужно для произношенія и правописанія, на сколько требовалось задачею, а также присовокупить еще нѣсколько другихъ словъ. Пастора тамошняго зовутъ Іоганъ Ульрихъ Петерсонъ, изъ Ирбена, Курляндецъ (Johann Ulrich Petersonn Irbensis Curonus).

(Упоминаемые образцы языка будутъ приведены ниже).

VI. J. L. Börger. *Versuch über die Alterthümer Lieflands.* Riga, 1778. (І. Л. Бёргеръ, Опытъ о Лифляндскихъ древностяхъ. Рига, 1778).

Стран. 89. Примѣч. Дружеское отношеніе этихъ Ливовъ

къ Ангернскимъ доказывается еще тѣмъ, что въ прежнее время, лѣтъ сорокъ назадъ, когда крестьяне были еще вольны брать себѣ женъ откуда кто захочетъ, поморскіе Ливы ѣзжали искать себѣ невѣстъ къ Ангернскимъ, а Ангернскіе къ нимъ. Точно такъ же, говорятъ, пріѣзжали Ливы *изъ Раденскаго края* (aus dem *radischen*) сюда, къ нашимъ, сватать невѣстъ, а наши ѣзжали къ Раденскимъ.

Стран. 102. Граница древней Курляндіи опредѣляется XX дипломомъ (актъ легата Вильгельма Моденскаго, Рига 1237 г.) слѣдующимъ образомъ: «Къ епископству Курляндскому должно принадлежать то, что лежитъ между Мемелемъ и сказанною Виндою до Литвы, и отъ того мѣста гдѣ Абоа соединяется съ Вендою до границы Земголы.» — Примѣч. Изъ этого опредѣленія границы ясно усматривается, что около нынѣшняго Бауска въ древнія времена должны были жить Куры. И донынѣ между рѣками Абоа и Аа, въ Бауской округѣ, въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ кирхшпилѣ, находимъ мѣстность, гдѣ поселяне говорятъ по-эстски. Выдаютъ они себя, правда, за Эстовъ, выведенныхъ сюда въ то время, когда строился Баускій замокъ, и предположительно должны они быть изъ подъ Дерпта, потому что Латыши въ Земголѣ называютъ ихъ Кревинами, то есть Русскими. Однако что̀ доказываетъ такое переселеніе, кромѣ развѣ того, что народъ въ такомъ краѣ, гдѣ онъ упалъ вслѣдствіе всяческихъ несчастныхъ случаевъ, хотѣли опять поднять посредствомъ привода туда другаго народа ему подобнаго?

VII. G. F. Stender. *Lettische Grammatik*, zweite Aufl. Mitau, 1783. (Г. Ф. Штендеръ, Латышская грамматика, второе изданіе, Митава, 1783).

Стран. 16. Хотя среди самой Курляндіи есть двѣ мѣстности, въ которыхъ крестьяне между собою говорятъ на языкѣ въ родѣ

эстскаго, а съ посторонними по-латышски, однако это никогда не имѣло вліянія на латышскій языкъ, потому что эти Эсты никогда съ Латышами не смѣшивались, и никогда оба народа между собою не брачились. Означенныя двѣ мѣстности суть: 1) въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ краѣ, которыхъ называютъ Кревинами. Должно полагать, что они были нѣкогда загнаны туда Русскими, которые по-латышски называются Креви; 2) на Ангернскомъ побережьи, гдѣ они сами себя называютъ Ливами, именемъ идущимъ отъ первыхъ жителей Лифляндіи.

VIII. G. F. Stender. *Lettisches Lexikon.* Mitau, 1789. (Г. Ф. Штендеръ, Латышскій словарь. Митава, 1789.)

Стран. 377. Кревины (Kreewini), Альтъ- и Ней-Раденскіе крестьяне, которые между собою говорятъ на языкѣ въ родѣ эстскаго. Это древняя русская колонія изъ Эстляндіи (срав. стр. 117 «Латыши въ Раденскомъ краѣ, быть можетъ, прежняя русская колонія»).

IX. J. C. Brotze. *Monumenta* etc. Riga, 1790. (І. К. Бротце, Памятники, и т. д. Рига, 1790.)

Въ Рижской городской библіотекѣ находится цѣлый рядъ фоліянтовъ, содержащій въ себѣ составленное Бротце весьма любопытное и драгоцѣнное собраніе рисунковъ, представляющихъ самые разнообразные предметы, со слѣдующими къ нимъ объясненіями. Тутъ есть карты, планы, виды городовъ и мѣстностей, изображенія одеждъ и мундировъ, орудій и т. д.; между прочимъ, въ третьемъ томѣ подъ № 100, есть также изображеніе «крестьянина Кура изъ Рандена (Saules muischa)». Ранденъ—приходъ въ

Лифляндіи, но здѣсь это имя очевидно поставлено опискою вмѣсто Радена (Rahden); это доказывается прибавленнымъ латышскимъ именемъ, да и въ объясненіи также сказано, что изображенный на картинкѣ поселянинъ есть Кревинъ. Все изображеніе, пожалуй, ошибочно, ибо весь нарядъ совершенно отличенъ отъ одежды достовѣрно намъ извѣстной за одежду Кревиновъ; кромѣ того другая картинка, № 55, представляетъ совершенно въ томъ же видѣ двоихъ крестьянъ (Латышей) изъ Оленгофа, Лёзерскаго кирхшпиля, Венденскаго уѣзда, въ Лифляндіи. Въ объясненіи къ картинкѣ № 100 Бротце говоритъ: Онъ (изображенный крестьянинъ) принадлежитъ къ обитающимъ въ этомъ уѣздѣ Кревингамъ, которые предположительно были въ давнія времена пригнаны сюда, какъ военноплѣнные, изъ Эстляндіи. Между собою говорятъ они по-эстски, съ другими же по-латышски. Откуда пошло имъ названіе Кревины (Kreewini), которое значитъ «Русскіе», въ точности не извѣстно; должно полагать, что это произошло вслѣдствіе вывода ихъ, еще въ гермейстерскія времена, изъ той части Эстляндіи, которая была въ то время подвластна русскимъ князьямъ, именно изъ Унганіи.

Дитмаръ ссылается на статью І(огана) Х(ристофа) Б(ротце), помѣщенную въ «Историческомъ и географическомъ журналѣ Фабри и Гаммердёрфера за 1790 годъ, въ которой проводится мысль, что Кревины суть Эсты и что свое имя (отъ Латышскаго Кревсъ, Русскій), они получили отъ того, что та часть Эстляндіи, изъ которой они происходятъ, въ до-гермейстерскія времена находилась подъ русскимъ владычествомъ. Не смотря на всѣ мои разысканія въ 1869 и 1870 годахъ, мнѣ не удалось отыскать означенный журналъ ни въ Россіи, ни за границею, и тѣмъ болѣе долженъ я быть благодаренъ г. библіотекарю Беркгольцу за обязательное указаніе мнѣ приведенной выше замѣтки въ «Памятникахъ» Бротце, которая содержитъ уже зародышъ мысли, вѣроятно съ бо̀льшею подробностью развитой авторомъ въ журналѣ Фабри.

X. *Beschreibung der Provinz Curland*, v. Keyserlingk u. Derschau. Mitau 1805. (Описаніе Курляндской губерніи, Кейзерлинга и Дершау. Митава, 1805.).

Стран. 188. в) Кревинги. Этотъ народецъ, объ историческомъ началѣ котораго молчатъ всѣ имѣвшіеся въ нашемъ распоряженіи источники, отличающійся отъ прочихъ Латышей и одеждою и языкомъ, живетъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Нейраденѣ, Мемельгофѣ и Круссенѣ, отчасти также въ казенномъ имѣніи Витвенгофѣ, около Бауска, и сохраняетъ до сихъ поръ приведенное особенное свое имя. Первыя два имѣнія населены исключительно одними Кревингами; въ первомъ число ихъ простирается приблизительно до 600 душъ мужескаго и столькихъ же женскаго пола; въ Мемельгофѣ же всего 20 хозяевъ, такъ что здѣсь можно приблизительно считать свыше 100 душъ мужескаго и 100 душъ женскаго пола. Они говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ и Ливы, только слегка отличающимся нарѣчіемъ. Впрочемъ языкъ ихъ повидимому съ каждымъ днемъ утрачивается, ибо на немъ говорятъ еще одни только старики. Точно такъ же исчезаютъ особенности ихъ одежды и обычаевъ; послѣдніе уже почти не представляютъ никакихъ отличительныхъ чертъ. Нравственныя свойства ихъ совершенно тѣ же, какъ всѣмъ извѣстныя свойства Латышей, а равно и образъ жизни, въ которомъ они отличаются развѣ только, — не къ выгодѣ ихъ сказать, — бо̀льшею наклонностью къ цинизму. Одежда мужчинъ [Примѣч. въ выноскѣ. Приложеннымъ изображеніемъ Кревингской одежды обязаны мы благосклонному сообщенію г. колежскаго асесора Фонъ-Рекке; оно заимствовано изъ его столь важнаго для отечественной исторіи и для познанія края собранія матеріяловъ] отличается только вышитымъ цвѣтною шерстью воротникомъ у рубашки. Женскую одежду составляетъ обхватывающій тѣло кусокъ синяго сукна, вышитый корольками и навѣшенный на одно плечо; сорочка, которая всегда видна изъ-подъ верхней одежды, украшена по подолу тонкою каймою, вышитою гарусомъ; воротникъ

также вышитъ. Женскій головной уборъ состоитъ изъ покрывала, сдѣланнаго изъ прозрачной ткани, обшитаго каймами и приколотаго на головѣ большою серебряною булавкою. Дѣвушки ходятъ съ непокрытыми головами или, подобно Латышкамъ, надѣваютъ на голову повязку.

XI. J. Fr. Recke. *Wöchentliche Unterhaltungen fiir Liebhaber deutscher Lectiire in Russland.* Bd. II. Mitau 1805. (I. Фр. Рекке, Еженедѣльныя бесѣды для любителей нѣмецкаго чтенія въ Россіи, т. II. Митава, 1805.)

Стран. 24. Еще небольшая горсть этого народа (т. е. Ливовъ) живетъ въ помѣстьяхъ Альтъ- и Ней-Залисѣ, миляхъ въ 15 отъ Риги; и одноплеменники же ему, по всей вѣроятности, Кревины (Kreewiñen), живующіе въ Курляндіи, въ открестностяхъ Бауска, въ имѣніяхъ Ней-Раденѣ, Витвенгофѣ, Мемельгофѣ и Круссенѣ. По крайней мѣрѣ языкъ послѣднихъ есть также финско-эстское нарѣчіе и представляетъ большое сходство съ языкомъ ливскимъ; даже въ одеждѣ Кревины по настоящее время очень схожи съ Финнами и Эстами. Но какимъ образомъ они попали въ эту именно мѣстность, или по какому случаю они тутъ остались, и откуда пошло имъ имя Кревины — объ этомъ, насколько намъ извѣстно, молчатъ и исторія и преданіе.

XII. *Письмо Альтъ-Раденскаго Пастора* Карла Лутцау *къ надворному совѣтнику* І. Фр. Рекке, *отъ 7 ноября 1810* (въ рукописи въ Курляндскомъ провинціяльномъ музеѣ, въ Митавѣ).

Мнѣ чрезвычайно лестно приглашеніе вашего высокобла-

городія наполнить прилагаемый словарь Кревинскаго языка. Я соблюдалъ всевозможную точность относительно правильнаго произношенія, и для этого долженъ былъ прибѣгнуть къ употребительнымъ въ латышскомъ языкѣ буквамъ съ надстрочными знаками. Три слова только остались безъ перевода. Кревиновъ, еще говорящихъ на этомъ языкѣ, какъ въ моемъ Альтраденскомъ, такъ и въ Нейраденскомъ приходѣ, можно насчитать много-что человѣкъ отъ 12 до 15, и это—почти все старики; молодые люди этому языку уже не учатся, и лѣтъ черезъ 20 или 30 онъ, вѣроятно, совершенно исчезнетъ. На этомъ говорѣ (jargon или patois) никогда не существовало ни одной строчки печатной, все въ немъ—одно устное преданіе. Для того, чтобы имѣть возможность привести идіотизмы этого языка, мнѣ надлежало бы знать языки финскій и эстскій, а я ихъ не знаю. Отъ лицъ, которыхъ я спрашивалъ, я не могъ добиться даже указанія члена передъ существительными именами (!). Кревины не имѣютъ на своемъ языкѣ никакихъ ни духовныхъ, ни свѣтскихъ пѣсенъ; всѣ они безъ исключенія держатся евангелическо-лютеранскаго исповѣданія. Даже особенности ихъ одежды,—на мужчинахъ коричневый кафтанъ изъ домашняго сукна и разноцвѣтно-вышитый воротникъ у рубашки; на женщинахъ разными цвѣтами вышитая сорочка, обвитое вокругъ тѣла, съ праваго боку раскрытое одѣяло (enveloppe) съ пестрыми заткаными узорами или шитьемъ, въ зимнее время повязанный вокругъ головы платокъ, прикрѣпляющійся длинною, очень изукрашенною серебряною булавкою, на груди нѣсколько серебряныхъ бляхъ или брошекъ (*брезг*) — и тѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исчезаютъ. Кревины отличаются особенною наклонностью къ опрятности, къ благочестію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и упорною привязанностью къ суевѣріямъ. Въ рѣчи, даже когда они говорятъ по-латышски, особенно любятъ употреблять уменьшительныя слова.

XIII. *Письмо пастора* Карла Лутцау *отъ 8 іюля 1815* (въ рукописи въ Императорской публичной библіотекѣ въ С. Петербургѣ).

Обитающіе въ моемъ Ней-Раденскомъ приходѣ такъ называемые Кревины суть народъ финско-эстскаго племени (какъ показываетъ самый языкъ ихъ), который за сто съ чѣмъ то лѣтъ тому назадъ, — не могъ я только добиться по какому случаю,— былъ переселенъ въ этотъ край. Кревиновъ, до сихъ поръ знающихъ кревинскій языкъ и говорящихъ на немъ, наберется много что семь человѣкъ, и все это — старики; молодые люди этому языку уже не учатся. Даже особенности мужской одежды, состоящія только въ вышитомъ разными цвѣтами воротникѣ на рубашкѣ и въ темно-коричневомъ короткомъ кафтанѣ изъ крестьянскаго сукна, равно какъ женская одежда, которая состоитъ не въ обыкновенномъ женскомъ платьѣ, а въ шерстяномъ пестромъ вышитомъ *одъялѣ* (envelopre), подвязанномъ въ станѣ поясомъ, и пестромъ же покрывалѣ, которое носится на подобіе шали, въ большой серебряной, сильно изукрашенной, длинной булавкѣ, которою онѣ прикрѣпляютъ волоса, и въ нѣсколькихъ большихъ серебряныхъ *брезахъ* (пряжкахъ или бляхахъ), годъ отъ году все болѣе и болѣе исчезаютъ. Кревины народъ благочестивый, набожный, трудолюбивый и честный; только въ наклонности къ суевѣрію они еще превосходятъ прочихъ Латышей.... О грамматическомъ разборѣ притчей и молитвы Господней нельзя и думать по той причинѣ, что на языкѣ здѣшнихъ Кревиновъ и теперь не существуетъ, и никогда не бывало ни одного печатнаго листка, ни духовнаго, ни свѣтскаго содержанія. Осенью 1810 года, по желанію г. совѣтника казенной палаты надворнаго совѣтника Рекке, я составилъ для одного члена С. Петербургской Академіи Наукъ словарь, содержавшій около 400 предложенныхъ словъ на Кревинскомъ языкѣ; я препроводилъ его къ г. надворному совѣтнику Рекке.

XIV. K. Fr. Watson. *Ueber die Kreewingen im Bauskeschen Bezirke Kurlands.* (К. Фр. Ватсонъ, О Кревингахъ Баусскаго уѣзда въ Курляндіи; читано въ Курляндскомъ Обществѣ литературы и искуства, въ Митавѣ, 1824 г.) [2]).

Это чтеніе Ватсона напечатано въ первомъ томѣ записокъ (Sendungen) Общества за 1840 годъ, стран. 34 и слѣд., причемъ ему предпослана слѣдующая замѣтка отъ редакціи: «Мы тѣмъ болѣе считаемъ долгомъ познакомить публику съ этимъ трудомъ покойнаго Ватсона, что еще очень недавно въ газетѣ «Ausland», въ № 189 за 1838 годъ, и въ № 195 С. Петербургскихъ (нѣмецкихъ) вѣдомостей отъ 6 августа настоящаго года сообщалось нѣсколько ошибочныхъ свѣдѣній о народцѣ, къ которому относится статья Ватсона. Тамъ говорится между прочимъ: «Общее число ихъ (Кревиновъ) можетъ до настоящаго времени про«стираться до 1600 душъ»; это показаніе, почерпнутое вѣроятно изъ «Beschreibung der Provinz Kurland» (Митава, 1805 г.), пожалуй и тогда уже, т. е. за 35 лѣтъ назадъ, было невѣрно. По новѣйшему исчисленію, обязательно сообщенному намъ Альтъ- и Ней-Раденскимъ пасторомъ Гейнр. Карломъ Лутцау, оказывается, что во всемъ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ, вмѣстѣ съ принадлежащимъ къ Бирзенскому приходу имѣніемъ Монтигайллишекъ, живетъ еще въ настоящее время всего-на-все пятнадцать человѣкъ Кревинговъ, мущинъ и женщинъ, изъ которыхъ однако ни одинъ уже не говоритъ на своемъ родномъ языкѣ, такъ что предвидится совершенное исчезновеніе этого языка въ очень непродолжительномъ времени».

. . . . Въ исторіи нашего отечества существованіе небольшой горсти людей финскаго племени среди широко раскинувшагося славянскаго населенія возбуждало въ продолженіе послѣднихъ 54 лѣтъ общее любопытство и вызвало разныя мнѣнія и

---

[2]) Срав. объявленіе объ этомъ засѣданіи Общества, съ краткимъ означеніемъ содержанія чтенія Ватсона, въ «Ostseeprovinzialblatt» 1824 г., № 47.

объясненія, которыя и не родились бы, если бы ранѣе раскрылись истинныя, крайне простыя, обстоятельства дѣла.

На небольшую горсть такъ называемыхъ Кревпнговъ, живущихъ въ Баусскомъ уѣздѣ, преимущественно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Гансъ-Мемельгофѣ, Альтъ-Раденѣ, Ней-Раденѣ и Круссенѣ, первый обратилъ вниманіе въ историческомъ отношеніи Авг. Лудов. Шлёцеръ, въ сочиненіи изданномъ имъ въ 1770 году подъ названіемъ «Haigolds Beilagen zum neuveränderten Russland». Съ тѣхъ поръ всѣ изслѣдователи исторіи сѣвера хватались за этотъ предметъ, говорили о Кревингахъ и пытались съ помощью ихъ придавать вѣроятность своимъ, иногда чрезвычайно страннымъ, гипотезамъ. Дитмаръ издалъ даже отдѣльное небольшое сочиненіе о Кревингахъ; онъ находилъ въ нихъ остатки тѣхъ Несторовыхъ Кривичей, которые вмѣстѣ съ четырьмя другими народами призвали Рюрика и его братьевъ въ Новгородъ и такимъ образомъ основали Русское государство. До настоящаго даже времени скептикъ Лербергъ [3]) и геніальный Гейдельбергскій профессоръ Моне [4]), равно какъ камеръ-директоръ Іог. Леонг. Парротъ [5]), придаютъ немалое значеніе этимъ Кревингамъ. Я самъ, живущій почти въ самыхъ мѣстахъ ихъ поселенія, не могъ иначе объяснить себѣ нахожденіе этихъ Кревпнговъ среди Латышскаго населенія, какъ предположеніемъ, что въ тѣхъ обширныхъ разбойничьихъ набѣгахъ, которые Литовцы, особенно въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, производили ежегодно великимъ постомъ на Эстовъ, принимали иногда участіе нѣкоторые изъ старѣйшинъ и вождей

---

[3]) A. C. Lehrberg, Untersuchungen zur Erklärung der älteren Geschichte Russlands St. Petersburg, 1816, стран. 145. — А. Х. Лерберга, Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи Перевелъ Д. Языковъ. Санктпетербургъ, 1819. Стран 118.

[4]) Авторъ вѣроятно имѣлъ въ виду продолженіе Моне къ знаменитому сочиненію Крейцера: Fr. Kreutzer, Symbolik und Mythologie, fortgesetzt von Dr. F. J. Mone. T. V, 1822, стран. 7 слѣд.

[5]) J. L. v. Parrot. Versuch einer Entwickelung der Sprache und Abstammung der Liwen, Lätten und Eesten. Stuttgart, 1828, стран. 132.

столь близко родственныхъ Литовцамъ Земгалловъ, — изъ которыхъ значительная часть, Зелы, до уступки этого края въ 1258 году Нѣмецкому Ордену, была подвластна Литвѣ, — оставилъ за собою нѣкоторую часть забранныхъ плѣнныхъ и что такимъ образомъ произошло поселеніе ихъ въ этой мѣстности. Эта догадка побудила меня даже отвести Кревингамъ мѣсто на изданной при II томѣ «Годичныхъ актовъ» нашего Общества картѣ политическаго дѣленія Курляндіи до прибытія Нѣмецкаго Ордена.

Между тѣмъ всѣ эти болѣе или менѣе вѣроподобныя воззрѣнія и объясненія относительно прихода въ здѣшній край Кревиновъ разсыпаются въ прахъ, какъ ничтожныя гипотезы передъ истинными фактами дѣла.... Наши прославленные Кревинги, о которыхъ такъ много писано и которымъ придавалось такое большое значеніе и на мѣстѣ, и еще болѣе въ другихъ странахъ, въ дѣйствительности оказываются не болѣе, какъ горстью крѣпостныхъ людей, купленныхъ на островѣ Эзелѣ для того, чтобы вновь заселить помѣщичье имѣніе, совершенно обезлюдѣвшее въ началѣ прошлаго столѣтія вслѣдствіе чумы. Данныя для разрѣшенія этой загадки заключаются въ слѣдующемъ извѣстіи, которымъ я обязанъ одному (нынѣ уже умершему) члену нашего Общества, именно Баусскому пастору доктору Крюгеру:

«Госпожа Лупза фонъ-Ганъ, родная мать нынѣшняго вла«дѣльца имѣнія Гансъ-Мемельгофа, урожденная фонъ Гротхусъ, «на дняхъ разсказывала слѣдующее: дѣдъ ея покойнаго перваго «мужа, Фр. фонъ-Ганъ, владѣлецъ Мемельгофа и Монтигайлли«шека, во время чумы лишился почти всѣхъ своихъ крѣпостныхъ «людей; осталось въ живыхъ всего три человѣка. Для того, чтобы «вновь добыть себѣ рабочія руки для обработки полей, онъ ку«пилъ на островѣ Эзелѣ значительное число крестьянъ, преимущественно мужчинъ, и поселилъ ихъ въ своемъ Мемельгофскомъ имѣніи въ Курляндіи. Въ семействахъ и между потомками этихъ Эзельцевъ сохранился эстскій языкъ, разумѣется не безъ сильной порчи и примѣси латышскаго, а также сохранились нѣкоторые обычаи и все одѣяніе Эстовъ. Изъ этихъ поселенцевъ нѣко-

Академія наукъ СССР
Институтъ

торые впослѣдствіи, черезъ браки, перешли въ казенный Мемельгофъ и въ Ней-Раденъ».

Это разъясненіе и возстановленіе историческаго факта, которымъ мы обязаны госпожѣ Фонъ-Ганъ, подтверждается и устнымъ преданіемъ, которое притомъ сопровождаетъ его нѣкоторыми подробностями. Именно, одна 103-лѣтняя старуха Латышка, за нѣсколько лѣтъ назадъ умершая при помѣщичьемъ дворѣ въ Гансъ-Мемельгофѣ, часто разсказывала, какъ очевидица, о томъ, какое удивленіе возбудило во всемъ краѣ прибытіе этихъ чужеплеменниковъ, языка которыхъ никто не понималъ. — Что же касается имени *Кревины* (Kreewini), даннаго Латышами этимъ поселенцамъ, то оно совершенно въ духѣ латышскаго языка. Кревсъ по-латышски означаетъ не только Русскаго, но вообще чужаго, чужестранца, пришедшаго съ сѣвера или съ востока; съ этимъ названіемъ Кревсъ въ латышскомъ языкѣ соединяется такое же понятіе грубости и дикости, какое въ греческомъ языкѣ соединялось со словомъ βάρβαρος. Въ виду же забитой наружности или бѣдственнаго положенія этихъ эзельскихъ пришельцевъ, Латышамъ весьма естественно было примѣнить къ нимъ не слово Креви, а уменьшительную его форму *Kreewini* (маленькіе чужіе, бѣдненькіе, несчастненькіе чужіе).

.... Если найдется иной черезъ-чуръ взыскательный историческій критикъ, которому покажется, что приведенное простое и совершенно естественное объясненіе того, что такое собственно Кревинги, какимъ образомъ они попали въ Курляндію и откуда взялось ихъ имя, не можетъ быть признано за вполнѣ доказанную историческую истину, или надѣленный черезъ чуръ пылкою фантазіею ученый, который не рѣшится еще проститься съ какою либо полюбившеюся ему гипотезою о Кревингахъ, то для нихъ я присовокуплю, что во всемъ, весьма значительномъ, запасѣ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ, касающихся нашей отечественной исторіи, нигдѣ не встрѣчается ни полслова о Кревингахъ, между тѣмъ какъ, напротивъ, въ нихъ очень часто говорится о подвластныхъ курляндскимъ епископамъ Ливахъ.

Это одно уже ясно указываетъ, что прибытіе Кревинговъ есть событіе позднѣйшаго времени.

XV. E. Svenson, *Pastor zu Zohden, Notiz über den Uebervest eines alten Volksstammes, die Kreewingen genannt.* (Э. Свенсонъ, пасторъ въ Цоденѣ, Замѣтка объ остаткѣ древняго племени, именуемаго Кревингами, въ газетѣ «Inland». 1836. № 50).

Предки живущихъ въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ, неподалеку отъ Бауска, въ Курляндіи, Кревинговъ, переведены въ Курляндію изъ Эстляндіи, около того времени, когда магистръ ордена Іоганъ фонъ-Менгденъ, по прозванію Остгофъ, строилъ въ 1456 году Баусскій замокъ, и слѣдовательно происходятъ отъ Эстовъ. Латыши называютъ ихъ Kreewiņņi, т. е. маленькими Русскими, уменьшительнымъ отъ Креви, латышскаго имени Русскихъ, по той причинѣ, что Эстовъ, какъ исконныхъ подданныхъ Россіи, считали какъ бы составлявшими одно общество съ Россіею. Теперь впрочемъ Кревинги составляютъ одинъ народъ съ Латышами, ибо совершенно слились съ ними и въ религіозномъ и въ общественномъ отношеніи, и отличаются отъ нихъ только одеждою, да своимъ большимъ благочестіемъ и добрыми нравами. Они также брачатся съ Латышами, съ которыми вмѣстѣ же ходятъ къ причастію; однимъ словомъ живутъ съ ними въ христіянской любви и непарушимомъ согласіи и стяжали славу строго-нравственнаго и миролюбиваго остатка существовавшаго въ древнія времена народа. (Примѣч. Редакція многократно просила о сообщеніи ей свѣдѣній объ этомъ любопытномъ остаткѣ народа; но до сихъ поръ получила только эту замѣтку, которую она и представляетъ читателямъ «Inland»).

XVI. Dr. Fr. Kruse. *Ur-Geschichte des Esthnischen Volkes.* Leipzig. 1846. (Докт. Фр. Крузе, Первобытная исторія Эстскаго народа. Лейпцигъ, 1846).

Стр. 156 и слѣд. b) Кревины или Кревинги. [Я не нахожу нужнымъ выписывать приводимыя докторомъ Крузе мнѣнія и извѣстія другихъ писателей, касательно Кревиновъ, а выпишу только тѣ свѣдѣнія, которыя лично собралъ и сообщилъ ему Г. Ф. Гильденштуббе]. Двое Кревинговъ, которые, по моей просьбѣ, были въ 1843 году спрошены на мѣстѣ г. фонъ-Гильденштуббе, — единственные двое, еще сохранившіе свой языкъ и свою національность *), также показали, что предки ихъ были «послѣ большаго мора» (т. е. вѣроятно послѣ бывшей въ началѣ восемнадцатаго вѣка чумы) привезены съ острова Замы (Сааремы, Эзеля) на трехъ телѣгахъ и разселены въ шести имѣніяхъ **). Г. фонъ-Гильденштуббе не нашелъ однако въ этихъ имѣніяхъ никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ переселеніи. По описанію г. фонъ-Гильденштубе, мужчины носятъ длинные суконные кафтаны (амме) темно-коричневаго цвѣта и (подобно Литовцамъ) бѣлые тулупы, съ черною оторочкою на рукавахъ и карманахъ, шляпу (каппалюшъ, съ польскаго) или шапку (капперъ). Свою рубашку ***), вышитую у ворота синимъ и краснымъ цвѣтами, называютъ они кіютъ (kiut), сапоги сабакадъ (sabakad), кафтанъ вита (wita).

---

*) Оставалось еще неолатышенныхъ Кревинговъ всего 10 человѣкъ въ Альтъ-Раденѣ и 4 человѣка въ Гансъ-Мемельгофѣ, изъ которыхъ могли быть спрошены только двое стариковъ, еще понимавшіе языкъ своихъ праотцевъ; впрочемъ и они не могли уже припомнить многихъ словъ, изъ самыхъ близкихъ имъ по ихъ быту. Это доказываетъ, что при изслѣдованіи сродства языковъ не слѣдуетъ смотрѣть именно на такіе близкіе предметы См. сравненіе кревингскаго нарѣчія съ другими нарѣчіями (Прилож. V)

**) Въ Альтъ-Раденѣ, Ней-Раденѣ, Гансъ-Мемельгофѣ, казенномъ (кроно) Мемельгофѣ, Круссенѣ (и вѣроятно въ Витвенгофѣ) близъ Бауска.

***) Г. фонъ-Гильденштубе хотѣлъ было у одного старика, носившаго еще кревингскую одежду, купить его рубашку Но старикъ отвѣчалъ, что «не продается ни за какія деньги; покойница жена соткала ее собственными руками, «и онъ хочетъ, чтобы въ ней же положили его въ гробъ». Прочіе Кревинги,

XVII. A. J. Sjögren. *Bericht über eine im Auftrage der russischen geographischen Gesellschaft während der Sommermonate 1846 unternommenen Reise zur genauen Untersuchung der Liven und Kreewingen.* (А. І. Шёгрена, Отчетъ о предпринятомъ по порученію Русскаго Географическаго Общества, лѣтомъ 1846 года, путешествіи для точнаго изслѣдованія Ливовъ и Кревинговъ. Напечатанъ въ «Denkschriften» (Записках) Русскаго Геогр. Общ., изданныхъ въ Веймарѣ, 1849 года т. I, стр. 453 и слѣд.).

Прибывъ на мѣсто [въ Ней-Раденъ], нашли мы тамъ семь человѣкъ Кревинговъ, именно одного старика высокаго роста, съ продолговатымъ лицомъ, длиннымъ носомъ и высокимъ лбомъ, и шесть женщинъ, частью средняго, частью маленькаго роста; всѣ онѣ были также болѣе или менѣе пожилыхъ лѣтъ, и на всѣхъ былъ чрезвычайно своеобразный нарядъ... Къ этому наряду прежде всего принадлежитъ такъ называемый заппанъ (sappan), то есть покрывало изъ тонкаго бѣлаго полотна, съ нитяными каймами, представляющими разнообразные, крупные, симетрически расположенные узоры. Это покрывало закрываетъ голову со всѣхъ сторонъ, кромѣ лица, и сзади ниспадаетъ на спину и на плечи. Подъ такимъ покрываломъ носятъ онѣ чепецъ; иныя сверхъ него повязываютъ еще пестрый платокъ, особенно когда выходятъ со двора въ вѣтряную погоду, для того, чтобы покрывало не развѣвало вѣтромъ. Въ прежнее время это покрывало, всегда означающее замужнюю женщину, прикалывалось къ чепцу длинною серебряною булавкою, къ которой, по обоимъ концамъ, привѣшивались бубенчики. Дѣвушки заплетали волосы въ косу и надѣвали на голову повязку; съ затылка висѣла длинная лента. Оригинальная верхняя одежда, называемая урскъ (ursk), сдѣланная изъ пестрой клѣтчатой шерстяной ткани, желтой съ

называющіеся еще этимъ именемъ, одѣваются уже только по-латышски. Женщины въ своеобразномъ кревингскомъ нарядѣ г. Фонъ-Гильденштуббе не удалось уже видѣть.

синимъ, краснымъ и бѣлымъ, съ широкою коричневою каймою по подолу, и совершенно раскрытая на правомъ боку, держится только посредствомъ узенькой тесьмы, надѣтой черезъ правое плечо и кромѣ того подвязывается въ станѣ краснымъ поясомъ. Въ прежнее время поясъ этотъ дѣлался изъ гладкой, блестящей кожи, и на него навѣшивались разныя украшенія. Подъ этимъ верхнимъ платьемъ носятъ кревингскія женщины длинную бѣлую сорочку, называемую кіютингъ (kiuting), съ пестрыми вышитыми наплечниками и съ небольшою серебряною застежкою или пряжкою на груди, называемою зёлькъ (sölk). На ногахъ—чулки изъ бѣлаго полотна и лапти; зимою—пестрые, вышитые шерстяные чулки и башмаки, которые въ прежнее время, говорятъ, бывали сафьянные и на высокихъ каблукахъ. Сверхъ всего надѣвали женщины въ прежнее время еще синій суконный кафтанъ, обшитый кругомъ красною шерстяною каймою, обвѣшенною по подолу бубенчиками, которые своимъ звономъ еще издали возвѣщали приближеніе женщины. Еще непремѣнную принадлежность прежняго женскаго праздничнаго наряда составлялъ бѣлый кисейный передникъ съ красною шерстяною каймою по подолу. Вообще нынѣшній нарядъ, относительно числа и богатства входящихъ въ него предметовъ, составляетъ только четверть того, что онъ былъ въ прежнее время. Особенная роскошь водилась въ застежкахъ; серебряная застежка бывала вдвое больше теперешней, и кромѣ того, въ большую серебряную застежку вставлялась еще другая, поменьше, золотая. Но уже въ 1812 году, при повсемѣстныхъ военныхъ поборахъ, сопровождавшихъ Французское нашествіе, Кревингскія женщины лишились бо̀льшей части своихъ цѣнныхъ украшеній; а вещи, какія онѣ успѣли пріобрѣсти послѣ того, пришлось по бо̀льшей части распродать въ бывшіе въ послѣднее время тяжелые неурожайные годы. Такимъ образомъ то, что прежде составляло принадлежность почти ежедневнаго, будничнаго одѣянія, теперь ужъ принадлежитъ только къ праздничному наряду. Въ прежнія времена на невѣсту въ день свадьбы надѣвалось три наряда, изъ которыхъ послѣ свадьбы снималось

по одному каждое воскресенье. На свадьбѣ она обязана была подарить полный такой нарядъ своей свекрови. По пріѣздѣ въ домъ жениха, она должна была положить по парѣ перчатокъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ то у колодца, на порогѣ, за печкою, въ хлѣву. Всю родню должна была также одарить разными предметами одѣянія, перчатками, чулками, сорочками; такъ что дѣвушкѣ приходилось много лѣтъ заранѣе приниматься за работу, чтобы мало по малу заготовить къ свадьбѣ все, что ей требовалось на собственное приданое и на подарки другимъ; надо было прибѣгать къ помощи сверстницъ, или же, въ самыхъ неблагопріятныхъ случаяхъ, все закупать на деньги. И по настоящее время все, что принадлежитъ къ женскому наряду, за исключеніемъ только металлическихъ вещей, кревингскія женщины изготовляютъ сами. — Что касается мужчинъ, то они давно уже бросили свое старое, своеобразное одѣяніе и приняли теперешнее латышское платье. Тотъ старикъ, котораго я видѣлъ, былъ одѣтъ въ длинный темносѣрый кафтанъ, который онъ по кревингски называлъ витенъ (witen), и подпоясанъ въ станѣ поясомъ; единственнымъ отличіемъ въ его простомъ одѣяніи былъ пестрый вышитый воротникъ у рубашки съ висѣвшими отъ него двумя пестрыми же кистями. Въ прежнее время мужчины носили на правомъ боку привѣшанный къ поясу ножъ, короткое, опускавшееся немножко ниже колѣнъ исподнее платье, чулки и башмаки.

Описанный выше замѣчательный нарядъ кревингскихъ женщинъ, какъ я уже упоминалъ, составляетъ въ настоящее время единственное уже отличіе ихъ племени. Ибо онѣ уже всѣ приняли языкъ латышскій и до того забыли собственный языкъ, что изъ бывшихъ на лицо шести женщинъ только двѣ или три припоминали еще кой-какія отдѣльныя слова... Старикъ, которому было лѣтъ около восьмидесяти, сначала показался болѣе свѣдущимъ; но я скоро убѣдился, что и его знаніе вообще ограничивалось точно также одними разрозненными словами, да и въ этомъ даже не всегда можно было на него положиться. Такъ напримѣръ, когда мы пригласили его заговорить по-кревингски со сто-

явшею подлѣ него женщиною, онъ сказалъ: «kui magama», что по его мнѣнію значило: «какъ ты спала?» Женщина не умѣла ему отвѣчать, и тогда онъ сказалъ ей, что ей слѣдуетъ отвѣчать «tiwin», то есть хорошо... Въ оправданіе своего незнанія онъ ссылался на то, что онъ уже двадцать лѣтъ не говорилъ по-кревингски. Кромѣ весьма немногихъ и самыхъ коротенькихъ предложеній, онъ не въ состояніи былъ перевести ни одной сколько нибудь длинной, связной фразы,... и я тщетно бился съ нимъ, стараясь добыть отъ него личныя окончанія настоящаго времени какого бы то ни было конкретнаго глагола. Только въ другое уже время и совершенно случайно удалось мнѣ уловить двѣ или три такія формы. По большей части онъ довольствовался окончаніемъ ma, принадлежащимъ также и эстскому языку, и которое онъ ошибочно распространялъ и на окончательныя формы глагола... Этотъ первый и послѣдній видѣнный мною Кревингъ назывался Миккель Заузаисъ (Mikkel Sausais), или по-кревингски Куива (сухой), какъ онъ же самъ объяснилъ. Онъ былъ изъ Рокенской усадьбы и служилъ лѣсникомъ въ Гансъ-Мемельгофскомъ имѣніи....

Вотъ перечень прочихъ Кревинговъ, который вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Ней-Раденъ, дали мнѣ, послѣ долгаго размышленія и въ присутствіи своего пастора, созванные туда люди:

а) въ вышеназванномъ имѣніи: 2) жена помянутаго лѣсника, Заппе (Sappe); 3) въ усадьбѣ Местенѣ вдова Дарте Парейцъ (Dahrte Pareiz); 4) въ усадьбѣ Ренге вдова Заппе Парейцъ; — б) въ имѣніи Ней-Раденѣ: 5) въ усадьбѣ Игнатенѣ вдова Заппе Брикауцки (Sappe Brikauzky); 6 и 7) въ усадьбѣ Варбегѣ вдова Анна Дунтавсъ (Anne Duntaws) и Ильца Кринскъ (Ilze Krinsk); 8 и 9) въ усадьбѣ Мальдикѣ Кристъ Дравенекъ (Krist Draweneek) и его жена Мадде; 10) въ усадьбѣ Кугьелѣ вдова Анна Лика (Anne Lihka) [6]).

[6]) Я позволилъ себѣ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ именъ нѣсколько измѣнить правописаніе, ближе придерживаясь къ произношенію, какъ я ихъ слышалъ изъ устъ самого Альтъ-Раденскаго пастора

Прошлою зимою умеръ послѣдній Кревингъ въ Витвенгофскихъ владѣніяхъ, и затѣмъ въ настоящее время, кромѣ исчисленныхъ выше, не существуетъ больше Кревинговъ — разумѣется если подъ этимъ названіемъ разумѣть такихъ людей, которые, хотя бы одною только одеждою, сколько нибудь отличались бы отъ остальнаго мѣстнаго населенія. Иначе, людей только происходящихъ отъ Кревинговъ, конечно, насчитается еще множество. Такъ, я самъ зналъ въ городѣ Баускѣ одного писаря, котораго мать была Кревинянка, съ молодыхъ лѣтъ переселившаяся въ Баускъ, но уже не понимавшая по-кревингски и давно бросившая кревингскій нарядъ. Этотъ же писарь говорилъ мнѣ еще про одного старика, по имени Дзеббена (Dsibben), который приходился ему дядею, жилъ въ лѣсникахъ въ Ней-Раденскомъ имѣніи и умѣлъ еще говорить по-кревингски. Насколько было ему извѣстно, старикъ этотъ былъ еще живъ, и онъ полагалъ, что его только забыли. Если принять это показаніе, то полное число всѣхъ существовавшихъ еще въ прошломъ лѣтѣ Кревинговъ будетъ одинадцать человѣкъ: трое мужчинъ и восемь женщинъ.

Старикъ кистеръ сказывалъ мнѣ между прочимъ, что въ старину число Кревинговъ во всей этой мѣстности простиралось до 3000 душъ, и что 50 лѣтъ тому назадъ кревингскій языкъ былъ еще въ общемъ употребленіи. Даже не далѣе какъ лѣтъ 10 назадъ были еще люди, умѣвшіе говорить по-кревингски; теперь же этотъ языкъ совершенно забытъ... Еще разсказывалъ онъ мнѣ, что сватовство бывало по большей части весною, во время вывозки въ поле навоза; для этого женихъ бросалъ своей возлюбленной свою навозную вилу. Затѣмъ уже шло формальное сватовство черезъ старушку-сваху. Брачная ночь сопровождалась разными суевѣрными обрядами. Такъ на-примѣръ, въ брачное ложе клали гороховой соломы, для того, чтобы будущіе дѣти родились съ кудрявыми волосами; напротивъ лица, имѣвшія злобу на молодыхъ и желавшія имъ несогласія, тайкомъ зарывали въ постель ножикъ. Вообще, говорятъ, Кревинги до самаго послѣдняго вре-

мени упорно держались разныхъ суевѣрій и слыли колдунами. Въ Мартыновъ день водилось у нихъ собираться подъ большимъ дубомъ, который до сихъ поръ существуетъ, и ставя подъ нимъ разныя яства, совершать жертвоприношенія. Въ этотъ день не позволялось заниматься никакою работою; весь день проводился въ пированіи. Съ Рождества до Крещенія люди ходили изъ дома въ домъ, волоча за собою на веревкѣ деревянный чурбанъ, и вездѣ пили и ѣли. Тотъ, у чьей двери чурбанъ останавливался, долженъ былъ угощать компанію. Въ самый день Крещенія, на дверяхъ, на всей домашней утвари и вообще на всемъ дѣлались кресты; разсказываютъ, что не такъ давно еще Кревинги пріѣзжали въ церковь въ саняхъ, на которыхъ были сдѣланы такіе же кресты. Въ настоящее время все это вывелось; но тайкомъ водится еще колдовство, къ которому обращаются для отысканія пропавшихъ или украденныхъ вещей, или для леченія въ разныхъ болѣзняхъ; въ послѣднемъ случаѣ заговариваются разныя снадобья, которыя затѣмъ даютъ принимать больному. Въ прежнее время, когда умиралъ Кревингъ, объ этомъ давалось знать по всѣмъ сосѣднимъ дворамъ, и никто не смѣлъ работать пока покойникъ не былъ похороненъ. Не смотря однако на сильное суевѣріе, нравственность у прежнихъ Кревинговъ была гораздо чище, чѣмъ у теперешнихъ ихъ потомковъ.

Откуда взялись эти Кревинги, которые въ настоящее время почти совершенно олатышились и исчезли? [Отвѣтъ на этотъ вопросъ Шёгренъ выписываетъ слово въ слово изъ приведеннаго выше сообщенія Ватсона, 1824 года]... Это мнѣніе о происхожденіи Кревинговъ, излагаемое собственными словами Ватсона, съ тѣхъ поръ стало господствующимъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшей окрестности, въ чемъ можно убѣдиться, сравнивъ статью о Кревингахъ въ Бинепштамовомъ очеркѣ Остзейскихъ губерній (H. v. Bienenstamm, Geographischer Abriss der drei deutschen Ostseeprovinzen Russlands), изданномъ въ 1826 году, съ передѣлкою этого же сочиненія, изданною въ 1841 году К. А. Пфингстеномъ, подъ названіемъ «Новое географическое и статистическое

описаніе Курляндской губерніи» (Neue geographisch-statistische Beschreibung des Kaiserlich-Russischen Gouvernements Kurland, durchgesehen von C. A. Pfingsten)... И дѣйствительно, оно подтверждается вообще самымъ языкомъ Кревинговъ, на сколько можно еще судить о немъ при той степени полнѣйшаго разложенія, на которой онъ въ настоящее время представляется. Впрочемъ, и независимо отъ языка, удалось мнѣ напасть на другое еще свидѣтельство, которое служитъ очень сильнымъ подкрѣпленіемъ сообщенію Ватсона. Именно, вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Ней-Раденъ, созванные туда Кревинги были, по моей просьбѣ, спрошены пасторомъ, не знаютъ ли они и не слыхали ли, откуда были ихъ предки? Женщины молчали; но Гансъ-Мемельгофскій лѣсникъ, о которомъ я уже говорилъ, старикъ лѣтъ подъ восемьдесятъ, отвѣчалъ, что онъ этого заподлинно не знаетъ, а помнитъ только, что когда онъ былъ еще ребенкомъ, дѣдъ его говаривалъ, что они родомъ съ одного большаго острова на морѣ и прибыли сюда первоначально въ имѣніе Гапсъ-Мемельгофъ, пріѣхали въ четырехъ большихъ повозкахъ; называется тотъ островъ, присовокупилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, Заму-Земме (Sahmu-Semme). Это именно латышское названіе острова Эзеля. Если сообразить, что старику было, по собственному его расчету, по крайней мѣрѣ 76 лѣтъ, — по всей же вѣроятности больше (родился онъ въ Литвѣ, и прибылъ оттуда безъ метрическаго свидѣтельства), то нельзя не придти къ заключенію, что дѣдъ, на котораго онъ ссылался, былъ очевидцемъ разсказываемаго событія; слѣдовательно мы имѣемъ въ немъ, послѣ старухи латышки, о которой говорилъ Ватсонъ, еще втораго свидѣтеля очевидца, и притомъ изъ самихъ Кревинговъ, въ подтвержденіе справедливости объясненія, сообщеннаго г-жею фонъ Ганъ, съ которымъ его разсказъ въ сущности совершенно согласенъ. Покуда должны мы довольствоваться этимъ общимъ результатомъ, предоставляя себѣ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ раскрыть, можетъ ли онъ, и въ какой степени, быть утвержденъ на еще болѣе точныхъ и положительныхъ доводахъ, или не слѣ-

дуетъ ли его нѣсколько измѣнить въ частностяхъ. Ибо во всякомъ случаѣ, измѣненія могутъ коснуться только частностей; въ сущности же, ни указаннаго впервые покойнымъ пасторомъ Ватсономъ факта прихода эстскихъ выселенцевъ съ острова Эзеля, ни преобладанія эстскаго характера въ языкѣ уцѣлѣвшихъ до нашего времени скудныхъ остатковъ кревингскаго племени, отрицать не возможно.

Остальныя двадцать девять извѣстій о Кревинахъ, суть ничто иное, какъ повтореніе напечатаннаго уже другими; или же въ нихъ просто упоминается только о Кревинахъ, безъ всякаго притязанія на описаніе ихъ. Изъ свидѣтельства послѣдней категоріи, быть можетъ, мною еще упущено кое-что разбросанное въ разныхъ мѣстахъ; но сколько нибудь важныя извѣстія всѣ здѣсь собраны сполна. Содержащіяся въ нихъ свѣдѣнія о Кревинахъ относятся къ ихъ одѣянію, нравственнымъ свойствамъ, нравамъ, числу и мѣсту жительства; кромѣ того предполагаются въ нихъ также мнѣнія о происхожденіи этого народа, болѣе или менѣе подкрѣпляемыя доводами. Приложенные нѣкоторыми, весьма немногими, изъ этихъ писателей образцы языка, я пока оставляю въ сторонѣ, предполагая собрать ихъ воедино и тогда разсмотрѣть и обсудить ихъ въ подробности. По указаннымъ выше пунктамъ, изъ сравненія отдѣльныхъ свѣдѣній, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ дополненій, которыя я успѣлъ собрать самъ во время поѣздки въ мѣстность, гдѣ обитали прежде Кревины, оказывается слѣдующее:

I. Объ одеждѣ и нравахъ Кревиновъ, Рекке, въ «Wöchentliche Unterhaltungen» (X), говоритъ только, что одежда ихъ сходна съ финскою и эстскою. Нѣсколько подробнѣе говорятъ о ней Кейзерлингъ и Дершау въ «Описаніи Курляндской области»

(X), Лутцау (XII и XIII), Крузе на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ г. Гильденштуббе (XVI), и въ особенности Шёгренъ (XVII). Показанія объ одеждѣ, встрѣчающіяся у другихъ писателей, всѣ заимствованы изъ X и XIII. Въ «Описаніи Курляндіи» (XI) указывается, въ примѣчаніи, на приложенную картинку, сообщенную издателямъ г. фонъ Рекке; этой картинки однако не находится въ томъ экземплярѣ, которымъ я пользовался. Это, вѣроятно, та же картинка, которую мнѣ обязательно сообщилъ учитель Митавской гимназіи и хранитель тамошняго провинціальнаго музея г. Дёрингъ. Кромѣ того есть еще картинка, изображающая двухъ Кревиновъ, мужчину и женщину, въ большомъ «Этнографическомъ описаніи Россіи» Паули (Description ethnographique des peuples de la Russie, par Pauly), только безъ указанія источника.

Мужчины носили рубашку (kiut, kiuting) съ пестрымъ шитьемъ изъ синей и красной шерсти на воротникѣ и спереди на груди, и съ двумя такими же пестрыми кистями, а подъ нею еще другую рубашку, простую; лапти, сшитые изъ невыдѣланной кожи, впослѣдствіи иногда сапоги, короткіе поски (лат. kapsekkes), доходившіе до лодыжекъ, надъ ними чулки безъ носковъ (лат. strimpes), всегда синіе, брюки до колѣнъ съ овальною вырѣзкою спереди и державшіеся посредствомъ мѣдной запонки, продѣтой въ двѣ прорѣхи въ рубцѣ; распашной камзолъ, спереди доходившій до таліи, а сзади нѣсколько длиннѣе, или же вмѣсто него длинный шерстяной кафтанъ, темносѣраго или коричневаго цвѣта, въ полахъ широкій, въ станѣ въ обтяжку, подпоясанный кушакомъ, съ котораго съ праваго боку висѣлъ ножъ; зимою—бѣлый тулупъ, съ черною оторочкою на спинѣ, на карманахъ и рукавахъ; на головѣ поярковую шляпу съ широкими полями. Долѣе мужской одежды, которая скоро смѣнилась латышскою, удержался національный нарядъ женщинъ. Женщины также носили, подобно мужчинамъ, по двѣ рубашки, изъ которыхъ верхняя была также украшена пестрымъ шитьемъ на груди, на стоячемъ, въ три пальца ширины, воротникѣ, и кромѣ того на плечахъ и

на подолѣ, который выступалъ изъ подъ надѣтаго сверхъ рубашки верхняго платья. Это верхнее платье, называвшееся урскъ (ursk) и замѣнявшее юбку, состояло изъ синяго шерстянаго платка (по Шёгрену—пестраго, клѣтчатаго, желтаго съ синимъ, краснымъ и бѣлымъ, и съ коричневымъ, въ руку шириною бортомъ), также украшеннаго пестрымъ шитьемъ, который обвивался вокругъ тѣла такимъ образомъ, что на правомъ боку оставался раскрытымъ; держался онъ посредствомъ помочи или тесьмы черезъ правое плечо и цвѣтнаго (краснаго или пестраго) пояса (лат. райбе, raibe), или же блестящаго кожанаго ремня съ крючкомъ; на поясѣ были еще навѣшены разнаго рода украшенія. Обувь составляли полотняные чулки, и лапти такіе же, какъ у мужчинъ, зимою—цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на высокихъ каблукахъ; на картинкѣ въ Митавскомъ музеѣ чулки и каблуки красные. Своеобразный ихъ головной уборъ состоялъ изъ шелковаго чепца или шапочки (лат. рулле, rulle), къ которой прикрѣплялся заппанъ (sappan), т. е. платокъ изъ тонкаго полотна, висѣвшій на затылкѣ и съ боковъ; шапочка завязывалась шелковыми лентами, которыхъ концы висѣли на спинѣ; сверхъ всего, въ дурную погоду, повязывался еще пестрый платокъ. Поверхъ описанной легкой одежды зимою надѣвался еще синій сукопный кафтанъ, съ пестрымъ вышитымъ бортомъ по подолу, обвѣшеннымъ разпаго рода погремушками и побрякушками; на упомянутой выше картинкѣ, онъ—съ красными отворотами. Къ полному наряду принадлежали еще большая, горизонтально проткнутая сквозь заппанъ и шапочку серебряная булавка (лат. пленсъ, ihlens), концы которой были обвѣшены серебряными бубенчиками, гремушками, колечками и листочками; затѣмъ передникъ изъ яркой пестрой ткани или изъ бѣлой кисеи, по подолу и по краямъ вышитый разными цвѣтами, и наконецъ одна или нѣсколько серебряныхъ, круглыхъ, выпуклыхъ застежекъ или бляхъ, по тамошнему бредзе (зелькъ, sölk), украшенныхъ шишечками, которыми застегивалась на груди верхняя рубашка. Иногда еще, разумѣется, нитка бусъ на шеѣ. Заппанъ носили одпѣ только замужнія

женщины; дѣвушки заплетали волосы въ косу и украшали ихъ надѣтыми на голову цвѣтными лентою или обручемъ. До французскаго нашествія и сопровождавшихъ его поборовъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ обѣднѣніе мѣстныхъ жителей, въ составѣ женскаго наряда, какъ разсказывали Шёгрену, было гораздо больше цѣнныхъ украшеній, чѣмъ въ то время, когда онъ самъ видѣлъ этотъ нарядъ. На-примѣръ, внутри большихъ серебряныхъ бляхъ помѣщались еще другія, поменьше, золотыя.

Что касается нравственныхъ свойствъ Кревиновъ, то первый упоминающій о нихъ писатель, именно П. Эйнгорнъ, даетъ о нихъ не совсѣмъ благопріятный отзывъ. Онъ называетъ ихъ (I) «народомъ суевѣрнымъ, преданнымъ, наравнѣ съ Латышами или «пожалуй еще гораздо болѣе ихъ, множеству суевѣрій и предраз«судковъ». Позднѣе (1805 г. X) говорится о нихъ, что въ ихъ нравахъ нѣтъ почти ничего отличительнаго, что нравственныя свойства ихъ совершенно тѣ же, какъ всѣмъ извѣстныя свойства Латышей, а равно таковъ же и ихъ образъ жизни, «въ которомъ «они отличаются отъ Латышей развѣ только, не къ выгодѣ ихъ ска«зать,—бо̀льшею наклонностью къ цинизму». Что авторъ хотѣлъ сказать послѣднею фразою, разумѣлъ ли онъ тутъ физическую или нравственную нечистоту,— это для меня не совсѣмъ ясно; не знаю, яснѣе ли оно было для тѣхъ позднѣйшихъ писателей, которые столько разъ перепечатывали этотъ отзывъ слово въ слово [7]). Пасторъ Лутцау, къ приходу котораго принадлежали послѣдніе уцѣлѣвшіе Кревины, отзывается о ихъ нравственности вообще благопріятно. Онъ говоритъ (XII): «Кревины отличаются особенно наклонностью

---

[7]) Сравн. Ditmar, Ein Wort uber die noch jetzt in Kurland lebenden Kreewinen (въ повременномъ изданіи Рюза и Шпикера Zeitschrift fur die neueste Geschichte, etc., т. IV, 1816, стр. 380 слѣд.).

Его же Disquititio de origine nominis Livoniae. Heidelberg. 1816, стр. 50 слѣд.

Budberg, Notizen zur Ethnographie Russlands (въ нѣмецкихъ С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ 1838 г. № 176, стр. 791, откуда статья эта была перепечатана въ Berghaus «Annalen», серія III, т. 6, Берлинъ, 1838, стр. 499).

Ueberseste alter Volksstamme in der Provinz Kurland (въ журналѣ «Ausland» 1838 г., № 189).

«къ опрятности и къ благочестію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и упорною «привязанностью къ суевѣріямъ»; а въ другомъ мѣстѣ (XIII): «Кревины народъ весьма благочестивый, набожный, трудолюби-«вый и честный; только въ наклонности къ суевѣрію они еще «превосходятъ прочихъ Латышей». Стало быть, здѣсь отличительная черта ихъ не цинизмъ, а суевѣріе, какъ говорилъ уже о нихъ прежде П. Эйнгорнъ. Еще благопріятнѣе отзывается о нихъ Свенсонъ, пасторъ въ Цоденѣ, неподалеку отъ Бауска (XV). По его сужденію, они отличались передъ прочими Латышами преимущественною богобоязненностью и добрыми нравами. Нынѣ потомки ихъ отъ Латышей пожалуй уже рѣшительно ничѣмъ не отличаются. Въ языкѣ они въ Эйнгорново время (I) отличались, какъ и слѣдовало ожидать, отъ народа финскаго племени, своимъ дурнымъ выговоромъ, когда говорили по-латышски; но и въ этомъ отношеніи въ наше время они уже вполнѣ олатышились, даже еще полнѣе своихъ сродниковъ Куровъ или Курляндскихъ Ливовъ; по крайней мѣрѣ Штендеръ, въ своей грамматикѣ, указываетъ на нѣкоторыя особенности латышскаго языка въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ прежде обитали Куры, сравнительно съ латышскимъ языкомъ въ Земголѣ, гдѣ онъ былъ исконно природнымъ языкомъ.

Шёгренъ приводитъ нѣкоторые своеобразные ихъ обычаи, о которыхъ ему разсказывалъ Ней-Раденскій кистеръ. Относительно ихъ я ограничусь указаніемъ на XVII.

II. Относительно числа Кревиновъ и мѣстъ ими населенныхъ болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія представляютъ X, XII, XIII, XVI, XVII; прочіе писатели только повторяютъ показанія этихъ, или же говорятъ въ болѣе общихъ выраженіяхъ только о «небольшомъ числѣ», о «Бауcскомъ краѣ», или объ «Альтъ- и Ней-Раденскомъ околодкѣ».

На первый взглядъ кажется необъяснимымъ разительное разнорѣчіе между показаніями о числѣ Кревиновъ. Между тѣмъ какъ, съ одной стороны, идетъ рѣчь только о единицахъ, о нѣ-

сколькихъ человѣкахъ,—съ другой стороны, въ то же самое время или во время очень къ нему близкое, указываются сотни, чуть не тысячи. Это разнорѣчіе происходитъ отъ того, что подъ именемъ Кревиновъ разумѣлись иногда люди, говорившіе или по крайней мѣрѣ понимавшіе по-кревински, иногда же люди, происходившіе отъ такихъ Кревиновъ. Первое, конечно, правильнѣе; ибо называть Кревиномъ человѣка, который ни языкомъ, ни чѣмъ другимъ не отличается отъ Латыша, нѣтъ по настоящему никакого основанія. Происхожденіе же отъ Кревиновъ, какъ скоро завелись браки между Кревинами и Латышами и въ виду того обстоятельства, что въ метрическихъ книгахъ не дѣлается никакого различія между тою и другою народностью, могло сохраняться только въ воспоминаніи, и съ теченіемъ времени должно было становиться все менѣе и менѣе достовѣрнымъ. Олатышенію съ самаго уже начала способствовало то, что Кревины говорили на своемъ родномъ языкѣ только между собою, въ присутствіи же чужихъ, какъ замѣчаетъ суперинтендентъ Гунъ (V), только тогда, когда имѣли надобность сказать что нибудь такое, что должно было оставаться тайною для присутствующихъ. Что во всѣхъ внѣсемейныхъ отношеніяхъ, въ церкви и въ школѣ, на судѣ и передъ помѣщикомъ,о кревингской рѣчи съ самаго начала не могло быть и помину—понимается само собою; во всякомъ случаѣ такъ уже было во время П. Эйнгорна, который говоритъ: «когда говорятъ они между собою, то говорятъ по-эстски; съ нѣмцами же и съ другими ненѣмцами говорятъ по-латышски или ненѣмецки, равно какъ и богослуженіе у нихъ совершается на ненѣмецкомъ языкѣ» (см. I). То, что говоритъ тотъ же Эйнгорнъ (II) объ Ангернскихъ Ливахъ, что они «въ такой степени держатся особнякомъ, что не охотно сближаются или брачатся съ Латышами, а равно Латыши съ ними, а предпочтительно держатся своего народа, ибо не только Нѣмцы, но также и Латыши считаютъ ихъ за людей крайне суевѣрныхъ и преданныхъ колдовству, а потому не охотно съ ними сближаются» — въ мысли его безъ сомнѣнія примѣнялось также и къ Кревинамъ, которыхъ онъ считалъ за одинъ на-

родъ съ Ангернскими Ливами; и такая молва, безъ сомнѣнія, въ началѣ шла также о нихъ, пока въ ихъ «очень дурномъ произношеніи» латышскаго языка слишкомъ ярко выступала ихъ чужеплеменность. Бергеръ (VI), разсказавъ о бракахъ между Лифляндскими и Курляндскими Ливами, говоритъ даже: «точно также, говорятъ, ѣзжали они изъ Радена сюда, къ нашимъ Ливамъ, сватать невѣстъ, а наши ѣзжали туда». Это впрочемъ ничѣмъ не доказано, да и самъ Бергеръ приводитъ это только какъ молву, которую однако онъ могъ считать нисколько не невѣроятною, такъ какъ, по его понятіямъ, также «Раденскіе», т. е. Кревины, были первоначально одинъ народъ съ Ливами; но Кревины,—какъ мы увидимъ ниже, — принадлежатъ къ совершенно другой отрасли, а потому вѣроятнѣе, что они едва ли имѣли ясное понятіе о существованіи Залисскихъ Ливовъ. Какъ велико было въ старое время число людей, говорившихъ по-кревински, или Кревиновъ, теперь, конечно, съ точностью опредѣлить уже невозможно. Одно только можно сказать, что если, по показанію Ней-Раденскаго кистера (см. XVII), число ихъ въ старое время во всемъ околоткѣ простиралось до 3000 душъ, то въ Эйнгорново время, когда они кромѣ того жили также и въ Баусскомъ пасторатѣ, число ихъ должно было быть еще значительнѣе. Если въ 1805 году (X) число ихъ въ двухъ имѣніяхъ, исключительно ими населенныхъ — слѣдовательно не считая другихъ имѣній, въ которыхъ они жили смѣшанно съ Латышами — показывается около 1400 душъ, то при этомъ, безъ сомнѣнія, имѣются въ виду всѣ тѣ, которые, по преданію, происходили отъ людей, говорившихъ по-кревински, ибо уже въ 1810 году (XII) пасторъ Лутцау, въ приходѣ котораго они жили и который слѣдовательно долженъ былъ всѣхъ лучше знать о нихъ, пишетъ: «Кревиновъ, еще говорящихъ на этомъ языкѣ, какъ въ моемъ Альтъ-Раденскомъ, такъ и въ Ней-Раденскомъ приходахъ, можно насчитать много что человѣкъ отъ 12 до 15, и это почти все старики». Пять лѣтъ спустя, показываетъ онъ число ихъ еще меньше, всего семь человѣкъ, вѣроятно вслѣдствіе нѣсколько болѣе строгаго мѣрила зна-

нія языка; ибо нельзя конечно предполагать, чтобы въ этотъ промежутокъ времени смерть сократила на половину число говорившихъ на кревинскомъ языкѣ, когда, при его сынѣ и преемникѣ, Академику Шёгрену называли еще одинадцать человѣкъ, знавшихъ еще сколько нибудь по-кревински, хотя впрочемъ это *сколько нибудь* оказывалось крайне малымъ. У Крузе (XVI) находимъ два показанія: одно—основанное на X, впрочемъ ошибочно понятомъ, ибо показывая въ Ней-Раденѣ и мужескій и женскій полъ (1200 душъ), въ Мемельгофѣ онъ показываетъ одинъ только мужескій (100 душъ), и другое, относящееся только къ лицамъ, еще говорящимъ по-кревински, при чемъ онъ, основываясь на сообщеніи г. фонъ Гильденштубе, считаетъ всего 14 человѣкъ, именно 10 человѣкъ въ Ней-Раденѣ и 4 человѣка въ Мемельгофѣ. Наконецъ Шёгрену (XVII) въ 1846 году могли указать всего на 11 человѣкъ обоего пола, которые хотя собственно уже вовсе не говорили по-кревински, однако сохраняли еще кой-какія слабыя воспоминанія о родномъ языкѣ, и у которыхъ отчасти сохранялся еще старинный нарядъ; наконецъ, въ мою бытность въ Баускѣ и Раденѣ въ 1870 году, существовали еще потомки Кревиновъ, число которыхъ нельзя опредѣлить, но не было уже въ живыхъ ни одного человѣка, который былъ бы въ состояніи сказать на кревинскомъ языкѣ хотя бы одну, самую простенькую фразу; народъ, какъ отдѣльное цѣлое, совершенно уже вымеръ, т. е. совершенно олатышился. Въ числовыхъ данныхъ у другихъ писателей встрѣчаются нѣкоторыя, довольно разительныя уклоненія. О нихъ впрочемъ достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ эти данныя добыты не собственнымъ изслѣдованіемъ и не изъ личнаго знакомства, а слѣдовательно не заслуживаютъ особеннаго вниманія и могутъ происходить только изъ недосмотровъ. Биненштамъ, въ первомъ изданіи своего описанія Курляндіи [8]), показываетъ «около 1600 душъ». Но какъ

[8]) H. v Bienenstamm, Geographischer Abriss der drei deutschen Ostseeprovinzen Russlands, Riga 1826, стр. 377.

онъ вообще не говоритъ о Кревинахъ ничего новаго, то и это числовое показаніе не есть, конечно, результатъ самостоятельнаго, новаго вычисленія, а произошло повидимому только изъ дальнѣйшаго развитія показанія въ X. Тамъ поименовываются четыре имѣнія, въ которыхъ живутъ Кревины, и говорится, что въ одномъ имѣніи ихъ считается 1200 душъ, въ другомъ 200; о численности кревинскаго населенія въ двухъ остальныхъ ничего не сказано, вѣроятно по той причинѣ, что кревинское населеніе въ нихъ было незначительнѣе; Бинепштамъ на эти два имѣнія, Крусенъ и Виттенгофъ, прикинулъ приблизительно такое же число, какое было показано на одинъ Мемельгофъ, и такимъ образомъ получилъ число «около 1600 душъ». Точно такимъ же образомъ поступилъ, кажется, г. фонъ Будбергъ [9]): описаніе Кревиновъ у него составлено по X; только вмѣсто приведеннаго тамъ числа Кревиновъ, 1400 душъ въ двухъ имѣніяхъ, поставлено число ихъ вообще 1600 душъ. Г. фонъ Рихтеръ [10]), напротивъ, нѣсколько уменьшаетъ число: именно показываетъ, спустя сто лѣтъ послѣ признаваемаго имъ переселенія съ острова Эзеля въ началѣ восемнадцатаго вѣка, слѣдовательно уже въ девятнадцатомъ вѣкѣ, «еще около 1300 душъ, а въ 1843 году всего уже только 14 душъ (по «Первобытной исторіи» Крузе, и проч., на которую онъ и ссылается)». При показаніи числа въ началѣ девятнадцатаго вѣка, не могъ онъ, конечно, основываться ни на какомъ другомъ показаніи, кромѣ того же показанія въ «Описаніи Курляндіи» Кейзерлинга и Дершау, 1805 года (X). Тамъ сказано: «въ первомъ (именно Ней-Раденѣ) число ихъ простирается приблизительно до 600 душъ мужескаго и столькихъ же душъ женскаго пола; въ Мемельгофѣ же всего 20 хозяевъ, такъ что можно приблизительно считать свыше 100 душъ мужескаго и 100 душъ женскаго пола». Повидимому тутъ второе «100» было просмотрѣно. Вѣроятно, Рихтеръ не справлялся самъ съ первоначальнымъ источникомъ,

---

[9]) Сравн. выше примѣч. 7

[10]) Geschichte der dem Russischen Reiche einverleibten deutschen Ostseeprovinzen, Riga 1857, т. I, стр. 319.

а взялъ цифру у Крузе изъ «Первобытной исторіи» и проч. (XVI), у котораго мы находимъ ту же ошибку и который при этомъ ссылается на показаніе Лутцау у Дитмара [11]). Между тѣмъ у Дитмара показаніе совершенно вѣрно: «въ Мемельгофѣ же 20 хозяевъ; все же число жителей около ста мужчинъ и *столькихъ же* женщинъ»; притомъ самъ Дитмаръ въ этомъ мѣстѣ вовсе не ссылается на Лутцау, какъ говоритъ Крузе, а переводитъ свое показаніе слово въ слово изъ «Описанія Курляндіи» (X). Еще безцеремоннѣе, кажется, поступилъ Яннау [12]), ибо его странное показаніе, 650 Кревиновъ, едва ли можетъ быть объяснено чѣмъ другимъ, кромѣ того, что онъ также, читая числовыя показанія въ X, не досмотрѣлъ одной сотни, и затѣмъ считаетъ одинъ только мужескій полъ, какъ по бо́льшей части водится въ офиціальныхъ народныхъ переписяхъ, особенно же въ составляемыхъ для раскладки податей. На недосмотрѣ же, безъ всякаго сомнѣнія, основывается число 7 Кревиновъ, которое показываетъ Паули [13]); ибо то, что онъ тутъ основывается не на показаніи Лутцау (XIII), прямо видно изъ его словъ: «*Лѣтъ пятнадцать тому назадъ*, въ имѣніи Нейраденѣ, близъ Бауска, въ Курляндіи, жили еще одинъ старикъ и шесть старухъ, Кревины». Такъ какъ его «Этнографическое описаніе Россіи» явилось въ 1862 году, то словами «лѣтъ пятнадцать тому назадъ» можетъ указываться одно только свидѣтельство Шегрена въ отчетѣ о его путешествіи (XVII). Шегренъ дѣйствительно говоритъ въ этомъ отчетѣ: «Прибывъ на мѣсто, нашли мы семь человѣкъ Кревиновъ, именно одного старика.... и шесть женщинъ», и т. д. Но при внимательномъ чтеніи всей статьи, Паули убѣдился бы, что Шегренъ вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, что въ бытность его въ обитаемомъ Кревинами краѣ, ихъ вообще оставалось въ живыхъ всего семь

---

[11]) Disquisitio de origine nominis Livoniae, сравн. выше примѣч. 7.

[12]) Dr H. v. Jannau. Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten (въ Rosenplanters Beitrage zur genaueren Kenntniss der ehstnischen Sprache. Pernau, 1828. тетр. 19, стр. 15

[13]) Pauly. Description ethnographique de la Russie. St.-Petersbourg. 1862

человѣкъ; онъ разсказывалъ только, что, по прибытіи въ домъ Ней-Раденскаго кистера, нашелъ онъ тамъ этихъ семерыхъ, но что, по точнѣйшемъ распросѣ, число Кревиновъ, т. е. такихъ, которые сколько нибудь еще знали кревинскій языкъ, или которые одѣвались по-кревински, оказалось десять человѣкъ, въ дополненіе къ которымъ послѣ назвали ему еще одного, одиннадцатаго. Наконецъ, нѣсколько забавно то, что говорится о числѣ Кревиновъ во второмъ, пересмотрѣнномъ Пфингстеномъ, изданіи Биненштамова «Описанія Курляндіи» [14]). «Говорятъ, разсказываетъ Пфингстенъ, что по новѣйшей переписи во всемъ приходѣ оказывается въ живыхъ всего пятнадцать человѣкъ Кревиновъ обоего пола, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одинъ рѣшительно уже не говоритъ на своемъ прежнемъ родномъ языкѣ». Непонятно, почему этимъ именно пятнадцати человѣкамъ дано имя Кревиновъ; ибо, если называть этимъ именемъ вообще людей, происходящихъ отъ Кревиновъ, хотя бы они уже и не говорили на своемъ прежнемъ родномъ языкѣ, то такихъ лицъ было въ 1841 году конечно не 15, а гораздо больше. Не станетъ же авторъ увѣрять читателей, что тѣ слишкомъ 1400 человѣкъ этого разряда, которые насчитывались въ 1805 году, къ 1841 году всѣ перемерли за исключеніемъ только 16, и притомъ перемерли, не оставивъ потомства? Тутъ, очевидно, перепутаны два значенія, въ которыхъ принимается названіе Кревиновъ.

Для правильнаго пониманія различныхъ показаній касательно жилищъ Кревиновъ, слѣдуетъ предварительно вспомнить, что слово «кирхшпиль» употребляется въ Курляндіи въ совершенно иномъ смыслѣ чѣмъ въ Лифляндіи и Эстляндіи. Между тѣмъ какъ въ этихъ послѣднихъ губерніяхъ подъ этимъ названіемъ разумѣется совокупность имѣній и частей имѣній, имѣющихъ одну общую церковь для отправленія духовныхъ требъ, въ Курляндіи бываетъ въ одномъ кирхшпилѣ по нѣскольку пасторовъ съ от-

[14]) Neue geographisch-statistische Beschreibung des Gouvernements Kurland, Mitau, 1841, стр. 38.

дѣльными церквами, изъ которыхъ каждый имѣетъ своихъ прихожанъ; такимъ образомъ дѣленіе на кирхшпили — дѣленіе чисто политическое Обергауптманшафтъ или уѣздъ дѣлится на гауптманшафты, а эти дѣлятся на кирхшпили. Такъ на-примѣръ Митавское обергауптманство, или Митавскій уѣздъ, дѣлится на два гауптманства, Добленское и Баусское; Баусское гауптманство содержитъ въ себѣ четыре кирхшпиля: Баускъ, Экау, Нейгутъ и Балдонъ; въ Баусскомъ же кирхшпилѣ находятся пасторы въ Баускѣ, Мезотенѣ, Цоденѣ и Альтъ-Раденѣ; послѣдній отправляетъ богослуженіе также въ приписной Ней-Раденской церкви, чередуясь между обѣими церквами. Такимъ образомъ, хотя съ начала настоящаго столѣтія, за исключеніемъ немногихъ выходцевъ, въ приходѣ только одной Ней-Раденской церкви имѣлись Кревины, однако когда говорятъ о «Кревинахъ въ Баусскомъ кирхшпилѣ», какъ выражаются Кеппенъ [15]) и Будбергъ (см. выше примѣч. 7), выраженіе это ни-чуть нельзя считать невѣрнымъ. Такъ часто встрѣчающіяся въ указаніяхъ ихъ жилищъ выраженія «въ Альтъ- и Ней-Раденѣ», или въ «Альтъ- и Ней-Раденскомъ краѣ» (im Alt- und Neu-Rahdischen) [16]), въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ округѣ или кирхшпилѣ», или «въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ» [17]), «Альтъ- и Ней-Раденскіе крестьяне» (VIII) должно понимать такимъ образомъ, что тутъ разумѣется весь, содержащій въ себѣ двѣ церкви, округъ, который пасется пасторомъ, живущимъ при Альтъ-Раденской церкви, что въ Лифляндіи или Эстляндіи называлось бы Альтъ- и Ней-Раденскимъ кирхшпилемъ. Но неправильно употребляемое Ватсономъ [18]) выраженіе

---

[15]) Кеппенъ. Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. № III С.-Петербургъ, 1827. Стр. 304

[16]) См. приведенныя выше извѣстія III, IV, V, VIII и Яннау (сравни примѣч 12)

[17]) См выше VI, VII, XII, XIV, XV; также Monumenta Livoniae antiqua, т. I. Рига, Дерптъ, Лейпцигъ, 1835. Стр 3, примѣч — Possart., Statistik des Gouvernements Kurland. Stuttgart, 1813, стр. 18.

[18]) Darstellung der alten Eintheilung von Kurland (въ «Jahresverhandlungen» Курляндскаго общества литературы и искуствъ, т. III, Митава, 1822, стр 289).

«въ Альтъ-Раденѣ и Мемельгофѣ», потому что тутъ, имѣнію Мемельгофу, принадлежащему къ Ней-Раденской церкви, можно противопоставлять только принадлежащее къ Альтъ-Раденской церкви имѣніе Альтъ-Раденъ, въ которомъ въ то время Кревиновъ уже вовсе не было; точно такъ же неправильно и выраженіе Рутенберга [19]), когда онъ указываетъ, какъ на мѣсто ихъ жительства, на имѣнія Альтъ- и Ней-Раденъ; ибо эти два имени могутъ употребляться въ соединеніи для означенія обоихъ церковныхъ округовъ пасомыхъ однимъ пасторомъ, но отнюдь не въ примѣненіи къ обоимъ имѣніямъ, которыя составляютъ совершенно отдѣльныя другъ отъ друга крестьянскія общества, такъ что живущіе въ одномъ имѣніи никакъ не могутъ почитаться принадлежащими въ то же время и къ другому.

Первое, болѣе опредѣлительное извѣстіе о мѣстѣ расположенія жилищъ Кревиновъ относится къ 1805 году и находится въ «Описаніи Курляндіи» Кейзерлинга и Дершау (X), гдѣ говорится: «этотъ народецъ.... находится въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Ней-Раденѣ, Мемельгофѣ, Круссенѣ, и частью въ казенномъ имѣніи Витвенгофѣ,.... первыя два имѣнія заселены исключительно одними Кревинами». До этого говорилось только вообще объ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ или о Баусскомъ краѣ. Ватсонъ (XIV) точнѣе опредѣляетъ Мемельгофъ, назвавъ его Гансъ-Мемельгофъ, какъ это имѣніе дѣйствительно называется для отличія отъ другихъ Мемельгофовъ на рѣкѣ Мемелѣ. Пасторъ Лутцау, самый надежный авторитетъ по этому вопросу, такъ какъ всѣ Кревины, о которыхъ было извѣстно съ начала настоящаго вѣка, принадлежали, какъ уже замѣчено выше, къ его паствѣ, говоритъ въ 1810 году (XII) о Кревинахъ въ своемъ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ; въ 1815 же году (XIII) только въ своемъ Ней-Раденскомъ приходѣ, первое выраженіе есть объясненное выше собирательное названіе для всей его

[19]) Geschichte der Ostseeprovinzen Liv- Ehst- und Kurland, т. II. Лейпцигъ, 1860, стр 187.

паствы; но къ приходу собственно Ней-Раденской церкви принадлежатъ названныя четыре имѣнія, лежащія между Мемелемъ, образующимъ здѣсь границу Литвы, и его притокомъ Экау. На эти же имѣнія, весьма естественно, указываютъ всѣ позднѣйшіе писатели, пользовавшіеся этимъ источникомъ. Въ введеніи, предпосланномъ Ватсоновой статьѣ въ «Sendungen» (XIV) и принадлежащемъ безъ сомнѣнія Пфингстену, называется еще имѣніе Монтигайлишекъ, лежащее уже по ту сторону упомянутой границы. Имѣніе это, принадлежащее одному владѣльцу съ Гансъ-Мемельгофомъ, находится въ Бирзенскомъ пасторатѣ; что оно было также, по крайней мѣрѣ отчасти, населено Кревинами — это тѣмъ болѣе вѣроятно, что восьмидесятилѣтній старикъ Кревинъ, съ которымъ Шегренъ въ особенности бесѣдовалъ въ 1846 году, родился въ Литвѣ (XVII). Напротивъ того, причисленіе къ жилищамъ Кревиновъ имѣнія Альтъ-Радена, у Ватсона (XIV) и во второмъ изданіи Бинемпитамова описанія Курляндіи (срав. примѣч. 14), могло произойти только отъ ошибки, вѣроятно отъ смѣшенія съ собирательнымъ именемъ всего церковнаго прихода, такъ какъ Лутцау (XIII), назвавъ спеціяльно Ней-Раденскій приходъ, чрезъ это прямо исключаетъ имѣніе Альтъ-Раденъ. Крузе (XVI) къ названнымъ пяти имѣніямъ присоединяетъ еще, въ видѣ предположенія, казенный (Кронсъ-) Мемельгофъ для того, чтобы дополнить число шести имѣній, въ которыхъ, по народному преданію, были распредѣлены привезенные на трехъ телѣгахъ Эсты, считаемые нѣкоторыми за родоначальниковъ Кревинамъ; этому показанію, какъ ничѣмъ не доказанному, нельзя, конечно, придавать никакого значенія. Что въ той же цитатѣ, изъ 14 человѣкъ, которыхъ отыскалъ еще Гильденштубе, четверо отнесены къ Гансъ-Мемельгофу, а десятеро къ Альтъ-Радену, — это та же ошибка, въ которую уже впалъ Ватсонъ (ср. выше); или слѣдуетъ тутъ предполагать одну изъ тѣхъ опечатокъ, которыми такъ изобилуетъ книга Крузе, или же, быть можетъ, Крузе счелъ нужнымъ исправить сообщеніе Гильденштуббе по показанію Ватсона, ибо Гильденштуббе не могъ отыскать Кревиновъ въ дру-

гихъ мѣстахъ, кромѣ тѣхъ, въ которыхъ, по предшествовавшимъ вполнѣ вѣрнымъ указаніямъ, они дѣйствительно жили и въ которыхъ не много лѣтъ спустя засталъ ихъ еще Шёгренъ. Что же наконецъ касается Паули (срав. выше примѣч. 13), указывающаго на одно только имѣніе Ней-Раденъ, какъ на жилище Кревиновъ, то показаніе его основано на томъ же невнимательномъ чтеніи Шёгренова отчета, на которое уже указано выше, по поводу приводимаго имъ числа семи человѣкъ. Шёгренъ дѣйствительно говоритъ, что у Ней-Раденскаго кистера были ему представлены созванные туда семь человѣкъ Кревиновъ, одинъ старикъ и шесть женщинъ; но онъ же нѣсколько далѣе говоритъ, что ихъ насчитывалось еще нѣсколько человѣкъ, такъ что на имѣніе Гансъ-Мемельгофъ пришлось четыре человѣка; къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ и самъ старикъ Миккель Саузайсъ, котораго Шёгренъ распрашивалъ у Ней-Раденскаго кистера. О Кревинахъ въ другихъ имѣніяхъ Шёгренъ вовсе не упоминаетъ по той причинѣ, что подъ этимъ названіемъ онъ разумѣлъ только такихъ людей, которые въ то время еще дѣйствительно отличались отъ Латышей. Если же принимать это имя въ болѣе обширномъ смыслѣ и разумѣть подъ нимъ всѣхъ людей, о которыхъ было извѣстно, что предки ихъ когда-то говорили по-кревински, хотя бы они сами были уже вполнѣ олатышены, то мы находимъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, — не считая конечно отдѣльныхъ выходцевъ, — только четыре имѣнія, въ которыхъ, по вполнѣ надежнымъ извѣстіямъ, жили Кревины или ихъ потомки, именно: Ней-Раденъ, Гансъ-Мемельгофъ, Круссенъ и Виттенгофъ; всѣ четыре находятся въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ приходѣ, и притомъ приписаны собственно къ приходу Ней-Раденской церкви. Менѣе вѣрны извѣстія относительно пятаго имѣнія, именно имѣнія Монтигайлишекъ, лежащаго по другую сторону рѣки Мемеля, границы Курляндіи, и принадлежащаго къ приходу Бирзенской церкви. Древнѣйшія извѣстія, отъ такого времени, въ которое можно предполагать, что существовало бо̀льшее число лицъ несомнѣнно кревинскаго происхожденія, рѣшительно ничего не

говорятъ о Кревинахъ въ Литвѣ или Жмуди; а потому можно заключать, что если были Кревины въ Монтигайлишкѣ, то они были переведены туда уже позднѣе. Такія переселенія легко могли случаться при принадлежности этого имѣнія тому же владѣльцу, которому принадлежалъ и Гансъ-Мемельгофъ; извѣстно, что при такихъ же обстоятельствахъ и Ливы также были переселяемы съ берега Балтійскаго моря въ окрестность Вендена.

Отъ восемнадцатаго вѣка мы вовсе не имѣемъ опредѣлительныхъ показаній о жилищахъ Кревиновъ. Во всѣхъ извѣстіяхъ указывается только вообще на мѣстность около Бауска, на рѣкѣ Мемелѣ, около Жмудской границы, въ округѣ Альтъ- и Ней-Радена [20]). Странное показаніе, принадлежащее къ тому времени и конечно происшедшее изъ какого нибудь смѣшенія вещей и понятій, находимъ у пастора Бёргера, въ его «Опытѣ о Лифляндскихъ древностяхъ» (VI). Поговоривъ на стр. 89 о Ливахъ «Раденскаго края», онъ на стр. 102, въ примѣчаніи касательно опредѣленія границъ Курляндскаго епископства, говоритъ: «Изъ этого опредѣленія границъ ясно усматривается, что около нынѣшняго Бауска въ древнія времена должны были жить Куры. До настоящаго времени есть между рѣками Абоа и Аа, въ Баусской округѣ, въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ кирхшпилѣ, мѣста, гдѣ поселяне говорятъ на эстскомъ языкѣ». Въ «Баусской округѣ» есть дѣйствительно рѣка Аа, ибо она образуется изъ сліянія Муся и Мемеля подъ самымъ Баускомъ; но рѣка Абау, притокъ Виндавы, находится очень далеко оттуда, въ самомъ западномъ концѣ Курляндіи. Если опредѣлять обитаемую Кревинами мѣстность рѣками, между которыми она лежитъ, то эти рѣки суть Мемель и Экау; не подалеку отъ послѣдней рѣки находится имѣніе Витвенгофъ, а остальныя три имѣнія расположены по Мемелю. Изъ семнадца-

---

[20]) См. выше III—VIII, а также Тунмана Untersuchungen einiger nordischen Volker, Берлинъ, 1772, стр. 20; Шлецера и Гебгарди Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland, Галле, 1785, стр. 14; Allgemeine Literaturzeitung, Іена, октябрь 1787, стр. 18, Th. Hiarn Ehst- Liv- und Kurländische Geschichte, Митава, 1794, стр. 4, примѣч. издателя, І. Ф. Ф. Рекке

таго вѣка имѣемъ мы о Кревинахъ одно только показаніе П. Эйнгорна (I и II), изъ котораго должно заключить, что они въ то время занимали гораздо значительнѣйшее пространство, ибо въ 1636 году онъ положительно говоритъ: «только два пастора имѣютъ ихъ въ своихъ кирхшпиляхъ или приходахъ, именно не-нѣмецкій пасторъ въ Баускѣ и таковой же въ Раде». По всему, что было сказано выше о П. Эйнгорнѣ, свидѣтельство его уже само по себѣ довольно благонадежно; но кромѣ того оно, какъ я самъ узналъ въ бытность свою въ Баускѣ, подкрѣпляется и подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ, немаловажнымъ значенія. Именно, хотя въ настоящее время въ Баусскомъ Латышскомъ сельскомъ приходѣ нѣтъ уже и помину о какихъ либо потомкахъ Кревиновъ, исключая развѣ отдѣльныхъ случайныхъ переселенцевъ, однако одна часть приходской области до сихъ поръ называется ихъ именемъ, Кревиню галсъ (Kreewiņu gals), т. е. Кревинскимъ концомъ или Кревинскою частью — очевидное доказательство, что этотъ конецъ былъ когда нибудь населенъ Кревинами, тѣми самыми, которыхъ, по свидѣтельству П. Эйнгорна, насъ «не-нѣмецкій пасторъ въ Баускѣ». Если это значительнѣйшее пространство сравнить съ тѣмъ пространствомъ, на которомъ мы видимъ Кревиновъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, къ которому относятся также первыя показанія о ихъ численности, то должно придти къ заключенію, что и число Кревиновъ должно было въ тѣ времена быть въ той же соразмѣрности больше числа, показываемато въ девятнадцатомъ вѣкѣ, но какъ именно велико было ихъ число — этого, разумѣется, съ точностью опредѣлить уже невозможно.

III. Касательно національности и происхожденія Кревиновъ, у писателей, говорившихъ о нихъ, высказаны три мнѣнія. Всѣ они согласны въ томъ, что Кревиновъ слѣдуетъ отнести къ Финскому племени, такъ какъ имѣющіеся образцы ихъ языка, при самомъ даже поверхностномъ разсмотрѣніи, не допускаютъ никакого въ томъ сомнѣнія; разногласіе только въ томъ, что слѣдуетъ ли Кревиновъ признать за Кривичей, или за Ливовъ, или за Эстовъ? Ка-

залось бы, что вопросъ о томъ, какое мѣсто Кревины занимали въ финскомъ семействѣ языковъ, всего надежнѣе можно было бы разрѣшить посредствомъ точнаго анализа остатковъ Кревинскаго языка; но за этотъ анализъ до сихъ поръ никто не принимался, и немногіе уцѣлѣвшіе еще образцы Кревинскаго языка едва ли были всѣ доступны кому либо изъ писавшихъ о Кревинахъ—развѣ только самое небольшое число этихъ писателей видѣло только нѣкоторую частицу этого матеріяла. Все, что каждый писатель приводилъ,—если только онъ приводилъ что нибудь,—въ подкрѣпленіе своего мнѣнія относительно происхожденія Кревиновъ, ограничивается одними историческими данными, или же, въ большей части случаевъ, предположеніями и ни на чемъ не основанными убѣжденіями, которыя въ крайнемъ случаѣ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія только ради имени высказавшаго ихъ лица. Такъ какъ въ настоящемъ изслѣдованіи разсмотрѣнію образцовъ языка будетъ отведено свое мѣсто далѣе, то здѣсь я попытаюсь только изслѣдовать, есть ли возможность историческимъ путемъ дойти до дѣйствительно надежныхъ выводовъ о томъ, откуда, когда и какъ Кревины пришли туда, гдѣ впервые указываетъ ихъ П. Эйнгорнъ?

За тождество Кревиновъ съ Кривичами стоитъ Дитмаръ; но ему не нашлось многихъ послѣдователей; одинъ только Крузе считаетъ это происхожденіе Кревиновъ не то что достовѣрнымъ, но по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ; Шафарикъ напротивъ положительно его опровергаетъ. Въ первомъ своемъ сочиненіи о Кревинахъ (см. выше примѣч. 7), Дитмаръ представляетъ только коротенькое описаніе этого народа, по X и XIII, и прилагаетъ полученные отъ пастора Лутцау образцы языка; при этомъ онъ говоритъ, какъ о чемъ-то само-собою разумѣющемся, что Кревины суть переселившіеся Кривичи, не считая нужнымъ привести какое бы то ни было доказательство тому. Въ самомъ началѣ статьи онъ говоритъ просто и не запинаясь: «Весьма любопытное, конечно, явленіе, что отъ столь многочисленнаго нѣкогда племени Кривичей уцѣлѣли до нашего времени только весьма скудные остатки, и что эти остатки приходится искать именно въ Курляндіи, гдѣ они со-

вершенно окружены Латышами. Они здѣсь обитаютъ въ имѣніяхъ Ней-Раденѣ, Мемельгофѣ, Круссенѣ и Витвенгофѣ, въ окрестностяхъ Бауска». Нѣсколько далѣе онъ говоритъ: «Кривичи, въ Курляндіи и Лифляндіи называемые Кревинами или Кревингами, суть вѣроятно народъ одноплеменный Ливамъ; по крайней мѣрѣ на такое происхожденіе ихъ отъ одного корня указываетъ ихъ языкъ, который, подобно языку ливскому, есть нарѣчіе эстско-финское». По какому случаю Кривичи пришли въ Курляндію или въ ней остались — объ этомъ онъ самъ сознается, что ничего не знаетъ. Во второмъ, болѣе подробномъ сочиненіи «Disquisitio de origine nominis Livoniae» (см. выше примѣч. 7), на которое онъ даже дѣлалъ ссылки въ первомъ, о Кревингахъ говорится почти такимъ же образомъ. Послѣ совершенно такого же описанія народа, онъ продолжаетъ. «По свидѣтельству Константина, Кревинги (Κριβιτζοι, Κριβηταιηνοι) въ древнѣйшія времена жили на Припети; по словамъ этого хронографа, подъ именемъ Кревинговъ разумѣлись всѣ народы, жившіе около истоковъ Волги, Днѣпра и Западной Двины, гдѣ нынѣ находится Смоленскъ (Μιλινισκα); нѣкоторые жили также въ Сѣверіи. «.... Въ Курляндіи потомки этого столь значительнаго народа населяютъ помѣщичьи имѣнія Ней-Раденское и Мемельгофское» (выше онъ называлъ еще Круссенъ и Витвенгофъ)... «Какими же обстоятельствами они занесены въ этотъ край, или по какому случаю основали здѣсь свои селитьбы, или откуда взялось имъ имя Кревинги — объ этомъ, на сколько мнѣ извѣстно, молчитъ и исторія и народное преданіе». И здѣсь онъ точно также греческое Κριβιτζοι или Κριβηταιηνοι прямо, безъ всякаго дальнѣйшаго оправданія или доказательства, переводитъ словомъ «Кревинги», а жившихъ въ его время въ Курляндіи Кревиновъ называетъ потомками этихъ Кривичей (Κριβιτζοι, Κριβηταιηνοι). Професоръ Рюзъ, помѣщая первую его статью въ издаваемомъ имъ и Шпикеромъ журналѣ, прибавилъ къ ней въ началѣ отъ себя такую замѣтку: «Несторъ помѣщаетъ Кривичей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ жили одни только Славяне; Кревины же, судя по сообщеннымъ образцамъ языка, суть очевидно Финны; по

этому я не могу изъ одного лишь сходства именъ убѣдиться, что нынѣшніе Кревины принадлежатъ къ древнимъ Кривичамъ», и проч. Выраженное Рюзомъ сомнѣніе было конечно вполнѣ основательно, ибо ни въ самой этой статьѣ, ни въ послѣдовавшемъ за нею сочиненіи, не находимъ мы, кромѣ сходства имени, ничего такого, что говорило бы въ пользу тождества Кревиновъ съ Кривичами. Тѣмъ не менѣе замѣтка Рюза вызвала со стороны Дитмара возраженіе, которое онъ напечаталъ въ «Heidelberger Jahrbücher» [21]), и въ которомъ имѣлъ цѣлью доказать, что онъ свое мнѣніе о тождествѣ названныхъ двухъ народовъ отнюдь не основываетъ на сходствѣ ихъ именъ. Прочитавъ однако его «замѣтку на замѣтку», нельзя не придти къ убѣжденію, что всѣ доводы автора дѣйствительно сводятся къ одному только сходству именъ. Онъ умозаключаетъ такимъ образомъ: по имени широко-разселившагося народа Кривичей, Латыши назвали Русскихъ «Креви», а всю Русскую землю «Креву-земме»; Кревиновъ, какъ пришедшихъ изъ Россіи въ Земголу чужеплеменниковъ, Латыши назвали Кревинами (Kreewiñi), слѣдовательно эти выходцы должны были быть Кривичи. Еслибъ даже допустить справедливость первой посылки, — хотя далеко нельзя сказать, чтобы она не допускала никакого сомнѣнія, но намъ здѣсь собственно нѣтъ до нея дѣла, — заключеніе во всякомъ случаѣ очевидно неправильно. Съ точно такою же основательностью обо всѣхъ иноплеменныхъ выходцахъ изъ Германіи во Францію можно бы умозаключать такъ: по имени Аллеманов Французы всѣхъ Нѣмцевъ назвали Allemands, а всю Нѣмецкую землю Allemagne, слѣдовательно эти выходцы (будь они Голштинцы, Чехи, Словенцы) должны быть Аллеманы! — Отнюдь не видать почему, если даже дѣйствительно латышское названіе Русской земли пошло ей отъ имени Кривичей, не могло быть выходцевъ изъ Россіи иного племени, кромѣ Кривичей? Въ пользу Кривичей мы очевидно другаго довода не имѣемъ, кромѣ сход-

[21]) Gegenbemerkung auf eine Bemerkung (въ Intelligenzblatt № VI der Heidelberger Jahrbb. der Literatur, 1817 г.)

ства имени. Иное было бы дѣло, еслибъ къ сходству имена присоединялась финская національность Кривичей, такъ какъ принадлежность Кревиновъ къ финскому племени не подлежитъ сомнѣнію. Но съ недоказанностью финской національности Кривичей, передъ которою останавливался уже Рюзъ, Дитмаръ справляется съ тою же безцеремонностью. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ: Несторъ называетъ Кривичей рядомъ со Славянами; слѣдовательно они не могутъ принадлежать къ Славянамъ, не могутъ подводиться подъ общее имя Славянъ; а такъ какъ «Кревины, какъ это доказываетъ самый языкъ ихъ, происходятъ изъ финскаго племени, то слѣдовательно и Кривичи, отъ которыхъ, по представленнымъ выше доводамъ, происходятъ Кревины, были финскаго же племени». — Выводимая изъ тождества обоихъ народовъ принадлежность Кривичей къ финскому племени не можетъ, конечно, въ свою очередь служить доказательствомъ тождества этихъ народовъ. Для того, чтобы допустить возможность этого тождества необходимо сначала предположить принадлежность Кривичей къ финскому племени; противъ же этого предположенія выступаетъ Шафарикъ, въ своихъ «славянскихъ древностяхъ» съ весьма вѣскими доводами. Онъ только вскользь упоминаетъ о Кревинахъ [22]), которыхъ онъ склоненъ признать только за финскихъ вольниковъ, но не за остатокъ первоначальнаго населенія Курляндіи; относительно же Кривичей онъ приходитъ къ результату, прямо противоположному выводамъ Дитмара, а именно, что Кривичи не одинъ и тотъ же народъ съ Кревинами, потому что Кривичи — Славяне, сходство же имени есть чистая случайность. Подробно излагать здѣсь и провѣрять всѣ доводы въ пользу славянства Кривичей было бы совершенно лишнимъ, потому что здѣсь идетъ рѣчь о племенномъ происхожденіи не Кривичей, а Кревиновъ; да при томъ же мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ историческихъ данныхъ, которыя указывали бы на дѣйствительно бывшее вселеніе

---

[22]) П. І. Шафарика, Славянскія древности. Переводъ І. Бодянскаго, Москва, 1837, 1838, т. І, кн. 2, стр 215; и

Кривичей въ Земголу, а безъ такихъ данныхъ, какъ бы положительно ни было доказано финское происхожденіе Кривичей, изъ него поитзволелыно было бы выводить не болѣе какъ одну только возможность подобнаго переселенія; между тѣмъ, кромѣ Кривичей, есть еще достаточное число другихъ Финскихъ народовъ, которые, за исключеніемъ ничего недоказывающаго сходства имени, представляютъ ту же возможность, и гораздо бо́льшую вѣроятность. Если даже иные критики и не согласятся признать въ полномъ объемѣ все, что приводитъ Шафарикъ въ пользу своего мнѣнія о Кривичахъ, то все таки, мнѣ кажется, изъ всей совокупности его доводовъ каждый убѣдится, что Кривичи дѣйствительно были славяне [23]). Стало быть мысль, что Кревины были Кривичи, есть гипотеза, неоснованная ни на какихъ положительныхъ данныхъ, въ подкрѣпленіе которой и Крузе не могъ привести никакихъ новыхъ доводовъ. Затѣмъ мы въ правѣ считать это предположеніе о кривичскомъ происхожденіи Кревиновъ окончательно устраненнымъ.

Нѣсколько болѣе вѣроподобнымъ представляется, на первый взглядъ, то мнѣніе, что Кревины были Ливы, оставшіеся въ этомъ мѣстѣ въ то время, когда Латыши вытѣснили отсюда ихъ единоплеменниковъ. Впервые встрѣчается это мнѣніе въ «Beilagen zum neuveränderten Russland» (IV), гдѣ, на основаніи письма Ирбенскаго и Гипкенскаго пастора Циммермана, говорится: «Кревинги говорятъ тѣмъ же (т. е. ливскимъ) языкомъ, только на нѣсколько измѣненномъ нарѣчіи». Это же мнѣніе о нихъ находимъ въ «Исторіи Литвы, Курляндіи и Лифляндіи» Шлёцера и Гебгарди (см. выше примѣч. 20), въ Іенской «Allegemeine Literaturzeitung» (см. тамъ же), въ примѣчаніи Рекке въ его изданіи Гіерна (см. тамъ же), въ его же «Wöchentliche Unterhaltungen» (XI), у Ватсона въ его «Изображеніи древняго дѣленія Курляндіи» (см. выше прим. 18), у Биненштама въ его «Географическомъ очеркѣ» (см. выше примѣч. 8), у Яннау въ книгѣ «О коренномъ и первобытномъ языкѣ Эстовъ» (см. выше примѣч. 12), у Напіерскаго въ примѣчаніи въ

[3]) Укажу только нат II, кн. I, стр. 171—181 того же сочиненія.

«Monumenta Liv. ant.» (т. I, стр. 3). у Орановскаго [24]); Рихтеръ (см. выше примѣч. 10) колеблется между Эстами и Двинскими Ливами; въ одной статьѣ журнала «Inland» [25]) Кревины смѣшаны съ Kurische konige, а слѣдовательно смѣшаны и съ (нынѣ олатышившимися) Курами или Курляндскими Ливами.

Въ восточной Лифляндіи, среди чисто Латышскаго населенія, встрѣчаются мѣстами такъ сказать островки Эстовъ: слѣдовательно такой же островокъ Ливовъ среди Земгольскихъ Латышей не представлялся бы чѣмъ то рѣшительно невѣроятнымъ или невозможнымъ. Но это—одна лишь возможность, не болѣе. О томъ, чтобы при наступательномъ движеніи Латышскаго племени къ Двинѣ и къ морю уцѣлѣла здѣсь горсть Ливовъ [26]), или чтобы хоть впослѣдствіи переселилась сюда Ливская колонія, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ извѣстій. Единственною опорою этой гипотезѣ служитъ сродство языковъ, объ отношеніи которыхъ между собою и къ другимъ родственнымъ языкамъ писавшіе не умѣли правильно судить. Эту гипотезу можно было бы принять даже безъ историческихъ данныхъ, еслибъ ливскій и кревинскій языки оказались дѣйствительно однимъ и тѣмъ же языкомъ; но она должна рушиться въ прахъ, какъ скоро, при отсутствіи историческихъ опоръ, окажется еще различіе между языками. Такъ какъ отношеніе языковъ мы предполагаемъ разсмотрѣть въ другомъ мѣстѣ, то здѣсь мы должны пока только признать фактъ, что тождество Кревиновъ съ Ливами остается совершенно недоказаннымъ. Оно не представляетъ даже вѣроятности. Въ то время, когда нѣмцы узнали край, въ которомъ впослѣдствіи жили Кревины, восточная граница Куровъ пролегала отъ него далеко на западъ; южная же граница Двинскихъ Ливовъ далеко не доходила до Жмуди. Рифмованная хроника довольно много разсказываетъ о войнахъ Ор-

[24]) Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Курляндская губернія. С.-Петербургъ, 1862. Стран. 157

[25]) «Nationaltrachten in Kurland» статья въ журналѣ «Inland», № 14 за 1838 годъ.

[26]) За уцѣлѣвшій здѣсь остатокъ Двинскихъ Ливовъ положительно признаетъ ихъ Орановскій.

дена, еще въ первой половинѣ тринадцатаго столѣтія, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣ былъ построенъ Баускъ; но эти войны постоянно ведутся съ Земголою; о Ливахъ же (Курахъ) упоминается въ самомъ Орденскомъ войскѣ только, какъ о вспомогательныхъ войскахъ и союзникахъ. Если бы впослѣдствіи были переселены туда Ливскіе (Курскіе) колонисты, то Латыши конечно не назвали бы Кревинами хорошо знакомыхъ имъ сосѣдей, для которыхъ у нихъ существовало уже племенное имя. Кажется, нельзя не признать, что Кревинами могли быть названы только пришельцы изъ болѣе отдаленной и менѣе извѣстной страны, изъ Креву-земме (Русской земли).

Большинство голосовъ оказывается на сторонѣ того мнѣнія, что Кревины суть Эсты; таковы I, II, III, V, VI, VII, VIII, IX, XI, XIII, XV, XVII; также Аделунгъ (въ Mithridat, т. II, стр. 765), J. C. Фатеръ (Sprache der alten Preussen, стр. XXXI, примѣч.), Пфингстенъ (въ Биненштамовомъ Beschreibung Kurlands, см. выше примѣч. 14), статья въ газетѣ «Inland» 1846 г., № 34 (Die Bewohner Liv-und Kurlands, примѣч. 4), Кеппенъ (см. выше примѣч. 15 и «Die Bewohner Kur-und Livlands» въ Бюлетенѣ Академіи Наукъ, т. III, С.-Петербургъ, 1847, стр. 17), Кальмейеръ (Bemerkungen beim Lesen der Urgeschichte des ehstnischen Volksstammes, etc, von Kruse, въ № 42 газеты «Inland», 1848 г.), Рутенбергъ (см. выше примѣч. 19), Паули (см. примѣч. 13). Къ этимъ голосамъ примыкаютъ еще Ватсонъ (XIV), который прежде считалъ Кревиновъ за Ливовъ (см. выше примѣч. 18), и Яннау (см. выше примѣч. 12), который признаетъ ихъ за Ливовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за Эстовъ, такъ какъ для него лившій языкъ составляетъ не особый языкъ, а только древнѣйшую форму языка эстскаго, «первобытный языкъ Эстовъ».

Но у признающихъ Кревиновъ за Эстовъ, признаніе это должно понимать въ двоякомъ смыслѣ. Иной разъ тутъ разумѣются дѣйствительные Эсты, въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ, выселенцы изъ той части Лифляндіи, которую заселяютъ Эсты; въ другихъ же случаяхъ имя это употребляется въ болѣе обшир-

номъ смыслѣ, какъ названіе всего племени, которое мы теперь называемъ вообще финскимъ. Противъ втораго возражать, разумѣется, нечего, кромѣ развѣ того, что выраженіе «Эсты» и «эстскій языкъ» въ этомъ случаѣ становится двусмысленнымъ и можетъ вести къ недоразумѣніямъ. Въ сущности, это мнѣніе вѣрно, ибо достаточно самаго бѣглаго взгляда на образцы языка, чтобы убѣдиться, что Кревины принадлежали къ финскому племени; только болѣе точнаго и опредѣленнаго понятія оно не даетъ: вопросъ о томъ, были ли Кревины дѣйствительные Эсты, или Ливы, или еще третій народъ финскаго же племени, остается безъ отвѣта. Первый сталъ клониться къ признанію Кревиновъ за настоящихъ Эстовъ въ тѣсномъ смыслѣ пасторъ Бёргеръ, который (VI) говоритъ о нихъ: «выдаютъ они себя, правда, за Эстовъ, выведенныхъ сюда въ то время, когда строился Баускій замокъ; и предположительно должны они быть изъ подъ Дерпта, потому что Латыши въ Земголѣ называютъ ихъ Кревинами, т. е. Русскими». Этотъ разсказъ Бёргеръ передаетъ вѣроятно на основаніи П. Эйнгорна, который (II) выражается почти такимъ же образомъ, и также (I) называетъ Кревиновъ «Русскими крестьянами»; происхожденіе же ихъ собственно изъ Дерптскаго края принадлежитъ самому Бергеру. Онъ, впрочемъ, на столько разсудителенъ, что передаетъ это предположеніе только какъ предположеніе; да и дѣйствительно, въ подкрѣпленіе его не имѣется ни одного историческаго указанія. Приводимое основаніе догадкѣ «потому что Латыши называютъ ихъ Кревинами, т. е. Русскими», немножко странно; другой, нѣсколько позднѣйшій писатель, къ которому мы сейчасъ обратимся, пытается его разъяснить. Бёргеръ передъ тѣмъ выводилъ изъ одного стариннаго акта объ опредѣленіи границъ Курляндіи, что въ Баускомъ краѣ въ древнія времена жили Куры. Это противорѣчіе съ послѣдующимъ онъ разрѣшаетъ тѣмъ, что присовокупляетъ такую оговорку: «только что доказываетъ такое переселеніе, кромѣ развѣ того, что народъ въ такомъ краѣ, гдѣ онъ упалъ вслѣдствіе всяческихъ несчастныхъ случаевъ, хотѣли опять поднять посредствомъ привода туда другаго народа

ему подобнаго?» Оставляя въ сторонѣ ошибочное предположеніе, что въ Баускомъ краѣ прежде сидѣли Куры, мнѣніе Бёргера, что къ сидѣвшимъ тутъ же и прежде Кревинамъ прибыли потомъ еще новые Эстскіе колонисты,—хотя бы и не именно изъ-подъ Дерпта,—кажется мнѣ совершенно правильнымъ. Въ такомъ же точно смыслѣ высказывался вскорѣ послѣ него Бротце (ср. IX), какъ въ указываемой Дитмаромъ статьѣ, помѣщенной въ «Историческомъ и географическомъ журналѣ» Фабри и Гаммердёрфера, такъ и въ замѣткѣ къ изображенію Кревина въ его «Памятникахъ»; къ сожалѣнію, самой упомянутой статьи я не могъ доискаться. Бротце думаетъ, что «Кревины въ давнія времена, предположительно еще во время гермейстеровъ, были пригнаны сюда какъ военноплѣнные изъ Эстляндіи, и вѣроятно изъ той части Эстляндіи, которая въ то время была подвластна Русскимъ князьямъ, именно изъ Унганніи» (т. е. изъ той мѣстности, гдѣ находится Дерптъ). Это воззрѣніе на Кревиновъ, мнѣ кажется, было бы вполнѣ правильно, еслибъ только не то, что указаніе на Унганнію не позволяетъ принимать слова: «Эстляндія» и «эстскій», какъ онъ называетъ языкъ Кревиновъ, въ упомянутомъ выше болѣе обширномъ смыслѣ; ибо происхожденіе Кревиновъ изъ Унганніи, какъ уже замѣчено выше относительно «Дерптскаго края», есть рѣшительно ни на чемъ не основанная гипотеза. Попытка подкрѣпить ее посредствомъ истолкованія имени, будто Кревины получили отъ Латышей это имя «по той причинѣ, что нѣкоторая часть Эстляндіи въ до-гермейстерское время была подвластна Россіи, а потому Латыши весьма естественно причисляли эту часть къ Креве-земме или Русской землѣ», нельзя не признать крайне неудачною; и самъ уже Дитмаръ, приводящій ее въ своей «Замѣткѣ на замѣтку» (см. выше примѣч. 21), вполнѣ ее опровергнулъ. Когда Аделунгъ [27]), хотя и упоминаетъ о мнѣніи другихъ писателей, считающихъ Кревиновъ за Ливовъ, но самъ называетъ ихъ Эстами, говорящими на нѣсколько отличномъ нарѣчіи Эст-

[27]) Mithridat. т. II, стр. 765.

скаго языка, то у него, какъ лингвиста, названіе это слѣдуетъ принимать въ тѣсномъ смыслѣ. Съ нѣкоторою торжественностью и не малою долею самоувѣренности выступилъ пасторъ Ватсонъ, въ 1824 году, въ Курляндскомъ Обществѣ литературы и искуствъ, въ Митавѣ, съ открытіемъ (XIV), которое, по его мнѣнію, должно было разъ навсегда уничтожить всякое сомнѣніе относительно происхожденія Кревиновъ изъ Эстляндіи. Года за два передъ тѣмъ (см. выше примѣч. 18) онъ и самъ склонялся къ тому, чтобы признать ихъ за Ливовъ; но тутъ узналъ онъ отъ Баускаго пастора Крюгера, что какой-то фонъ-Ганъ, владѣлецъ Мемельгофа, дѣдъ мужа той особы, которая разсказывала объ этомъ происшествіи, купилъ нѣкоторое число крестьянъ Эстовъ на островѣ Эзелѣ и поселилъ ихъ въ своемъ имѣніи, по тому случаю, что прежніе его крѣпостные люди въ этомъ имѣніи всѣ, за исключеніемъ только трехъ человѣкъ, перемерли отъ чумы. «Въ семействахъ и между потомками этихъ Эзельцевъ сохранился Эстскій языкъ, разумѣется не безъ сильной порчи и примѣси латышскаго, а также сохранились нѣкоторые обычаи и все одѣяніе Эстовъ. Изъ этихъ поселенцевъ нѣкоторые впослѣдствіи, черезъ браки, перешли въ казенный-Мемельгофъ и въ Ней-Раденъ» Это сообщеніе Г-жи фонъ-Ганъ подтверждается съ разныхъ сторонъ людьми, дававшими свои показанія совершенно независимо другъ отъ друга. Одна столѣтняя старуха латышка разсказывала, какъ очевидица, о томъ, какое ощущеніе, въ ея дѣтствѣ, произвело въ околодкѣ прибытіе этихъ чужихъ людей. Нѣсколько человѣкъ Кревиновъ, которыхъ распрашивалъ въ 1846 году Г. фонъ-Гильденштуббе, также показали, что «ихъ предки были привезены послѣ большаго мора (т. е. послѣ эпидеміи восемнадцатаго вѣка) съ острова Замы (Сарема или Эзель) на трехъ телѣгахъ и разселены въ шести имѣніяхъ». Три года спустя, когда по просьбѣ Шёгрена пасторъ Лутцау спрашивалъ созванныхъ Кревиновъ, «не знаютъ ли они и не слыхали ли, откуда были ихъ предки, женщины молчали, но одинъ старикъ лѣтъ 80-ти, Гансъ-Мемельгофскій лѣсникъ, отвѣчалъ, что онъ этого заподлинно не знаетъ, а помнитъ только, что

когда онъ былъ еще ребенкомъ дѣдъ его говаривалъ, что они родомъ именно съ одного большаго острова на морѣ и прибыли сюда первоначально въ имѣніе Гансъ-Мемельгофъ, и въ четырехъ большихъ повозкахъ; имя того острова, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, Заму-земме; а это какъ разъ латышское имя острова Эзеля». «Если сообразить», присовокупляетъ Шёгренъ, «что старику по собственному его расчету 76 лѣтъ, если не болѣе,.... то должно признать, что дѣдъ, на котораго онъ ссылался, былъ очевидцемъ разсказываемаго событія. Слѣдовательно, мы имѣемъ въ немъ, послѣ упоминаемой Ватсономъ старухи латышки, еще втораго свидѣтеля очевидца, и притомъ изъ самихъ Кревиновъ, въ подтвержденіе справедливости объясненія, сообщеннаго Госпожею фонъ-Ганъ, съ которымъ его разсказъ въ сущности совершенно согласенъ» (XVII). Тутъ мы имѣемъ наконецъ дѣйствительный фактъ, несомнѣнное переселеніе Эстовъ въ заселенную Кревинами мѣстность; только Ватсонъ сдѣлалъ изъ него слишкомъ поспѣшный выводъ. Онъ говоритъ: «Наши прославленные Кревины, о которыхъ такъ много писано и которымъ придавалось такое большое значеніе и на мѣстѣ и еще болѣе въ другихъ странахъ, въ дѣйствительности оказываются не болѣе, какъ горстью крѣпостныхъ людей, купленныхъ на островѣ Эзелѣ, для того, чтобы вновь заселить помѣщичье имѣніе, совершенно обезлюдѣвшее въ началѣ прошлаго столѣтія вслѣдствіе чумы» (XIV). Нашлись и другіе писатели, вполнѣ принявшіе его воззрѣніе на это дѣло: такъ Пфингстенъ, въ пересмотрѣнномъ имъ новомъ изданіи Биненштамова «Описаніи Курляндіи» (см. выше прим. 14), говоритъ: «Кревины, народецъ...., который, вопреки многоразличнымъ мнѣніямъ весьма почтенныхъ изслѣдователей исторіи Сѣвера, по представленному покойнымъ Ватсономъ неопровержимому доказательству состоитъ изъ потомковъ небольшаго числа крестьянъ Эстовъ, купленнаго на островѣ Эзелѣ въ началѣ прошлаго вѣка тогдашнимъ владѣльцемъ имѣнія Мемельгофа, въ Баускомъ уѣздѣ, и переселеннаго имъ въ сказанное свое имѣніе». На Ватсона же ссылаются, хотя не принимаютъ

такъ безусловно его воззрѣнія, статья въ газетѣ Inland (1846 г. № 34), Кальмейеръ (въ той же газетѣ, 1848 г. № 42) и, не называя его, Паули (см. выше примѣч. 13). Крузе (XVI) повторяетъ, правда, сообщенный Ватсономъ разсказъ, но при этомъ возникаетъ въ немъ весьма основательное сомнѣніе въ томъ, могли ли всѣ Кревины народиться отъ перевезенныхъ Эзельцевъ? Всего болѣе удивитъ пожалуй то, что Шёгренъ въ заключеніе своего сообщенія о поѣздкѣ къ Кревинамъ (XVII) говоритъ: «этимъ общимъ результатомъ (т. е. подтвержденіемъ сообщеннаго Ватсономъ разсказа г-жи Фонъ-Ганъ) должны мы покуда довольствоваться, предоставляя себѣ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ раскрыть, можетъ ли онъ, и въ какой степени, быть утвержденъ на болѣе точныхъ и положительныхъ доводахъ, или не слѣдуетъ ли его нѣсколько измѣнить въ частностяхъ. Ибо, во всякомъ случаѣ, измѣненія могутъ коснуться только частностей; въ сущности же, ни указаннаго впервые покойнымъ Ватсономъ факта прихода Эстскихъ выселенцевъ съ острова Эзеля, ни преобладанія эстскаго характера въ языкѣ уцѣлѣвшихъ до нашего времени скудныхъ остатковъ Кревинскаго племени отрицать невозможно». — Не должно забывать, что Шёгренъ тутъ, въ предварительномъ отчетѣ о путешествіи, сообщалъ только обстоятельства и впечатлѣнія путешествія, а вовсе не результаты исполненныхъ уже собственныхъ изслѣдованій. Я не знаю, были ли у него въ рукахъ какіе либо другіе лингвистическіе матеріялы, кромѣ упоминаемаго въ отчетѣ собранія словъ, сообщеннаго ему въ Митавѣ г-мъ Рекке, и того, что онъ могъ самъ добыть непосредственно отъ послѣднихъ лицъ, знавшихъ кревинскій языкъ; но и изъ этого немногаго, по ближайшемъ разсмотрѣніи, такой какъ онъ знатокъ Финскихъ языковъ очень скоро усмотрѣлъ бы, что кревинскій языкъ, при всемъ своемъ близкомъ родствѣ съ языкомъ эстскимъ, весьма значительно отъ него уклоняется; онъ также замѣтилъ бы и другія обстоятельства, не позволяющія выводить Кревиновъ отъ Эзельскихъ колонистовъ, переведенныхъ въ этотъ край только въ восемнадцатомъ столѣтіи. Къ сожалѣнію, смерть прервала дальнѣй-

шее изслѣдованіе, которое онъ имѣлъ въ виду; въ оставшихся послѣ него бумагахъ отыскалось очень небольшое только начало довольно широко задуманнаго разсужденія «о Курляндскихъ Кревинахъ и послѣднихъ памятникахъ ихъ языка». Съ оговоркою также ссылается на Ватсона и Кеппенъ [28]), говоря: «прежде чѣмъ стану говорить о Ливахъ, замѣчу только, что Кревинги, на основаніи одной статьи покойнаго Лестенскаго пастора Ватсона, покуда, до дальнѣйшаго разъясненія, считаются за Эзельцевъ (слѣдовательно Эстовъ по происхожденію), и т. д.».

Нисколько не затрогивая вполнѣ и несомнѣнно доказаннаго факта переселенія въ Мемельгофъ Эзельскихъ Эстовъ, нельзя однако не придти къ заключенію, что отъ этихъ колонистовъ, поселившихся здѣсь въ восемнадцатомъ вѣкѣ, не могли народиться тѣ Кревины, о которыхъ еще въ семнадцатомъ вѣкѣ упоминаетъ П. Эйнгорнъ, и что относительно происхожденія этихъ Кревиновъ столь рѣшительная будто бы разгадка, представленная Ватсономъ, ровно ничего не рѣшаетъ. Невозможность согласить заявленіе Ватсона съ показаніемъ П. Эйнгорна замѣтилъ еще Крузе, а также Кальмейеръ въ изданіи «Scriptores rerum Livonicarum», въ примѣчаніи къ тому мѣсту Эйнгорновой Латышской исторіи (II), въ которомъ говорится о Кревинахъ. Онъ говоритъ: «это относится къ тѣмъ Кревинамъ (уменьшит. отъ латышскаго слова Кревсъ, Русскій) въ Альтъ-Раденскомъ имѣніи, Баускаго уѣзда (ср. Reformatio gentis lett. гл. I, въ концѣ), о которыхъ впервые говорилъ Шлёцеръ, а потомъ и другіе писатели; отсюда выходитъ, что они гораздо древнѣйшаго происхожденія, чѣмъ полагаетъ Ватсонъ (въ «Sendungen» Курляндскаго Общества литературы и искуствъ, I, стр. 36), по которому они суть Эсты, переселенные съ острова Эзеля въ началѣ прошлаго столѣтія». — Напіерскій, пожалуй, попалъ на настоящій путь для устраненія этого противорѣчія между Ватсоновымъ извѣстіемъ и древнѣйшимъ показаніемъ Эйнгорна, когда къ приведенному

[28]) Въ Бюлетенѣ Академіи Наукъ, т. III, 1847 г. стр. 17.

примѣчанію Кальмейера прибавляетъ слѣдующія слова: «Ватсоново показаніе однако основывается на довольно твердыхъ данныхъ, и по новѣйшему изслѣдованію Академика Шёгрена, который лѣтомъ 1846 года ѣздилъ собственно для этого на самое мѣсто, подтверждается преданіемъ, сохранившимся у самихъ Кревиновъ; а потому должно полагать, что то, что случилось послѣ заразы 1710 года (переселеніе), и то, что совершается въ настоящее время (полное сліяніе разрозненныхъ Эстовъ съ окружающею ихъ масою Латышей) случалось и совершалось уже и прежде; или же, что истребленіе ихъ заразою вызвало второе переселеніе» [29]).—Дѣйствительно, если изъ переселенныхъ послѣ 1710 года Эзельцевъ вышли нынѣшніе Кревины, то при этомъ могутъ быть только два случая: или 1) новые переселенцы, слившись съ прежними Кревинами, о которыхъ упоминалъ уже П. Эйнгорнъ, или даже безъ предварительнаго сліянія съ ними, непосредственно и вмѣстѣ съ ними олатышились. Этотъ случай самый вѣроятный; имъ, быть можетъ, даже объясняется нѣкоторое различіе между словами, собранными и сообщаемыми разными лицами, такъ какъ при этомъ можно предполагать, что одинъ получалъ эти слова отъ какого нибудь потомка старыхъ, дѣйствительныхъ Кревиновъ, другой же отъ потомка Эзельскихъ переселенцевъ, не вполнѣ еще слившагося съ Кревинами относительно языка; но допущеніе этого перваго случая ни на шагъ не подвинетъ насъ въ изслѣдованіи о древнихъ Кревинахъ. Или же 2) старое Кревинское населеніе все вымерло, и все что писано о Кревинахъ послѣ П. Эйнгорна, со второй половины восемнадцатаго вѣка должно относить исключительно къ потомкамъ новыхъ эстскихъ переселенцевъ. Этотъ второй случай крайне невѣроятенъ. По одной надписи на камнѣ въ Клейнъ-Ирбенѣ, которую Шегренъ также сообщаетъ въ своемъ отчетѣ о путеше-

[29]) Къ этому воззрѣнію примыкаетъ впрочемъ и Кальмейеръ, въ своей замѣткѣ «Bemerkungen beim Lesen der Urgeschichte des ehstnischen Volksstammes von Prof Dr. F. Kruse», помѣщенной въ газетѣ «Inland» 1848 года № 42.

ствіи, съ Ливскимъ населеніемъ сѣвернаго берега Курляндіи случилось будто бы совершенно то же; и здѣсь также все населеніе будто бы вымерло отъ чумы и было замѣнено новымъ населеніемъ съ острова Эзеля. Я старался показать невѣрность этого извѣстія въ своемъ введеніи къ Ливской грамматикѣ въ «Собраніи сочиненій» І. А. Шегрена, т. II, ч. I; и полагаю, что точно такъ же неосновательно было бы принять, что въ то же самое время вымерли также всѣ Кревины, и ихъ пришлось также замѣнить совершенно новымъ населеніемъ. Островъ Эзель былъ бы какимъ то неизсякаемымъ родникомъ людей, еслибъ онъ могъ, самъ подвергшись опустошенію отъ чумы, одновременно снабдить двѣ мѣстности въ Курляндіи полнымъ новымъ населеніемъ. Относительно числа переведенныхъ въ Мемельгофъ Эзельцевъ, мы не имѣемъ, правда, документальнаго извѣстія, и можно, пожалуй, указывать, что по преданію ихъ было всего четыре (XVII) или даже только три (XVI) телѣги. Нельзя же, положивъ въ основаніе своимъ выводамъ народное преданіе, брать изъ него только то, что намъ пригодно, а остальное отвергать; три или четыре телѣги выходцевъ Эзель могъ, пожалуй, поставить; но тутъ мы, укрывшись отъ одного затрудненія, наткнемся на другое, не меньшее. На четырехъ эстляндскихъ крестьянскихъ телѣгахъ,— если даже взять высшую изъ двухъ указываемыхъ преданіемъ цифръ, — могли быть перевезены никакъ не болѣе шестнадцати человѣкъ; если даже предположить, что для перевоза выселенцевъ были построены особыя, большія телѣги (ср. XVII), то и тутъ можно на каждую телѣгу считать не болѣе десяти человѣкъ съ ихъ небольшимъ имуществомъ; стало быть всего сорокъ человѣкъ. При благопріятныхъ условіяхъ, какія едва ли возможно предполагать при тогдашнемъ положеніи крѣпостныхъ людей, это число могло въ сто лѣтъ трижды удвоиться; стало быть отъ первоначальныхъ сорока человѣкъ могло образоваться населеніе въ 320 душъ. Между тѣмъ не прошло ста лѣтъ (X) послѣ переселенія, какъ мы находимъ уже населеніе почти впятеро больше; откуда же взялись тѣ 1200 человѣкъ, которые никакъ не могли

народиться отъ первоначальныхъ сорока Эзельцевъ? Такимъ образомъ, принявъ второй изъ предположенныхъ двухъ случаевъ, мы наткнемся на такую дилемму, что должны или допустить возможность перевозки около 200 человѣкъ на четырехъ телѣгахъ, или же допустить такое приращеніе народонаселенія, какого не видано примѣровъ даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Это затрудненіе можно было бы оставить безъ вниманія въ томъ только случаѣ, — да и тутъ пришлось бы невѣроятное признать возможнымъ, — когда было бы доказано, что языкъ Кревиновъ былъ эзельское нарѣчіе эстскаго языка; причемъ все таки нисколько не разрѣшался бы вопросъ о Кревинахъ, существовавшихъ до 1710 года, и оставалось бы необъяснимымъ странное имя Кревиновъ (Kreewiñi), данное Латышами только что вошедшимъ въ составъ Русскаго государства и хорошо имъ извѣстнымъ «Иггаунямъ» (Iggauni). А какъ это тождество языка Кревиновъ съ Эзельскимъ нарѣчіемъ до сихъ поръ не доказано,—да и не можетъ быть доказано, какъ мы увидимъ далѣе,—то мы должны сказать, что къ признанію Кревиновъ за Эстовъ въ тѣсномъ смыслѣ, и именно за Эзельцевъ, рѣшительно не имѣется достаточныхъ историческихъ основаній.

Когда Кревиновъ называютъ Эстами въ обширномъ смыслѣ, разумѣя подъ этимъ принадлежность ихъ къ тому, что нынче называется финскимъ племенемъ, то противъ этого, какъ уже замѣчено выше, нечего и возражать, кромѣ развѣ того, что это наименованіе подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ и притомъ говоритъ объ этомъ народѣ не болѣе какъ то, что всѣ и безъ того давно знаютъ. Вопросъ же именно въ томъ, чтобы раскрыть, какое мѣсто занимаютъ Кревины въ средѣ финскаго или чудскаго племени, и затѣмъ когда и при какихъ обстоятельствахъ они пришли въ Курляндію. У большей части писателей, называющихъ Кревиновъ Эстами или ихъ языкъ эстскимъ, болѣе обширный смыслъ, въ которомъ они разумѣютъ эти выраженія, прямо указывается прибавкою къ нему какого нибудь дополнительнаго обобщающаго слова. Такъ Штендеръ (VII и VIII) говоритъ, что

языкъ, на которомъ они говорятъ, есть «нѣчто въ родѣ эстскаго» (eine Art ehstnisch), а ихъ самихъ называетъ «древнею русскою колоніею изъ Эстляндіи»; Рекке (XI) называетъ языкъ «финско-эстскимъ нарѣчіемъ, представляющимъ много сходства съ языкомъ ливскимъ; точно такъ же и Лутцау (XII) называетъ ихъ «финско-эстскимъ» племенемъ, которое неизвѣстно по какому случаю пришло сюда; Дитмаръ, хотя и считаетъ Кревиновъ за одно съ Кривичами, однако языкъ ихъ называетъ «финско-эстскимъ нарѣчіемъ, весьма сходнымъ съ ливскимъ». Еще яснѣе выражаются другіе, прямо указывая на Финновъ; такъ Тунманъ [30]), хотя и повторяетъ показаніе Шлёцера (IV), что Кревины говорили на ливскомъ языкѣ, только на нѣсколько отличающемся нарѣчіи, передъ тѣмъ однако говоритъ о нихъ какъ объ остаткѣ древняго финскаго населенія Земголы; Кешенъ (см. выше примѣч. 15) говоритъ: «что Ливы и Кревины принадлежатъ къ Финскому (Эстскому) племени, нынѣ уже никто въ томъ не сомнѣвается»; Шафарикъ [31]) полагаетъ, что Ливы и Кревины могутъ, пожалуй, быть финскими всельниками, но что нѣтъ непремѣнной надобности предполагать въ нихъ остатки большаго Чудскаго первоначальнаго населенія. Фатеръ [32]) какъ бы колеблется и выражается нѣсколько неясно: «Финны и Эсты среди Латышей сдѣлались Латышами, и отъ нихъ уцѣлѣли только ничтожные остатки въ Лифляндіи и Курляндіи, которые частью говорятъ,—и то только между собою,—какимъ то смѣшаннымъ полуфинскимъ или полуэстскимъ языкомъ, частью же, какъ.... Курляндскіе Кревины, сохранили между собою свой первоначальный языкъ въ нѣсколько бо̀льшей чистотѣ». Изъ этихъ словъ не видно ясно, считаетъ ли онъ кревинскій языкъ за финскій или за эстскій, и въ послѣднемъ случаѣ какъ онъ разумѣетъ слово «эстскій». Всѣхъ яснѣе высказывается Лербергъ [33]), и, какъ мнѣ кажется, совершенно вѣрно

[30]) Untersuchungen einiger nordischen Volker. Berlin 1772. Стр 20.
[31]) Славянскія древности, переводъ Бодянскаго, т I, кн. 2, стр. 215
[32]) Die Sprache der alten Preussen. Braunschweig, 1821. Стр. XXXI, примѣч.
[33]) Untersuchungen zur Erlauterung der alteren Geschichte Russlands, St.-Petersburg, 1816, стр. 145. Изслѣдованія, и проч., переводъ Языкова, С.-Петербургъ, 1819, стр. 118.

смотритъ на дѣло, хотя, такъ сказать, по наитію, ибо онъ едва ли самъ зналъ языкъ Кревиновъ. Онъ причисляетъ ихъ къ Чуди, разумѣя подъ этимъ именемъ одну групу всего племени, въ настоящее время называемаго финскимъ, именно «Кревиновъ, Ливовъ, Эстовъ, Ингерманландцевъ, Карелу и Финляндцевъ». Тутъ въ первый и единственный разъ Кревины сопоставляются какъ особый народъ съ прочими названными народами, а не сливаются ни съ Ливами, ни съ Эстами. Одно, въ чемъ я не могу съ нимъ согласиться, это то, что онъ на одну ногу съ Кревинами ставитъ и Ингерманландцевъ, разумѣя подъ послѣдними потомковъ древнихъ Вотовъ и Ингровъ. Крайне странно напротивъ воззрѣніе Паррота [34]), который все населеніе Курляндіи, латышское и финское, относитъ къ одному племени, и порицаетъ Лерберга за то, что онъ Кревинговъ и Ливовъ оторвалъ отъ остальной Курляндіи и сдѣлалъ изъ нихъ особыя отрасли вовсе не существующаго чудскаго племени. Довольно близко къ истинному пониманію дѣла подошелъ также суперинтендентъ Гунъ (VI), хотя и не умѣлъ такъ ясно и опредѣлительно высказать свою мысль, какъ Лербергъ. Онъ говоритъ: «языкъ ихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ во многихъ словахъ представляетъ сходство съ языками эзельскимъ, эстскимъ и финскимъ, впрочемъ на столько, что еслибъ сошлись люди этихъ разныхъ народностей, они едва ли, или только на половину, поняли бы другъ друга». Только вмѣсто эзельскаго языка, который есть ничто иное, какъ тотъ же эстскій, слѣдовало назвать ливскій.

Изъ писателей, у которыхъ выраженія «Эсты» и «эстскій» въ примѣненіи къ Кревинамъ и ихъ языку слѣдуетъ повидимому понимать въ обширнѣйшемъ смыслѣ, хотя они и не прибавляютъ никакого указывающаго на то слова, первымъ должно назвать старѣйшаго изъ нихъ всѣхъ, именно самого Павла Эйнгорна. Онъ говоритъ именно (I): «когда говорятъ они между собою, то говорятъ по эстски. съ Нѣмцами же и съ другими Ненѣмцами

[34]) Versuch einer Entwickelung der Abstammung der Liwen, Latten und Ehsten. Stuttgart, 1828, стр. 132.

говорятъ по-латышски.... по рѣчи ихъ можно угадать, что они не латыши, ибо они этотъ языкъ очень дурно выговариваютъ»; а въ другомъ мѣстѣ (II): «впрочемъ есть еще въ Баускомъ округѣ и на Ангернскомъ берегу въ Курляндіи люди, употребляющіе эстскій языкъ, и говорящіе на обоихъ языкахъ, на латышскомъ равно какъ на эстскомъ.... которые живутъ въ Баускомъ округѣ, приведены туда въ давнія времена изъ Эстляндіи.... обитающіе же на Ангернскомъ берегу живутъ ли на этомъ мѣстѣ истари, или же также переведены туда изъ Эстляндіи, объ этомъ нѣтъ возможности добыть какое либо свѣдѣніе». Сопоставленіе на равной ногѣ, во второй цитатѣ (изъ Латышской Исторіи), Кревиновъ съ Ливами, которые не суть Эсты въ тѣсномъ смыслѣ, ясно указываетъ, что называя кревинскій языкъ эстскимъ, Эйнгорнъ не сознаетъ особеннаго характера эсткаго языка и того, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ родственныхъ ему языковъ; что онъ тутъ разумѣетъ родъ, а не видъ, или, въ другихъ словахъ, разумѣетъ то, что въ наше время лингвистъ назвалъ бы языкомъ финскаго корня. Еслибъ онъ имѣлъ точное понятіе о ливскомъ и кревинскомъ языкахъ, а равнымъ образомъ и объ эстскомъ, такъ что могъ бы произнести о нихъ компетентный судъ, онъ не сопоставилъ бы первыхъ двухъ языковъ на равной степени и не назвалъ бы потомъ обоихъ вмѣстѣ именемъ третьяго языка; если же онъ имѣлъ о нихъ точное понятіе и все таки поступилъ такимъ образомъ, то очевидно, что онъ слово «эстскій» употребляетъ здѣсь за отсутствіемъ другаго болѣе приличнаго названія для означенія высшей единицы, подъ которую подводятся всѣ три языка на одной степени между собою. То же самое должно сказать о слѣдующемъ за нимъ писателѣ, Штендерѣ. Сначала онъ говоритъ въ своей латышской грамматикѣ (III) точно такимъ же образомъ: «Хотя среди самой Курляндіи есть двѣ мѣстности, гдѣ поселяне между своими говорятъ по эстски, а съ другими по латышски.... Эти двѣ мѣстности суть: 1) въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ кирхшпилѣ, неподалеку отъ Бауска, и 2) на Ангернскомъ берегу. Первыхъ называютъ Кревинами»...

Еще яснѣе видно, что онъ также слово «эстскій» употребляетъ въ означенномъ выше смыслѣ, во второмъ изданіи своей грамматики (VII), гдѣ приведенное мѣсто измѣнено такимъ образомъ (ср. выше): «Хотя среди самой Курляндіи есть двѣ мѣстности, гдѣ поселяне между собою говорятъ на языкѣ въ родѣ эстскаго, а съ другими по-латышски. .. Вышеозначенныя двѣ мѣстности суть: 1) въ Альтъ- и Ней-Раденскомъ краѣ, которыхъ называютъ Кревинами.... 2) на Ангернскомъ побережьи, которые сами себя называютъ Ливами».... Точно такъ же говоритъ онъ и въ лексиконѣ (VIII): «Кревины, Альтъ- и Ней-Раденскіе крестьяне, которые между собою говорятъ на языкѣ въ родѣ эстскаго (eine Art ehstnisch). Это древняя русская колонія изъ Эстляндіи». Колонистовъ Эстовъ въ собственномъ смыслѣ Штендеръ не сталъ бы называть русскою колоніею, а только, въ примѣненіи къ слову Кревины, могъ онъ разумѣть колонію изъ «Креву-земме»; Латышъ же подъ этимъ названіемъ никогда не представляетъ себѣ Эстляндскую губернію или заселенную Эстами часть Лифляндіи, а исключительно землю, гдѣ живутъ Креви (Русскіе), точно такъ же, какъ и П. Эйнгорнъ (I) имя Кревиновъ переводитъ русскими крестьянами. И такъ, если пришла русская колонія изъ Эстляндіи, то тутъ Эстляндія можетъ означать ничто иное, какъ область въ Креву-земме, населенную родственнымъ Эстамъ народомъ. У позднѣйшихъ писателей, которые въ своихъ показаніяхъ о Кревинахъ основываются — частью гласно, какъ Кальмейеръ (см. примѣч. 29) или Рутенбергъ (см. примѣч. 19), частью же безмолвно, какъ Свенсонъ (XV), — на П. Эйнгорнѣ, само собою разумѣется, что слова Эстляндія, Эсты, эстскій языкъ должны быть принимаемы въ томъ же значеніи, какое, какъ я старался доказать, они имѣютъ у самого П. Эйнгорна.

Если затѣмъ взвѣсить все, что сказано выше объ эстской національности Кревиновъ, то нельзя не придти къ убѣжденію, что мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ историческихъ данныхъ, которыя давали бы намъ право многочисленныхъ Кревиновъ, жившихъ въ Баускомъ кирхшпилѣ за долго еще до прихода

къ нимъ небольшаго числа эзельскихъ выселенцевъ, считать за дѣйствительныхъ Эстовъ въ тѣсномъ смыслѣ, равно какъ не можемъ мы ихъ считать ни за Ливовъ, ни за Кривичей. Всѣ историческія данныя указываютъ развѣ только на особый народъ, родственный и Эстамъ и Ливамъ.

Въ виду невозможности изъ имѣющихся извѣстій о Кревинахъ извлечь какіе либо вѣрные выводы о происхожденіи и племени этого народца, остается только попытаться, нельзя ли что либо раскрыть посредствомъ разсмотрѣнія его языка. При этомъ однако не безполезно напередъ привести къ истинной мѣркѣ значеніе тѣхъ результатовъ, которые могутъ быть добыты такимъ путемъ. Отъ изслѣдованія языка, разумѣется, нельзя ожидать такого полнаго разъясненія вопроса, какое могла бы дать исторія. Оно можетъ развѣ только раскрыть, что такое были Кревины, въ какомъ отношеніи они находились къ другимъ народамъ финскаго племени; и уже по этому развѣ дастъ возможность сдѣлать нѣкоторыя предположенія относительно прежнихъ ихъ жилищъ; но оно отнюдь не раскроетъ когда, какимъ образомъ и откуда собственно они пришли въ Курляндію. Результаты языкоизслѣдованія вообще, когда идетъ дѣло объ опредѣленіи національности, стоятъ на второй степени, послѣ изслѣдованій историческихъ. Жителей Балтійскаго побережья отъ Двины до Залиса, если опредѣлять ихъ племя по ихъ языку, можно бы считать только за Латышей; между тѣмъ по исторіи достовѣрно извѣстно, что они Ливы, принявшіе латышскій языкъ. Такого противорѣчія относительно Кревиновъ намъ опасаться нечего. Что раскроетъ намъ о нихъ изслѣдованіе ихъ языка, того конечно не подтвердитъ исторія, какъ было бы желательно; но она добытаго этимъ путемъ и не опровергнетъ, по той именно причинѣ, что пу-

темъ историческаго изслѣдованія нѣтъ возможности добыть о Кревинахъ какихъ бы то ни было вѣрныхъ данныхъ.

Академикъ Шёгренъ, послѣдній до меня посѣщавшій мѣста, гдѣ жили Кревины, нашелъ въ 1846 году всего десять или одиннадцать человѣкъ, которые сохраняли кое-какія смутныя воспоминанія о своемъ родномъ языкѣ, и которыхъ почти по одной лишь одеждѣ можно было еще признать за Кревиновъ (см. выше). Къ моему пріѣзду въ 1870 году никого изъ этихъ людей въ живыхъ уже не было, и такимъ образомъ языкъ ихъ существуетъ еще въ однихъ только письменныхъ памятникахъ, которыхъ нѣтъ уже возможности ни провѣрить, ни пополнить. Записи эти къ сожалѣнію представляютъ два весьма ощущительные недостатка. Во-первыхъ, они крайне малочисленны. Небольшимъ дополненіемъ къ нимъ, и именно самыми древними записями, обязанъ я моему товарищу А. А. Кунику, который указалъ мнѣ, что въ Императорской публичной библіотекѣ находится тетрадь рукописей, содержащая ливскіе и кревинскіе тексты; но и при этомъ приращеніи запасъ матеріяла, какъ читатель увидитъ ниже, остается еще весьма скуднымъ. Во-вторыхъ, всѣ эти записи, безъ исключенія, сдѣланы такими лицами, которыя не знали ни одного изъ языковъ финскаго семейства, въ чемъ они сами сознаются и что очевидно усматривается изъ неудовлетворительнаго и шаткаго означенія звуковъ. Для кревинскаго письма они бо̀льшею частью пользовались латышскою орѳографіею, которая рѣшительно не годится, особенно для выраженія гласныхъ звуковъ; нѣкоторыя попытки болѣе точнаго означенія звуковъ посредствомъ новыхъ знаковъ не вездѣ примѣнены одинаковымъ образомъ. Такъ какъ памятники языка еще малочисленнѣе историческихъ извѣстій о Кревинахъ, то я позволю себѣ и эти памятники также предпослать въ хронологическомъ порядкѣ моему изслѣдованію.

Собраніе переведенныхъ на Кревинскій языкъ реченій, записанное кандидатомъ Апельбаумомъ (изъ сообщенія суперинтендента Гуна, отъ 7-го іюля 1774, ср. выше V).

1) Бакмейстерова програма.

Jumall eb kǭl (Богъ не умираетъ).

Sä rüschte eb bólla kauga (человѣкъ не живетъ долго).

Sä àmma annab suhte lahasalla, nemi̇u lahasili (мать цѣлуетъ дитя, своихъ дѣтей).

Temma mees tätta mīhlib (ея мужъ любитъ ее).

Polge ümmemisse onn rinnoîs (много сосать [молока] есть въ грудяхъ).

Sätt ämmant òl rassi jalkopel (эта женщина была тяжела на ногахъ [беременна]).

Ätten kūhte pe̜iwe schünnent poika (за шесть дней родился сынъ).

Temma onn rampa (она есть слаба).

Temma tüterk ihsub temma tüwen un idgab (ея дочь сидитъ подлѣ нея и плачетъ).

Sä lachs eb tahu ümmit (дитя не хочетъ сосать).

Sä tüterk eb wǭi menne (дѣвочка не можетъ [не умѣетъ] ходить).

Temma onn schünnent oll üchtü aigasagga un öll kachs kuht (оно рождено за одинъ годъ и за два мѣсяца [назадъ]).

Nätt nelg pǭisi kuüki ōhmatt terwett (четыре мальчика всѣ здоровы).

Sä äsemine mähnab, sāmub, sä taina üppeb, sä kölmas laulab, sä nelges nagrab (первый идетъ, бѣжитъ, второй скачетъ, третій поетъ, четвертый смѣется).

Sä mees onn sàkke (человѣкъ слѣпъ).

Temma naina eb kūhl, onn kūhrl (его жена не слышитъ, глуха).

Temma eb kuhl, mid mäd paetam (она не слышитъ, что мы говоримъ).

Siu welge aiwassalab, siu säsar makab (твой братъ чихаетъ, твоя сестра спитъ).

Teggi īhsa onn ärkel (вашъ отецъ проснулся).

Tem wahä ścheeb un wähä jōōb (онъ мало ѣстъ и мало пьетъ).

Sä nenna kaśchka gīhmis, nenna waijel silmija (носъ посреди лица, носъ между глазъ).

Miu ōhmatt kachs jalga, un ikkummal ke̜ijel ōhmatt wihs sörme

(у меня суть двѣ ноги, и на каждой рукѣ суть пять пальцевъ).

Päpel īhhust kaswowod (на головѣ волоса ростутъ).

Sä kühel un ampatt ohmatt suhs (языкъ и зубы суть во рту).

Sä aika kessi weggewamb eb sä kurra (правая рука сильнѣе, нежели лѣвая).

Üchs ühuse onn pitka un peene (одинъ волосъ есть длиненъ и тонокъ).

Sä wärri onn pūmane [pūnane?], ned luhd onn kähwad neku keiwi (кровь есть красна, кость есть тверда какъ камень).

Sälla kālall silmet ohmatt un eb karwatt (у рыбы глаза суть, а нѣтъ ушей).

Sä linnul (lint?) lentab woennutzi, tem issuis maha (птица летитъ медленно, она сѣла внизъ (опустилась).

Tel ohmatt muhsatt sülgatt sihwîs, terrawe neñna (у него суть черныя перья въ крыльяхъ, острый клювъ).

Tel onn lühüt ennta (у него есть короткій хвостъ).

Sälla linnul pe̮isis walked munnad (у птицы въ гнѣздѣ бѣлыя яйца).

Sälla pühle onn ä̮gat lähud un padget ähesed (на деревѣ есть зеленые листья и толстыя вѣтви).

Sä tūli poleb, möd ne̮jjam senn suizu, leesmu un schüwed (огонь горитъ, мы видимъ его дымъ, пламя и уголья).

Sä wässi śchehenes gäkki jahasab ekki, pigga (вода въ рѣкѣ течетъ быстро).

Sä kūh sührampa eb üchs tähä un pememp (peenemp?) eb peiwitt (луна больше нежели звѣзда и меньше нежели солнце).

Ägli ächtigun wähäma satais (вчера вечеромъ шелъ дождь).

Tennomisti ne̮jjen ühe warruwihksni (сегодня утромъ видѣлъ [я] одну радугу).

Üsele pimmü un pe̮iwel walki (ночью темно, а днемъ свѣтло).

2) Римл. XIII, 1. Īkkūmpa kūlaka senn pāsauli wallekulamin, jo kuükke wallekulamin jumallassa, un kūs wallekulamin, üchsa jumallassa näsatt. (Каждый да повинуется свѣтской власти, ибо

всякая власть отъ Бога, и гдѣ власть, — только отъ Бога поставлена).

Переводы при письмѣ пастора Лутцау *отъ 8-го іюля 1815* (срав. выше XIII).

1. Отче нашъ. Meģģi ise taiwâs! jadku elka śiwu śenna! tulap meģģi tiwi śiwu kiķķi! Śiwu meele se iggau ka kui taiwâs ni kas ma bēli! Meģģi arma leipe anna meli tennawa. Ģedde meggi padudd, kui me jattim umili nisi ween jad! Elas meite kurja sad. Śewon wodse kurģe miusse erre. Jo siula kalpap śiwu kiķķi śiwu appi un śiwu üwiwi śewonśe śewonśe. Amen!

2. Притча о блудномъ сынѣ. Лук. гл. 15, ст. 11 слдд. Ühen rüstûl kachd poika. — 12. Śe norampa neiśe üttelle isa pehli: iśe! anna miula miu ueśsa miu rikkausas, mi miula tulap, tam neliante emmas rikkausas. — 13. Eb kauga perre sid aika panisse norampa ķiķķe üchti paika, un menni kaugaśi territi kûģģe ûma üwisi ebbüwi elletes. — 14. Kui śemm gaischutant ûma ümisi, tuli śule kallaus, selli putuis. — 15. Śihś mennitem un aggatais śe niśi ümma üsentäti, tam lähiti temmä emma nurmu pehli śikkuja kaizama. — 16. Temm tachtuli ümma wazza tautä purmuiaka, mitte śiggas tscheit, bet ne üśse bantand ne śenn te. — 17. Śisstem mellete ûmmasa meelesi, un üttele: mitu menneja miu iśa, ķelle leipe tebwes schuiķe, un miul leep nelke kolamma. — 18. Mie stellaun ümma ise tiwi, un tahun (....?) temmä pehli: Ise! mi ellan patutt wassa taiwasa un waśsa śinnu.— 19. Un nella muģģu ku ellin, kui mie kuzzun śiwu poika, tegge si miulla, millesi śiusa paiwa poissi. — 20. Un temm naiśi un menni ümma ise tiwi. Täm lähus kauga śonn näki temme isè, temm telli śalutti senn kauta, un jochśa aggatais ümpe kagla temmä, anti śuhte. — 21. Śe poika ütteli temma pehli: Ise! miella patutt pelleten waśsa taiwas un waśsa śinnu, nn nella muggu ku ellin, kui mie kuzzun śiwu poika.—22. Bet se ise üttili ûmmeja poiśse pehli: Tohka kiķķe armemad śewad, un ächti tem, un antaga teli śermus

kehti un umschkenged gialka.—23. Un tohka üwe waśika un tappa gase, lassaga meite schüeme un lustiga ellata. — 24. Jo śe śiwu poika elli kuolt, tas temm on ellewe, tam elli kawant, un tas on śawatta. Un ned algad lustiga ellata.—25. Bet śe wanampa poika elli nurmas, lähi tüli küattiwi, kuli temm śenn laulam misi senn karklam misi. — 26. Un kuzzi ühi ümmise poiśsise un temm küischi, kenn śe on. — 27. Un temm ütteli: Śiwu welgi tuli, un siwu iśe üwe wasaka tappa, kui temm terwi kottuśi śai. — 28. Śihs temm śai inni, ün ned tahub mennä. Temma ise menne welga, un palwub sittä schämi. — 29. Śihs temm melletei un üttele iśa pehli: Wah, ni kauga aigassu mie śinnu kuhltahn, u nella jättänd tagga argant siwu, un śenn śie miula edalla kasa poika antand, kui mie ümmiaka üwe ellai śinn. — 30. Kui nu śe siwu poika, kui śiwu ellamin portuiaka nielent tuli, sis elli temm ümmetawa wasika temme pehli. — 31. Un temm ütteli temme śenn pehli: Miu poika, śie gallad miu tiwi, un kikki, kenn miul on, śe on kas śiwu. — 32. Bet śiwula gelli nagramisika ümma üwi melika, śiu welgi elli kuolt, un śai ellewe, tam elli kawant, un tam on śatu.

Эти тексты уже были напечатаны, по сообщенію пастора П. Бергмана, В. Дитмаромъ, сперва въ 1816 году, при статьѣ его, помѣщенной въ періодическомъ изданіи Рюза и Шпикера, а потомъ вторично въ 1817 году, при его «возраженіи» (см. выше примѣч. 7 и 21), по тому случаю что въ журналѣ Рюза и Шпикера они были напечатаны крайне неправильно.

Въ 1846 году академикъ Шёгренъ собралъ у Кревиновъ, кромѣ нѣкотораго числа отдѣльныхъ словъ, еще слѣдующія фразы: Juo palava (пей водку). — Mie näjen metsa (я вижу лѣсъ). — Kus sie menet (куда ты идешь). — Minnel eb ol üvä (мнѣ не хорошо (не здоровится).—Anna minnel vetta (дай мнѣ воды).— Mene kündämä (иди пахать). — Vota adra (возьми плугъ). — Mie pöisin raha (я нашелъ деньги). — Pane laudah (положи на столъ). — Kübar on laudā (шапка есть на столѣ). — Koira magā ala lauda (собака лежитъ подъ столомъ).—Mie taon šüjä (я хочу ѣсть). — Voi šiul mit šüjä (есть ли у тебя что поѣсть).

Если къ этимъ образчикамъ присоединимъ еще нѣсколько сборниковъ словъ, какъ-то Апельбаума, Лутцау (самый значительный изъ всѣхъ, содержащій около 360 словъ), Гильденштуббе, Шёгрена (см. выше V, XII, XVI, XVII), то вотъ и весь запасъ матеріаловъ, изъ которыхъ приходится составлять себѣ понятіе о Кревинскомъ языкѣ, ибо о томъ, что я самъ успѣлъ еще добыть въ свою поѣздку 1870 года, какъ мною было уже замѣчено, не стоитъ и говорить. Вся моя добыча ограничивается двумя, Богъ знаетъ какимъ образомъ еще уцѣлѣвшими, фразами: «suzi nessi lampe» (волкъ унесъ овцу) и «a jumala, jumala! ōman megge nätälpe, kiumu kiutu oktu mättu, in koter keserme» (ахъ, сестрица, сестрица, завтра воскресеніе, столы и лавки не вымыты и домъ не выметенъ). Смысла второй изъ этихъ фразъ очевидно не понималъ уже и самъ сообщавшій ее: это доказывается началомъ перевода. Для меня понятна только первая ея половина (ахъ, Боже, Боже! завтра у насъ воскресеніе); остальное такъ искажено, что я не берусь добраться въ немъ толку; «mettu» и «in» слова, по-видимому, латышскія.

Преимущественно важны и интересны, конечно, двѣ старѣйшія записи, 1774 и 1815 года. Хотя записывавшіе, не будучи знакомы ни съ однимъ финскимъ языкомъ, не въ состояніи были съ точностью уловить чуждые имъ звуки и иное въ нихъ слышали и передали невѣрно, — въ чемъ легко убѣдиться изъ шаткости и неодинаковости правописанія въ записи однихъ и тѣхъ же формъ и окончаній, нерѣдко однихъ и тѣхъ же словъ, — все таки эти лица были ближе къ живому языку и слышали его отъ людей, еще дѣйствительно его разумѣвшихъ и говорившихъ на немъ. Къ тому же указанные недостатки можно до извѣстной степени устранить посредствомъ тщательнаго сравненія кревинскихъ словъ между собою и съ соотвѣтствующими словами въ родственныхъ языкахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Шёгрену, такому знатоку финскихъ языковъ, довелось въ то время посѣтить Кревиновъ и изслѣдовать ихъ языкъ, наблюденія его дали бы совершенно иной результатъ, и теперь не было бы надобности въ мо-

емъ трудѣ, который, при всей моей доброй волѣ, не можетъ не быть крайне недостаточнымъ; но ко времени его путешествія кревинскій языкъ былъ уже почти совершенно забытъ Изъ отчета его видно, — и теперешній пасторъ Лутцау, сопровождавшій его въ этой поѣздкѣ, лично подтвердилъ мнѣ, — что онъ не всегда могъ добывать отъ своего старика Кревина Миккеля Саузайса желаемыя свѣдѣнія посредствомъ перевода предлагаемыхъ латышскихъ словъ или фразъ; но очень часто бывалъ принужденъ подбирать слова и реченія изъ добытаго уже прежде скуднаго запаса, и только предлагать ихъ ему на повѣрку и утвержденіе. Какъ мало можно полагаться на познаваемое такимъ путемъ, извѣстно каждому, кому случалось заниматься этого рода изслѣдованіями. Старикъ Миккель уже вовсе не зналъ настоящихъ грамматическихъ окончаній словъ, и, на-примѣръ, вмѣсто опредѣленныхъ личныхъ окончаній въ глаголѣ употреблялъ просто неокончательное наклоненіе. Онъ не въ состояніи былъ даже понять небольшую привѣтственную фразу, которую Шёгренъ сложилъ съ помощью составленнаго имъ въ Митавѣ сборника словъ и ливскаго языка. Поэтому я думаю, что собранныя Шёгреномъ слова имѣютъ, конечно, свою цѣну и могутъ служить частью къ подтвержденію того, что мы уже имѣемъ въ прежнихъ сборникахъ, частью же и къ пополненію ихъ новымъ матеріяломъ; но изъ сообщаемыхъ имъ фразъ весьма мало можно извлечь пользы для грамматики, и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ расходятся съ имѣющимися прежними образчиками кревинскаго языка, слѣдуетъ отдавать предпочтеніе этимъ послѣднимъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ кажется, что встрѣчающаяся въ Шёгреновомъ собраніи ливская форма minnel (мнѣ), вмѣсто формы miula или miul, которую мы много разъ и неизмѣнно въ этомъ видѣ находимъ во всѣхъ безъ исключенія прежнихъ сборникахъ, не заслуживаетъ никакого довѣрія.

Представляю вкратцѣ результаты, къ которымъ приводитъ тщательный анализъ наличнаго матеріяла кревинскаго языка.

Что касается фонетики языка, то изъ сказаннаго выше

видно, что изъ имѣющихся образчиковъ крайне трудно сдѣлать по этому предмету вполнѣ опредѣленные выводы; мнѣ кажется однако, что можно съ достаточною достовѣрностью установить двѣ характеристическія черты, именно: законъ соотвѣтствія (гармоніи) гласныхъ и нѣсколько болѣе твердое, чѣмъ у Эстовъ и Ливовъ, произношеніе среднихъ согласныхъ (b, d, g), которое свойственно также языку финскому. Внутреннее h существовало въ кревинскомъ языкѣ и выражается по бо̀льшей части чрезъ ch; но начальнаго h въ немъ, кажется, не было; по крайней мѣрѣ оно въ тѣхъ словахъ, которыя въ прочихъ родственныхъ языкахъ начинаются этою буквою, вездѣ откинуто, даже у Шёгрена, который конечно не могъ бы не подмѣтить этого звука, еслибъ онъ существовалъ въ произношеніи. Ревельско-эстскія долгія гласныя ē, ō, ȫ въ дерптско-эстскомъ говорѣ, когда приходится на нихъ удареніе, принимаютъ закрытый звукъ, приближаясь нѣсколько къ ī, ū, ǖ. Въ Финскомъ языкѣ они разбиваются на двугласныя (ie, uo, yö или üö); то же, кажется, было и въ кревинскомъ. Совершенно чуждые Эстамъ въ собственномъ ихъ языкѣ и съ трудомъ ими выговариваемые въ чужихъ языкахъ звуки š и ž въ кревинскомъ существуютъ, равно какъ въ ливскомъ и въ нѣкоторыхъ финскихъ нарѣчіяхъ. Ни въ эстскомъ, ни въ ливскомъ языкѣ не встрѣчаемъ мы ss вмѣсто st, какъ въ кревинскихъ словахъ wassa (противъ), issuis (онъ сѣлъ) и т. п., вмѣсто эстскихъ wasta, istus. Ослаблялось ли такимъ образомъ st въ ss также въ флексіи и въ словопроизводствѣ, какъ въ карельскомъ языкѣ, объ этомъ, къ сожалѣнію, по скудости наличныхъ образчиковъ языка нельзя дать положительнаго заключенія. Сообразно этому правилу ослабленія звука, и въ окончаніи исходительнаго падежа (Elativ) находимъ въ кревинскомъ языкѣ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ финскихъ нарѣчіяхъ, ss(s) вмѣсто эстскаго и ливскаго st; напр. miussa (отъ меня), neise (отъ нихъ). Можно указать еще на двѣ звуковыя особенности, которыя хотя являются въ небольшомъ числѣ примѣровъ, — конечно по причинѣ крайне ограниченнаго объема наличнаго матеріяла, — тѣмъ не

менѣе однако весьма характеристичны, именно: 1) что ревельско-эстское и финское ks, дерптско-эстское ts, въ кревинскомъ языкѣ замѣняется сочетаніемъ chs, то есть hs, въ словахъ üchs (одинъ), kachs (два), по-эстски üks, kaks и üt́s, kat́s, по-фински yksi, kaksi; и такимъ же образомъ въ lachs (дитя, въ этскомъ laps, lat́s, въ финскомъ lapsi), uchs (дверь, въ эстскомъ uks, uśś); 2) вмѣсто взаимно замѣнющихся въ этскомъ и финскомъ языкахъ h и d въ кревинскомъ, равно какъ и въ вотскомъ, находимъ s; напримѣръ, osrad (ячмень), вмѣсто эстскаго odrad или ohrad и финскаго otrat или ohrat; въ вотскомъ õzrat.

Относительно словообразованія, наличные образцы языка подаютъ поводъ къ двумъ только замѣткамъ. Весьма часто встрѣчается въ нихъ уменьшительное окончаніе iń, вѣроятно латышскаго происхожденія (iń̌š, iń̌a), приставляемое не только къ словамъ, заимствованнымъ изъ латышскаго языка, но и къ словамъ чисто финскимъ; но рядомъ съ этою формою встрѣчаются также и дѣйствительно финскія уменьшительныя, именно wödken (ягненокъ, срав. эст. wõnakene) и kippit (ведро), lühid, lühüd (короткій), peiwitt, peiwud (солнце, часто употребляющееся какъ уменьшительное и въ эстскомъ языкѣ, päikene), съ уменьшительнымъ окончаніемъ, не существующимъ въ эстскомъ, но употребительнымъ еще въ финскомъ языкѣ. Имена, образуемыя посредствомъ окончаній ne, mine, line почти никогда не встрѣчаются въ этой полной формѣ, какъ äsemine (первый), а обыкновенно отбрасываютъ конечный e, напр. jennen (заяцъ), kärpin (муха) и др.

Построенная на имѣющихся у насъ образцахъ система грамматическихъ формъ должна по необходимости быть крайне отрывочною и неполною. Впрочемъ, если она будетъ и недостаточна для того, чтобы возсоздать полный образъ языка, то все-таки дастъ, пожалуй, возможность, при помощи словаря, опредѣлить отношеніе кревинскаго языка къ прочимъ родственнымъ ему языкамъ.

При разсмотрѣніи склоненія именъ прежде всего весьма интереснымъ явленіемъ представляется преобладаніе полной формы

именительнаго падежа въ такихъ словахъ, въ которыхъ онъ въ эстскомъ языкѣ, и отчасти также въ ливскомъ, утратилъ конечную гласную. Конечно и въ кревинскомъ языкѣ, равно какъ въ финскихъ нарѣчіяхъ, встрѣчается много словъ съ такимъ усѣченнымъ окончаніемъ; это однако не можетъ служить препятствіемъ къ признанію полнѣйшей формы за первоначальную и настоящую; ибо нерѣдко случается, что въ живой рѣчи слова усѣкаются, но крайне трудно предположить, чтобы живая рѣчь произвольно наращала ихъ конечною гласною. Для примѣра приведемъ jumala (богъ), kulta (золото), rauta (желѣзо): въ финскомъ языкѣ совершенно такъ же, въ эстскомъ jumal, kuld, raud. Трехсложныя эстскія именительныя на kas въ кревинскомъ употребляются безъ конечнаго s, какъ и въ финскомъ; lusika (ложка), wasika (теленокъ).

Родительный падежъ единственнаго числа оканчивается, какъ въ эстскомъ и вотскомъ, простою гласною безъ финскаго конечнаго n; не замѣнялся ли этотъ n придыханіемъ, по наличнымъ образцамъ, разумѣется, судить нельзя. Равнымъ образомъ нельзя по нимъ съ точностью опредѣлить переходъ буквы между родительнымъ и именительнымъ; видно только, что въ кревинскомъ языкѣ измѣненіе буквъ соблюдалось строже, чѣмъ въ сѣверночудскомъ, но менѣе, быть можетъ, чѣмъ въ эстскомъ или даже въ финскомъ.

Родительный падежъ множественнаго числа, насколько можно судить по немногимъ примѣрамъ, въ первомъ склоненіи не имѣетъ падежнаго суфикса; онъ одинаковъ съ неопредѣленнымъ множественнаго, какъ въ дерптско-эстскомъ нарѣчіи; равнымъ образомъ и въ вотскомъ эти два падежа различаются между собою, когда неопредѣленный не принимаетъ внутренняго t, одною лишь конечною гласною и конечнымъ придыханіемъ родительнаго.

Неопредѣленный падежъ, который означаетъ неопредѣленный предметъ и, кромѣ того, управляется предлогами, а также и количественными выраженіями, въ послѣднемъ случаѣ въ единственномъ числѣ, когда не принимаетъ въ окончаніи t (d), то въ

единственномъ числѣ ничѣмъ не отличается отъ именительнаго; такъ peiwe (день), jalga (нога), sörme (палецъ) и др.; само собою разумѣется, что это относится только къ тѣмъ случаямъ, когда именительный имѣетъ полную форму, оканчивающуюся на гласную. Прочія слова въ неопредѣленномъ падежѣ постоянно оканчиваются на t (d) со слѣдующею за нимъ гласною, рѣдко безъ нея, напр. suhte (ротъ, именит. suh), wetta (вода, именит. wässi), puhda, pūt (дерево, именит. pū). Если передъ t стоитъ s, то происходитъ ассимиляція, о которой уже говорено выше, въ замѣткахъ о звуковой системѣ; такъ напр. taiwasa вмѣсто taiwasta (небо, именит. taiwas). Неопредѣленный падежъ множественнаго числа оканчивается на ia (ja), напр. silmija (глаза, именит. sillme), olgia (солома, именит. множ. oelgad).

Между нашими примѣрами вступительнаго падежа (Illativ) нѣтъ ни одного такого, который былъ бы образованъ посредствомъ суфикса изъ родительнаго падежа, но всѣ одинаковы съ неопредѣленнымъ. Отличался ли онъ отъ послѣдняго, какъ въ верро-эстскомъ нарѣчіи, посредствомъ фирмаціи или болѣе твердаго произношенія, разумѣется, при столь недостаточномъ правописаніи рѣшить невозможно.

Мѣстный падежъ (Inessiv) въ нашихъ примѣрахъ кончается по бо́льшей части на s; но по аналогіи другихъ падежей можно принимать первоначальное окончаніе sa (sä), такъ какъ въ собранныхъ образцахъ языка встрѣчаются два примѣра этой полнѣйшей формы.

Для обозрѣнія въ нашихъ матеріялахъ суфиксныхъ падежей и склоненія вообще, представляется нѣсколько образцовъ склоненія, написанныхъ по болѣе простой, фонетической системѣ. При этомъ не встрѣчающіеся въ матеріялахъ падежи избранныхъ словъ пополнены по аналогіи другихъ словъ; слова, поставленныя въ прямыхъ скобкахъ [ ] суть только предположенія, а въ круглыхъ ( ) поправки дѣйствительно встрѣчаемыхъ формъ.

	Единственное число.					
Nom.	silmä (sillme глазъ)	andä (ennte хвостъ)	siga (свинья)	mā (земля)	taiwas (небо)	käzi (рука) (keijel)
Genit.	silmä	ännä	siga	mā	taiwa	käje (аналогически Adess)
Inf.	silmä	ändä	[sika]	māda	taiwassa	kättä
Elat.	silmässä	ännässä	sigassa	māssa	taiwassa	käjessä
Iness.	silmäs [silmäsä]	ännäs [ännäsä]	sigas [sigasa]	mās [māsa]	taiwas [taiwasa]	käjes [käjesä]
Illat.	silmä	äntä	[sika, sikka]	māha (maha)	[taiwase]	kätte (kette)
Adess.	silmäl silmälä	ännäl ännälä	sigal sigala	māl mā a	taiwal taiwala	käjel (keijel) [käjelä]
Allat.	[silmäle]	[ännäle]	[sigale]	[māle]	[taiwale]	[käjele]
Instr.	silmäka	ännäka (enneka)	sigaka	māka	taiwaka	käjeka
	Множественное число.					
Nom.	silmät	ännät	sigat	māt	taiwat	käjet
Genit.	silmiä	ändiä	sikoja	[maie]	[taiwaje]	[kätte]
Inf.	silmiä	ändiä	sikoja	[maida]	[taiwaida]	[käzi]
Elat.	silmissä	ännissä	sigoista	[maissa]	[taiwaissa]	[käzissä]
Iness.	silmis silmisä	ännis ännisä	sigois sigoisa	[mais] [maisa]	[taiwais] [taiwaisa]	[käzis] [käzisä]
Illat.	[silmise]	[annise]	[sigoise]	[maise]	[taiwaise]	[käzise]
Adess.	silmil silmilä	ännil annilä	sigoil sigoila	[mail] [maila]	[taiwail] [taiwaila]	[käzli] [käzilä]
Allat.	[silmile]	[ännile]	[sigoile]	[maile]	[taiwaile]	[käzile]
Instr.	silmiäka	ändiäka	sikojaka	[maieka]	[taiwajeka]	[kätteka]

Сравнительная степень кончается на mpa; напримѣръ wanampa (старше), иногда въ усѣченной формѣ, weggewamb (сильнѣе). Для превосходной степени нѣтъ формы, какая существуетъ въ финскомъ литературномъ языкѣ, а вмѣсто нея употребляется, такъ же какъ въ эстскомъ и финскомъ нарѣчіяхъ, та же сравнительная степень съ приставкою впереди слова «все», напр. kikke armemad śewad (всекрасивѣйшія платья), въ вотскомъ kõikkiā' ilozapat sõwat.

Числительныя имена:

1. üchs, ühesse, ühese, uxe
2. kachs, kachsche, kaxe.
3. kölm, kälme.
4. nelg, neldi, neĺg, nelje.
5. wīs, wihs, vīs, wīsse.
6. kūs, kuhs, kusse.
7. seĵtz, śeize, seitsi, seitze.
8. kahassa, kāsa, kahhaxa.
9. hühessa, ühassa, üesä, ühexa.
10. kümmi, kümmeh, kümme.
11. üchsteischkümm, uesteistum, üchsteistkümm, üxteiskumme.
20. kachskümment, kachskümmen, kachskümmend.
21. kachskümment üchs.
30. kölmkümment, kamkümment, kolmkümmend.
31. kölmkümment üchs.
40 nellkümment.
100. sahtta, śata.
101. śata ühese.
1000. tohhat, tuhhat.

Изъ числительныхъ порядочныхъ находимъ въ записяхъ только четыре первыя, именно äsemine, taina, kölmas, nelges; всѣ въ записи Аппельбаума.

Изъ мѣстоименій, въ довольно полномъ числѣ формъ представляется мѣстоименіе личное, и если недостающіе падежи въ одномъ лицѣ возстановить путемъ аналогіи по имѣющимся падежамъ дру-

гаго лица, то пожалуй составится почти полное склоненіе. Въ нашихъ матеріялахъ встрѣчаются слѣдующія формы:

Единственное число.

Nom.	mie (я)	sie (ты)	temma, tem, tam temm (онъ)
Gen.	miu	siu, śiwu	temma, temmä
Inf.	—	sinnu	tätta
Elat.	miusse	siusa	—
Adess.	miula	—	tel
	miulla, miul		
Allat.	—	siula, siwula	teli

Множественное число.

Nom.	mäd, möd, müet, me (мы)	süet (вы)	ned, nätt, newe, nede (они)
Gen.	meģģi	teģģi	nemiu (?)
Inf.	meite	—	—
Elat.	—	—	neiśe
Adess.	—	—	—
Allat.	meli	—	neli

Мѣсто притяжательнаго мѣстоименія заступаетъ родительный падежъ личнаго; а при обратномъ отношеніи употребляется для всѣхъ трехъ лицъ безъ разбору ütma, ümma, emma (свой). Указательное мѣстоименіе, которое употребляется также какъ членъ передъ существительнымъ, есть se, sä (этотъ), родит. senn, неопред. sid, sittä, притяжат. sälla, приблизит. (Allativ) selli; во множественномъ одинаково съ третьимъ лицомъ мѣстоименія личнаго. Относительныя и вопросительныя: kenn, ķenn (который, кто, что), притяжат. ķelle, и исключительно для неодушевленныхъ предметовъ неопред. пад. mid, mīt, mitte (что). Неопредѣленныя мѣстоименія: ikkūmra (каждый), притяжат. ikkumal; kuükki, kuükke, kiakki, kiķķi (всѣ), родит. kügge, kiķķe; mitu (сколько); milesi (винит. какой).

Что касается глагола, то нѣкоторыхъ формъ его представляется въ нашихъ матеріялахъ множество примѣровъ, другихъ напротивъ очень мало, иныхъ даже вовсе нѣтъ, такъ что составить полное спряженіе, подтвердивъ всѣ его части примѣрами, было бы совершенно невозможно. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что разныя лица, записями которыхъ мы должны пользоваться, слѣдовали не одинаковому правописанію и весьма часто очевидно невѣрно схватывали и передавали звуки. Равнымъ образомъ невозможно подвести глаголы подъ разныя формы спряженія безъ помощи разныхъ произвольныхъ измѣненій, основанныхъ на аналогіи родственныхъ языковъ, — чего мы не можемъ себѣ позволить въ настоящей статьѣ, которая должна основываться исключительно на дошедшихъ до насъ памятникахъ языка.

Вспомогательный глаголъ «быть» занесенъ въ записи съ весьма различнымъ правописаніемъ, — съ буквою e, a или ö въ первомъ слогѣ; послѣднее правописаніе есть, безъ сомнѣнія, единственно вѣрное. Когда при e въ первомъ слогѣ во второмъ слогѣ стоитъ a вмѣсто e, тогда глаголъ ölema (быть) совпадаетъ съ глаголомъ elama (жить), что едва ли могло быть въ дѣйствительности. Употреблялся ли также въ видѣ вспомогательнаго глагола встрѣчающійся въ записяхъ одинъ только разъ въ третьемъ лицѣ настоящаго времени глаголъ leep, соотвѣтствующій нѣмецкому werden, по этому одному примѣру судить нельзя.

Вообще глаголовъ въ разныхъ ихъ формахъ встрѣчается достаточно для того, чтобы можно было составить себѣ довольно полное понятіе о способѣ спряженія. Представлю здѣсь для обозрѣнія всѣ встрѣчающіяся въ записяхъ части вспомогательнаго глагола «быть» и нѣсколько примѣровъ другихъ глаголовъ.

Настоящее время.

Единст. ч. 1. — n, elan, ellan (живу, есмь), annan (даю), john (пью), menen, män (иду), sän (получаю, дохожу), seison (стою), šüön, schüen (ѣмъ).

Единст. ч. 2. — t (d), allad (еси), menet (идешь).
3. — b (p), on, onn (есть), annab (даетъ), leep (становится, нѣмецкое wird), mähnab (идетъ), ścheeb (ѣстъ), tahub (хочетъ).

Множ. ч. 1. — me (m), jattim (оставляемъ), neijam (видимъ), paetam (говоримъ), schüeme [?] (ѣдимъ).
2. — te [?].
3 — wod (wad?, d, t), ōhmatt (суть), algad (начинаютъ), kaswowod (растутъ).

Прошедшее.

Единст. ч. 1. — in, — sin, ellin (былъ), laschkin (оставилъ), neijin (видѣлъ), sain (получилъ), koissussin (выздоровѣлъ), löisin (нашелъ).
2. — it, — sit [?].
3. — i (e) — is, elli, öl (былъ), anti, ante (далъ) menni, menne (шелъ), naisi (всталъ), nāk (видѣлъ), sai (получилъ), issuis (сѣлъ), putuis (недоставало), satais (шелъ дождь).

Множ. ч. 1. — ime, — sime [?].
2. — ite, — site [?].
3. — it, (— sit?), scheit (ѣли).

Условное наклоненіе.

Единст. ч. 1. — isin, ellaisin (я жилъ бы); примѣровъ другихъ лицъ въ нашихъ матеріялахъ не встрѣчается; но они, безъ сомнѣнія, образовались какъ и въ родственныхъ языкахъ, по образцу прошедшаго времени.

Повелительное наклоненіе.

Единст. ч. 2. ölla (будь), mene (иди), tegge, tegge (дѣлай), tule (приди).

Единст. ч. 3. elka (да будетъ), kūlaka (да повинуется).
Множ. ч. 2. antaga (дайте), tappaga (зарѣжьте), tahka (принесите).

Существительныя.

1. aiamen (гнаніе), ellamin (житье, имѣнье), kildumin (кричаніе), lüamen (битье) śalwamin (глоданіе); окончаніе — min (mine) безъ сомнѣнія есть дѣйствительно правильное.
2. Вступит. (Jllativ.) kaizama (пасти), kolamma (умирать), kündāmā (пахать), schämi, schüeme (?) (ѣсть).
3. Неопредѣлен. (Jnfinitiv.) ellata (жить), mennä (идти), šüjä (ѣсть).
4. Мѣстный (Jnessiv., герундій) elletes (живучи), можетъ статься также jochsa (бѣжа).

Прилагательныя.

Причастіе настоящ. дѣйств. menneja (вѣроятно отъ menen (идущій), въ реченіи mitu menneja, (сколько работниковъ).
» прошед. дѣйств. antand (давшій), — jättänd (оставившій), — kuolt (умершій), — nielent (поглотившій), — schünnent (родившій).
» настоящ. страдат. ümmettawa (откармливаемый).
» прошед. страдат. śatu (полученный) lüetüh, luetäh (битый); быть можетъ также не совсѣмъ ясныя näsatt (несенный?) отъ латышскаго nest (см. запись 1774 г., въ концѣ), и śawata (найденный, см. запись 1810 г. притча V. 24).

Отрицательнаго спряженія находимъ примѣры только единственнаго числа настоящаго времени, 1) nella (то есть en ella, не есмь), 2) ed alla (не еси), 3) eb ol, eb bölla (вм. eb ölla, не есть), eb kōl (не умираетъ), eb kuhl (не слышитъ), eb tahu (не хочетъ), eb woi (не можетъ) и одно повелительное e las (не оставь). Этого немногаго достаточно впрочемъ для того, чтобы установить

весьма важный фактъ, что Кревины различали еще въ отрицаніи три лица, между тѣмъ какъ Эсты давно уже утратили это различіе, и что для повелительнаго наклоненія было у нихъ, какъ и въ прочихъ родственныхъ языкахъ, свое особое отрицаніе. Было ли оно для трехъ лицъ множественнаго одинаково съ соотвѣтствующими лицами единственнаго числа, какъ въ ливскомъ языкѣ, или же имѣло для множественнаго числа особыя формы, какъ въ финскомъ, а также различалось ли отрицаніе для прошедшаго времени отъ отрицанія для настоящаго, какъ у Дерптскихъ Эстовъ и у Ливовъ, теперь, къ сожалѣнію, раскрыть уже невозможно.

Относительно синтаксиса можно замѣтить только вообще, что идіотизмы ближайшихъ родственныхъ языковъ еще сохранялись въ кревинскомъ языкѣ, не смотря на то, что образцы, по которымъ мы должны судить о немъ, записаны въ такое время, когда языкъ этотъ былъ, такъ сказать, въ полномъ разложеніи. Такъ находимъ мы въ немъ еще различіе между двумя глагольными существительными, соотвѣтствующими нашему неокончательному наклоненію, употребленіе неопредѣленнаго падежа послѣ количественныхъ выраженій, построеніе количественныхъ числительныхъ съ единственнымъ числомъ, возвратное притяжательное мѣстоименіе, и пр.—Характеристична замѣна глагола «имѣть» глаголомъ «быть». Рядомъ съ притяжательнымъ падежомъ, который одинъ употребляется у Эстовъ и по настоящему вполнѣ выражаетъ мысль, напр. ikkummal kejjel ohmatt wihs sörme (у каждой руки суть пять пальцевъ, каждая рука имѣетъ пять пальцевъ), въ кревинскомъ находимъ еще финскую конструкцію, родительный падежъ въ притяжательномъ значеніи, miu ōhmatt kachs jalga (меня, то есть мои, суть двѣ ноги). — Членъ передъ существительнымъ именемъ, который языки финскій и эстскій только въ послѣднее время начали опять отбрасывать, употребляли ли Кревины и въ разговорѣ между собою, перенявъ его отъ Латышей? или же онъ вошелъ въ записи отъ того только, что спрашиваемые Кревины усиливались переводить буквально и сполна каждое слово предлагаемыхъ имъ латышскихъ фразъ? — объ этомъ

теперь, когда кревинскій языкъ въ живой рѣчи вовсе не существуетъ, судить невозможно.

Если обратимся къ разсмотрѣнію полученнаго, весьма блѣднаго, правда, очерка кревинскаго языка съ тѣмъ, чтобы отыскать, не найдется ли въ немъ какихъ либо доказательствъ въ пользу тождества Кревиновъ съ Кривичами, Ливами или Эстами, чего историческими свидѣтельствами, какъ было показано выше, доказать невозможно, — то придется, на первыхъ же порахъ и не пускаясь въ дальнѣйшія разысканія, отказаться отъ Кривичей. Еслибъ въ наше время кто нибудь еще и сомнѣвался въ славянствѣ Кривичей, еслибъ даже,—какъ оно ни невѣроятно,—открылись положительныя доказательства принадлежности ихъ къ финскому племени, то и тутъ осталось бы въ полной силѣ возраженіе, что о ихъ языкѣ мы знаемъ еще менѣе, чѣмъ о кревинскомъ, то есть ровно ничего; а слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о сравненіи этихъ двухъ языковъ и о достиженіи какихъ нибудь результатовъ этимъ путемъ. Совсѣмъ иное дѣло Ливы и Эсты, къ которымъ также многіе писатели пытались отнести Кревиновъ. Тутъ съ перваго же взгляда находимъ мы такія значительныя сходственныя черты, въ виду которыхъ невозможно сомнѣваться въ дѣйствительномъ родствѣ этихъ народовъ; но при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи обнаруживаются и такія между ними различія, которыя внушаютъ сильное сомнѣніе въ ихъ тождествѣ. Поэтому необходимо требуется строго опредѣлить истинную степень важности тѣхъ и другихъ и установить начала, которыми слѣдуетъ руководствоваться при обсужденіи ихъ.

Что языкъ Кревиновъ принадлежалъ къ западной групѣ финскаго семейства языковъ, это не подлежитъ сомнѣнію; и весьма естественно, что во многихъ отдѣльныхъ словахъ и формахъ рѣчи онъ долженъ представлять разительное сходство съ другими языками названной групы. Изъ этого уже прямо видно, что этому сходству слѣдуетъ придавать меньшую важность, чѣмъ различіямъ. Тѣ черты и свойства кревинскаго языка, которыя общи ему съ языками ливскимъ и эстскимъ, могли бы имѣть рѣшительное зна-

ченіе только въ томъ случаѣ, еслибъ кревинскій языкъ въ этихъ же именно отношеніяхъ разнился отъ другихъ наиболѣе родственныхъ ему языковъ; въ противномъ случаѣ онѣ указываютъ только вообще на принадлежность его къ названной группѣ. Равнымъ образомъ различіе въ нѣкоторыхъ словахъ и формахъ само по себѣ не можетъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы отдѣлить Кревиновъ отъ Ливовъ и Эстовъ. Не всѣ Эсты говорятъ совершенно одинаково, даже не всѣ Ливы, хотя число послѣднихъ не простирается даже до 3,000 душъ. Спрашивается только: отступленія кревинскаго языка отъ ливскаго и эстскаго превышаютъ ли размѣръ тѣхъ различій, которыя въ наше время встрѣчаются въ языкѣ ливскомъ или эстскомъ и составляютъ только діалектическія различія? Имѣется ли достаточное основаніе къ тому, чтобы признать, что эти уклоненія вошли въ языкъ уже послѣ того, какъ Кревины были разлучены со своими предполагаемыми сродниками, и произошло именно вслѣдствіе ихъ уединеннаго положенія или вслѣдствіе вліянія чужихъ языковъ, на самихъ ли Кревиновъ, или же на Эстовъ или Ливовъ? Тѣ особенности, которыми кревинскій языкъ отличается отъ эстскаго или ливскаго, не составляютъ ли общее достояніе его съ которымъ либо изъ прочихъ языковъ финскаго корня? Если на второй изъ этихъ вопросъ придется отвѣчать отрицательно, а на первый, и въ особенности на послѣдній, утвердительно, то мы въ правѣ будемъ заключить, что кревинскій языкъ не слѣдуетъ считать за одинъ и тотъ же языкъ ни съ эстскимъ, ни съ ливскимъ а скорѣе развѣ съ тѣмъ финскимъ языкомъ, съ которымъ онъ представляетъ наиболѣе близкое сходство.

Относительно сходства, должно замѣтить, что между всѣми дошедшими до насъ словами кревинскаго языка [35]) встрѣчается одно только такое слово, которое находится также и въ эстскомъ

---

[35]) Сведя въ одно собраніе всѣ упомянутые выше сборники словъ и пополнивъ его словами изъ записанныхъ фразъ и реченій, мы получили словарь, содержащій нѣсколько болѣе 500 статей, между которыми, разумѣется, насчитается не малое количество словъ латышскихъ.

словарѣ, но котораго я не могъ отыскать въ другихъ Финскихъ языкахъ: это слово sannik, sanniku (болото). Я внесъ его въ свой эстскій лексиконъ изъ одного стараго словаря; но отмѣтилъ его, въ числѣ многихъ другихъ, крестомъ, какъ слово не вполнѣ достовѣрное, потому что не смотря на многіе и долгіе поиски я нигдѣ не встрѣчалъ его въ живомъ языкѣ и не знаю ни одного слова ему родственнаго. Затѣмъ всѣ остальныя кревинскія слова, за исключеніемъ словъ заимствованныхъ, латышскихъ, и еще нѣкоторыхъ такихъ, которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ также ни въ ливскомъ, ни въ эстскомъ, общи кревинскому языку съ языкомъ Финскимъ точно также, какъ съ этскимъ и ливскимъ, и слѣдовательно никакъ не свидѣтельствуютъ въ пользу преимущественнаго сродства кревинскаго языка съ однимъ изъ двухъ послѣднихъ. Для того, чтобы наглядно показать взаимное отношеніе этихъ языковъ, представляю сравнительную таблицу словъ кревинскихъ, ливскихъ, этскихъ и Финскихъ. Слова кревинскія я привожу безъ всякихъ гадательныхъ исправленій, въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ въ записяхъ. Въ ливскихъ словахъ а̰ и о̰ изображаютъ средній звукъ между а и о; о̰ — средній между о и ö (эстск. õ); о̰ — средній между о и ü (верро-эстск. ô); въ послѣднемъ столбцѣ слова, заключенныя въ скобки, не встрѣчаются въ книжномъ языкѣ, а заимствованы изъ народнаго говора; въ третьемъ столбцѣ заключены въ скобки слова, принадлежащія поднарѣчію Залисскихъ Ливовъ.

	По-кревински.	По-ливски.	По-эстски.	По-фински.
береза	kaschke	kǫv, (küu)	kaśk, kõiw	koiwu, (kahći)
болото	sannik, sanniku	súo	sō; — saṅńik (?)	suo (sō)
больной, слабый	rampa	ruja	ramb	rampa
борода	partha	abbǫnd, abnǫd, (abind)	pard; habe, haben, hapen	parta
бью	lüen, lüön	rabūb	lõn, lôn, raban	lyön (lõn)
бѣжитъ	śamub	júoksǫb, (juoksub)	jõkseb, jõzeb	juoksee (johseb); samoo
варитъ	kihub	kieb	kēb	kiehuu (cihub)
весна	kehwe, kiäwe	kevād	kewade, kewwäj	kewät, kewäin (ćewät)
вечеръ	ähchtigu, uoechtig	ǭdǫg, ūdǫg, (ūdug)	õhtu, õhta	ehtoo, (õhtago)
вечеромъ	ächtigun	ōdǫn, ūdǫn, (ūdgin)	õhtul, õhtute	ehtoolla, (õhtagon)
волкъ	sussi, suhsse	suiž	huńt, suzi	susi
волоса	ihhust, iuset, ihwuscht	ibūkst	hiuksed, hiused	hiukset (iwuhset)
восемь	kahassa, kāsa	kǫdǫks, kǫdǫks, (kādiks)	kaheksa, katesa	kahdeksan, (kahehsā')
всякій	kuüki, kiakki kiḱke	ama	kõjk	kaikki, (kõikki)
вчера	ägli, eegle	eggiʹ, eglʹ	heile	eilen (eglē')
высокій	körgi, kerka	kuord, kord	kõrge	korkea (kõrkea)
глина	śawwi	säv, (sai)	sawi, sau	sawi (sawwi)
глубокій	šüwä, schühwe	tǫva, tüva, (tiva)	sügaw, süwä	sywä (šüwä)

	По-кревински.	По-ливски.	По-эстски.	По-фински.
городъ	lidna	jā̆lgab, (nīn) или лат. pilsāt, pilsāt	linn, (litn?)	linna (lidna)
горохъ	örne	jernas, (järn)	hernes	herne (erne)
гусь	āni, ana, anna	guogọs	hani	hanhi (ani)
два	kachs, kaxe	kakš (kaks)	kaks, kaťs	kaksi (kahsi)
дверь	uchs, uhsd	ukš, (uks)	nks, uśś	uksi (uhsi)
дитя	lachs, laxe	läpš, (laps)	laps, laťs	lapsi (lahsi)
добрый	üwä, ühwe	juva, jua	hea, hüwa	hywa (üwa)
дождь	wihema, wihama, wihma	wīm	wihm	sade, wihma (wihma)
долина	orku	luoik, loik, nouk (ūrg)	org	orko
доля	ueśsa	vọza, voza	oza	osa, (oza, ōza)
дорога	tee, tieh	rek, rak	tē, tê	tie (tē)
душа	enki	jeńg	hiń̆g, heńg	henki (enči)
дымъ	suizu	sou, (sau)	suits, sau	sawu (sawwu), suitsu (suissu)
дѣлаю	teggen	tieb	teen	tien (tēn)
(быть), есть	on, onn	um, (om)	on, om	on
живу	elan	jelāb	elan, elän	elan
жиръ	raswa	raza	rasw, razw	raswa (razwa)
запираю	lukkan	klọkšọb, klükšọb	lukun	lukin
заяцъ	jännän, jänn	kọps, küps, (jands)	jänes, jänene	jänis (jänes)
звѣзда	tächte, tähtin	tāď, tēď	täht	tahti
здоровый	terwe, terwi	ťēra	terwe	terwe
зима	talge, talwe	tọla, tạla, (talu)	tali, taĺw	talwi
злой	kurja, kurge	kure	kuri	kurja
изъ	menen	laeb	lähen, minen	menen, lähden

изба	rin	tuba	tuba	pirtti (rini, rini)
ищу	etsin	vǫtšǫb, votšǫb, (otsub)	oťsin, õťsin	etsin (õtsin)
кафтанъ	wihte, wīten	amm	kūb, säŕk	takki, nuttu (wītta)
ключъ (воды)	lähtin, lähes, oija	ovāt	läte, haľľikas	lähde (lähe)
корабль	laiwa	kuoig (koďď) ср. лодка	la͜ew, la͜iw	laiwa
корова	lehmà, lähema	niem	lehm	lehmà
кошка	kat, katte, kaḱḱe	kaš	kaśś	katti, kissa
красный	punan, punnan	punni	punane	punainen, (punadnē')
крикъ	ḱildumiń	rávkǫmi, krivkǫmi	kiľjumine	kiljuminen
кровля	{rässes {sera	katūks	katus, rā̄stas	rästäs, (rässas)
крыло	sihw, sihwi	tībǫs	tīb	siipi
къ	tiwi	jūr, jūrǫ	jūre	tywön, tywö (tüwe)
легкій	kebje	kevām, kebām, (ḱiba)	kebja, kebjä	kewiä (ċebiä)
липа	lähämus	pā̄rna	lǭhmus, parn	lehmus
лисица	reppa	rebīz	rebane	repo
лодка	weni, weenni	lo͜ja, la͜ja, (laja)	wene	wenhe
ложка	lusik, lusika	ko͜i, ka͜i, (kāi)	luzikas, kōst	lusikka
лошадь	obben, opan, uopan	ǫbbi, úbbi, (úbi)	hobune, hobene, hopen	hewonen, (oponē')
лѣто	suhwi, śuhwe	sǫv, (süu)	suwi, su͜i	suwi
медленный	woennutzi	lougli	pitkamizi; срав. wenites (медленный человѣкъ).	weno (медленный человѣкъ), wenottelen
много	polge	jenn, jänn	paľju	palio (paľlo)

	По-кревински.	По-ливски.	По-эстски.	По-фински.
молоко	pīma, pihme	sēmd'a, (siemd)	pīm	maito (pīmä)
муха	kerpin	kärmi	kärbane, kärbne, kärbes, kärblane, kärmes	kärpänen, (ċärpänē')
называюсь, зову	kuzzun	nutāb	kutsun	kutsun
небо	taiwas	tōvas (touvi)	taewas, taiwas	taiwas
нитки	rihma, rigmad	laṅga	lõṅg, laṅg, nīt́	lanka, nuora (rihma)
новый	wassen	ūž, (ūz)	ūź, wastne	uusi (wassonē')
ноготь	kühse, küssin	kūnš, (kūns)	kūź	kynsi (ċūsi)
ножъ	kurras	veis	nuga, wäits, kūrask	weitsi (kuras)
одежда	sewad	o̱rno̱d, a̱rnod, (arand)	rīded, rõi̯wad; sõwad	waatteet (sõwat)
одинъ	üchse, ühese	ükš, (juks)	üks, üt́s	üksi (ühsi)
одѣвать	ächti	ēd'	ehitada	waatettaa, (ehitā)
озеро	järwi	jo̱ra, ja̱ra, (järu)	järw	järwi (jarwi)
острокопечный	terrawe, terrewa	vaim	teraw, terräw	teräwä
очагъ	tulla ariniń	tul-azo̱m	tule-aze	arina
перо	śulga	tūrgos	sul'g	sulka
песокъ	liwa, lihwa	jo̱vg, (jūg)	līw	hieta (līwa)
пестрый	kirjau	ḱerabi, (kirabi)	kirju, kirriw	kirjawa, (ċirjawa)
печка	āhju	o̱i, a̱i, (āi)	ahi	pätsi (ahjo)
пиво	öllut	vo̱ll, voll, (oll)	õlut, õlu	olut, (õlut)
плечо	püchta	ab	piht, abu, õla	hartia (pihta)
плугъ	wadnaad	adr-rōdad	wannas, wadnas	wannas (wadnas)
порогъ	liend (?), liähud	kūndo̱ks, (tunuks)	läwi, küńńis	kynnys (läpi, läwi)
(онъ) послалъ	lähiti	so̱tis, sa̱tis, kaimis	läkitas	läheti (lähäti)
прочь	erre	jera, jara	ära, ärä	(ääreh)

радуюсь	eenassalan	juva mel um	romustan	inastelen
разсматриваю	wahtan	vaṅtlǫb, vaṅklǫb, (vaṅtlub)	wādan, wātan	katson, (wātan)
растутъ	kaswowad	kazābod	kaswawad, kazwawa	kaswawat (kazwawat)
рука	käsi, kessi, kiesse	käiž	kázi	kàsi (ćäzi)
рѣжу	leikan, leikān	iedǫb	leįkan, lēikan	leikkaan (leikkān)
свѣтлый, бѣлый	walki	vālda	walge	walkea
сердце	schüen, schihen	südām	süda, söä	südän (süā')
серебро	ähpi, öbet, oeupi, uoepi	ǫbdi, ubdi	hõbe	hopea (õpea)
сидитъ	ihsub	istǫb	istub	istuu (isub)
скачетъ	üppeb	ǫ̈kǫb	hüppab	hüppää (üppäb)
скоро	ekki	pakānd	ruttu, äki	rutosti(rutossi),äkki
скотъ	weisti	jelāid, jelāmd (veds множ. vedikst)	weįksed, weised, elajad	eläimet
слѣпой	säkke	sogd	sõge, sõke	sokea, (sõkea)
собака	koira	piń	koęr, peni	koira
стою	seison, sëissun	pīlǫb, kūrtab, (kūrtub)	sejzan, sajzan	seison
стулъ	gerke	rąi, rāi, (rāsla лат.)	järģ	istuin (järćü)
сынъ	poiga, poika	puoga	poęg, poįg	poika
такъ	muggu	ne, nei	nenda, nõnda, nī	niin, mukaan (nī', muga)
твердый	kähwa	viza	kõwa	kowa (kõwa)
теленокъ	wasi, wasika	vāški, vaiški, (vask)	wazikas, waśk	wasikka (wasa)
темный	pimmú, pimmäh	pimd,	pime, pimme	pimeä
теплый	suoja, śohje	lemm	soę, lämme, lämmi	lämmin (sõja)

	По-кревински.	По-ливски.	По-эстски.	По-фински.
толстый	jami, jemme padge (?)	jamd	jame, jämme	jamiä (paďa «тонкій»)
три	kölm, kälme	kuolm, kolm	kolm	kolme (kõlme)
ты	sie	sina, sa	sina, sa, sinä	sinä (siä)
тяжелый	rassi, rassee	lālam, (lāl, lāli)	raske, rase	raskas
тянетъ	weitab	vedāb	weab	wetää (wäitäb)
узда	waľgad	raṅgǫd, (suiksud)	waľjad, su̯itse'	waljaat (waľlat)
узкій	ahas	o̱dos, a̱dǫs, (āḱi)	ahas	ahdas (ahas)
хвостъ	ennta	tabār, (täber, taber)	händ, hand	häntä (äntä)
хозяйка	ämmant	jemānd	emand	emäntä
человѣкъ	rüschte, ruste	rištiṅ, (ımi)	inimene, inemine	ihminen (inehminē', вепск. или сѣверно-чудск. ristikanzu, ristšikanz, т. е. крещеный.
червь	maattah	boŕ, (ūsk)	madu, mado	mato
черный	musse, muhsa	mustā (musta)	must	musta (mussa)
чихаетъ	aiwassalab	aľdži tieb	aewasteleb, aiwasteleb	aiwastelee (aiwasseleb)
я	mie	mina, ma	mina, ma, minä	minä (miä)
ястребъ	śakkale	kuľľ	kuľľ	haukka (sakkali)
ячмень	ösrad	vuoddǫrs, vodrǫs (odr)	odrad, ohrad	ohra, otra, (õzra)

Внимательное разсмотрѣніе этой таблицы и сравненіе кревинскихъ словъ съ соотвѣтствующими словами трехъ наиболѣе близкихъ ему языковъ, ливскаго, этскаго и финскаго, убѣдитъ каждаго, что изъ этихъ трехъ языковъ всѣхъ менѣе сходенъ съ нимъ языкъ ливскій. Слова одно-коренныя являются въ немъ въ формѣ болѣе отдаляющейся, чѣмъ въ этскомъ и финскомъ; къ тому же встрѣчается много такихъ словъ (55 словъ изъ 127) которыя, не будучи заимствованы отъ Латышей, въ ливскомъ языкѣ замѣняются словами, происходящими отъ другихъ корней. Не лишнимъ будетъ, пожалуй, присовокупить еще два три замѣчанія относительно нѣкоторыхъ словъ въ отдѣльности. Кревинское слово weni, weenne (лодка) у Ливовъ не существуетъ; они вмѣсто него употребляютъ слово lǫja, lą̄ja, laja, которое въ нѣсколько измѣненной формѣ существуетъ и въ кревинскомъ, этскомъ и финскомъ языкахъ съ значеніемъ корабля, между тѣмъ какъ Ливы корабль называютъ kuoig, kodd̓. Можно, пожалуй, подумать, что это послѣднее слово они заимствовали отъ Латышей (kuģģis); но въ дѣйствительности вѣроятнѣе, что было наоборотъ. Оба народа должны были получить это слово отъ нѣмцевъ, и по всей вѣроятности Ливы получили его прежде Латышей, ибо они, по крайней мѣрѣ въ историческія времена, прежде Латышей обитали на морскомъ берегу и занялись мореходствомъ; во второмъ латышскомъ словѣ laiwa (лодка) заимствованіе отъ финскаго корня, именно отъ Ливовъ, еще очевиднѣе. Для «долины» у курляндскихъ Ливовъ нѣтъ названія, соотвѣтствующаго кревинскому orku; но у Залисскихъ Ливовъ оно есть (ūrg); какъ и вообще нарѣчіе Залисскихъ Ливовъ ближе подходитъ къ этскому языку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ кревинскому. Во многихъ ливскихъ словахъ, при сравненіи ихъ съ кревинскими, встрѣчаемъ характеристическую приставку j или v (w) къ начальной гласной буквѣ, или замѣну звука s звукомъ t; тѣ же звуковыя измѣненія впрочемъ находимъ мы между ливскимъ языкомъ съ одной стороны и этскимъ или финскимъ съ другой, или между разными эстскими діалектами; стало быть они сами по себѣ не могутъ служить препятствіемъ къ признанію кре-

винскаго языка за ливское нарѣчіе, равно какъ отсутствіе въ ливскомъ языкѣ гармоніи гласныхъ, тогда какъ она, кажется, несомнѣнно существовала въ кревинскомъ (см. выше въ замѣткѣ о фонетикѣ), или довольно значительныя отличія въ флексіи словъ. Излишне было бы, мнѣ кажется, входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ особенностей; я считаю достаточнымъ указать одни только главные пункты, а относительно остальнаго сослаться на свою обработку ливской граматики, во II томѣ собранія сочиненій Шёгрена. 1) Въ ливскомъ языкѣ весьма часто флексія сопровождается, также какъ и въ лапландскомъ, измѣненіемъ коренной гласной; въ образцахъ кревинскаго языка ничего подобнаго не видно; сваливать жѐ это исключительно на неточность правописанія нельзя, ибо при той же неудовлетворительной орѳографіи можно довольно вѣрно прослѣдить въ кревинскомъ языкѣ гармонію гласныхъ, а помянутыя измѣненія были бы конечно точно также замѣтны, и собиратели помянутыхъ образцовъ точно также вслушались бы въ нихъ. 2) Первое лицо единственнаго числа, которое особенно часто встрѣчается въ собранныхъ образцахъ, въ кревинскомъ языкѣ постоянно имѣетъ въ окончаніи букву n, окончаніе свойственное также языкамъ финскому и этскому, между тѣмъ какъ въ ливскомъ бросается въ глаза одинаковость перваго лица съ третьимъ: почему и отрицанія въ трехъ лицахъ единственнаго числа въ ливскомъ языкѣ суть ȧb, ad, ȧb, вмѣсто кревинскихъ en, et, eb. 3) Въ замѣнъ творительнаго падежа Эсты и Кревины употребляютъ энклитическое — ga, — ka, вмѣсто употреблявшагося прежде въ эстскомъ языкѣ, а въ финскомъ донынѣ употребляющагося притяжательнаго падежа (Adessivus). Это — ka есть сокращеніе слова kas, kāza (товарищъ), финск. kansa (народъ, провожатые), и слѣдовательно должно бы употребляться только вмѣсто русскаго «съ», въ смыслѣ соединительнаго, но въ настоящее время сдѣлалось совершенно обиходною формою для творительнаго; въ народномъ языкѣ точно также употребляется финское kans (въ діалектахъ также ka'). У Ливовъ этого ничего нѣтъ; у нихъ творительный падежъ

(Instrumentalis) относительно формы совпадаетъ съ фактивнымъ (Factivus на — o̧ks, — ko̧ks).

Предположеніе, будто Кревины и Ливы были первоначально одинъ народъ, и будто приведенныя различія между ихъ языками произошли только послѣ того, какъ они были отрѣзаны другъ отъ друга Латышами и вслѣдствіе долгаго обособленія, что одинъ народъ остался болѣе вѣренъ первоначальному типу, другой болѣе отъ него отклонился, не имѣетъ прочной опоры. Оба народа находились подъ однимъ и тѣмъ же чужимъ вліяніемъ, именно вліяніемъ Латышей, и нѣтъ никакой видимой причины, почему бы на языкѣ Ливовъ этому вліянію отразиться иначе, чѣмъ на языкѣ Кревиновъ. Въ южной Лифляндіи до настоящаго времени сохранились, и вѣроятно много уже вѣковъ существуютъ, небольшіе острова Эстовъ, брошенные подобно Кревинамъ среди латышскаго населенія; однако языкъ ихъ, за исключеніемъ принятія латышскихъ словъ, мало отъ того пострадалъ и еще очень ясно являетъ связь свою съ языкомъ ихъ ближайшихъ сродниковъ въ эстской Лифляндіи [36]). Несомнѣнное латышское вліяніе обнаруживается одинаково и въ кревинскомъ и въ ливскомъ языкѣ только въ принятіи многихъ чужихъ словъ и нѣкоторыхъ оборотовъ, въ уменьшеніи числа падежей, можетъ быть также въ произношеніи; собственно же различія между обоими языками относить къ этому вліянію невозможно; къ тому же между разнокоренными словами того и другаго языка не находимъ мы ни въ томъ, ни въ другомъ языкѣ словъ латышскихъ. За тѣмъ остается только допустить предположеніе, что усматриваемыя нынѣ различія между кревинскимъ и ливскимъ языками существовали еще до того времени, когда оба народа были отрѣзаны другъ отъ друга, но что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть только какъ на различіе двухъ нарѣчій одного и того же языка. Положительно опровергать такое предположеніе, конечно, нѣтъ возможности, такъ какъ между понятіями

36) Ср. мою статью «Ueber die Ehsteninseln in den lettischen Kirchspielen Marienburg und Schwaneburg in Livland», помѣщенную въ Бюлетенѣ Академіи Наукъ, т. XIII, стр. 497 слѣд. (T. IV, вып. 5 Mélanges Russes).

«языкъ» и «нарѣчіе» не существуетъ еще такого разграниченія, которое всѣхъ бы удовлетворяло, и нельзя отрицать того факта, что мы зачастую подводимъ подъ наименованіе діалектовъ или нарѣчій такія формы языка, которыя между собою различаются по крайней мѣрѣ на столько же, какъ ливскій и кревинскій. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажу на то, что финскій и эстскій языки мы обыкновенно называемъ отдѣльными языками, а между тѣмъ въ другихъ случаяхъ всѣ финскія и эстскія нарѣчія подводимъ подъ одинъ языкъ, и дѣлимъ на двѣ главныя групы, изъ которыхъ притомъ не отводимъ какой нибудь одной групы исключительно эстскому языку [37]). И такъ, еслибъ имѣлись твердыя историческія основанія для того, чтобы признать, что Кревины съ Ливами первоначально составляли одинъ народъ, то различія между ихъ языками не имѣли бы достаточной доказательной силы для опроверженія этихъ основаній, и намъ оставалось бы только покориться и смотрѣть на эти два языка, какъ на нарѣчія одного языка; но этихъ историческихъ основаній, какъ уже было показано выше, у насъ вовсе не имѣется; а потому мы имѣемъ полное право осмотрѣться и поискать, не найдемъ ли гдѣ либо другаго народа, котораго языкъ ближе подходилъ бы къ языку кревинскому, и который можно бы считать за одинъ народъ съ Кревинами. Кромѣ Ливовъ было указываемо еще на Эстовъ.

Однокоренныя съ кревинскими эстскія слова, по формѣ своей, очевидно гораздо ближе подходятъ къ кревинскимъ, чѣмъ слова ливскія; словъ разнокоренныхъ гораздо меньше числомъ (изъ 127 словъ въ ливскомъ 55, а въ эстскомъ только 9). Но и этого небольшаго числа уже достаточно для того, чтобы усомниться, можно ли Кревиновъ признать за одинъ народъ съ Эстами. Эстская колонія принесла бы съ собою языкъ своей родины; впослѣдствіи она, пожалуй, мало по малу нѣкоторыя слова своего роднаго языка замѣнила бы чужими, и именно такія слова, которыя рѣже употребляются въ ежедневномъ обиходѣ и которыя, стало

[1]) Ср. предисловіе къ Альквистовой «Wotisk Grammatik», въ Acta Societatis scientiarum Fennicae, т. V, вып. 1.

быть, легче могли остаться неизвѣстными подростающимъ поколѣніямъ; но чтобы она бросила слова, безпрестанно встрѣчающіяся въ семейномъ быту (напримѣръ: одежда, изба, нитки, къ) и замѣнила ихъ новыми словами, это вещь немыслимая, особенно въ настоящемъ случаѣ, когда эти новыя слова оказываются даже не латышскими, и слѣдовательно были бы взяты просто съ вѣтру. Одного уже послѣположенія tiwi (къ), вмѣсто употребительнаго у всѣхъ Эстовъ jūre, было бы достаточно для того, чтобы отвергнуть предположеніе, будто Кревины суть потомки переведенныхъ съ острова Эзеля въ Мемельгофъ поселенцевъ, еслибъ даже это предположеніе и не было уже и безъ того смѣшно во многихъ другихъ отношеніяхъ. И такъ, для того, чтобы Кревиновъ признать за Эстовъ необходимо требовалось бы допустить, что у нихъ было свое особое нарѣчіе, отличное отъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время, и что они не переселились въ ту мѣстность, гдѣ мы ихъ находимъ, изъ какой либо части нынѣшней Эстляндіи, а жили тутъ искони, совершенно независимо отъ Эстовъ, и составляли, быть можетъ, остатокъ первоначальнаго финскаго населенія, предшествовавшаго прибытію латышской Земголы. Въ языкѣ нѣтъ ничего такого, что противорѣчило бы подобной догадкѣ. Если мы выше должны были допустить возможность считать кревинскій языкъ за нарѣчіе ливскаго языка, то тѣмъ болѣе должны допустить эту возможность относительно языка эстскаго, къ которому кревинскій языкъ, не только по строенію словъ, но и по грамматикѣ, подходитъ гораздо ближе, чѣмъ къ ливскому. Единственнымъ важнымъ отклоненіемъ въ грамматическомъ отношеніи представляется то, что Кревины спрягали отрицательную частицу при глаголѣ, между тѣмъ какъ Эсты употребляютъ ее въ одной неизмѣнной формѣ при всѣхъ трехъ лицахъ; впрочемъ изъ грамматики Горнунга видно, что лѣтъ за двѣсти назадъ Эсты спрягали отрицательную частицу точно такъ же, какъ и всѣ ихъ ближайшіе сродники, и что только въ позднѣйшее уже время языкъ ихъ утратилъ эту черту. И такъ, Кревины, повторяемъ, могли пожалуй быть Эстами; но были ли

они дѣйствительно Эсты, объ этомъ не имѣемъ никакихъ надежныхъ указаній. Вопросъ о ихъ эстскомъ происхожденіи совершенно въ томъ же положеніи, какъ и вопросъ о ихъ ливскомъ происхожденіи; и мы не въ правѣ будемъ, на основаніи одного ихъ языка, считать ихъ за Эстовъ, если найдемъ другой языкъ, который подходилъ бы къ ихъ языку еще ближе, чѣмъ эстскій.

Сравненіе приведенныхъ въ таблицѣ 127 кревинскихъ словъ съ соотвѣтственными финскими словами показываетъ самымъ несомнѣннымъ образомъ, что именно финскія подходятъ къ нимъ всѣхъ ближе. Одному только слову, — о которомъ мы уже говорили выше,—не находимъ мы соотвѣтствующаго однокореннаго въ финскомъ языкѣ; пропорція крайне ничтожная, сравнительно съ девятью словами въ эстскомъ и пятидесятью пятью въ ливскомъ языкѣ. Тѣ слова, которымъ нѣтъ однокоренныхъ ни въ одномъ изъ трехъ сродныхъ языковъ, разумѣется, въ таблицу вовсе не внесены, такъ какъ за отсутствіемъ этихъ сродниковъ они не могли бы служить къ опредѣленію отношенія этихъ языковъ къ кревинскому. Впрочемъ такихъ словъ всего на все десять. Въ грамматическомъ отношеніи сходство кревинскаго языка съ финскимъ такое же, какъ съ эстскимъ, пожалуй даже больше. Финскія двухсложныя имена, оканчивающіяся на гласную съ долгимъ предпослѣднимъ слогомъ, и трехсложныя у Эстовъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа сокращаются чрезъ отбрасываніе конечной гласной; равнымъ образомъ сокращаются по большей части падежные суфиксы. Въ кревинскомъ языкѣ, напротивъ, конечная гласная еще сохраняется. Не вездѣ, правда, она уцѣлѣла; но эта невыдержанность нисколько не будетъ удивлять насъ, когда мы сообразимъ, что и финскій народный языкъ въ этомъ отношеніи далеко не такъ послѣдователенъ, какъ языкъ литературный. Сѣверочудскій языкъ, по сообщенію Альквиста (Antekningar i Nord-Tschudiskan, Гельсингфорсъ, 1859), въ одинаковомъ положеніи съ языкомъ эстскимъ; имѣющійся же у меня рукописный сборникъ словъ изъ той же мѣстности представляетъ обѣ формы, и полную и усѣченную; вотскій языкъ, по грамматикѣ Альквиста,

сохранилъ собственно полныя формы; но въ образцахъ рѣчи, рядомъ съ полными формами встрѣчаются также нерѣдко и формы усѣченныя, и выборъ между ними опредѣляется повидимому только благозвучіемъ и ритмомъ фразы. Такія же сокращенныя формы рядомъ съ полными встрѣчаются въ народныхъ діалектахъ и въ самой Финляндіи (срав. журналъ Suomi II, 8, Гельсингфорсъ 1870). Строгую послѣдовательность литературнаго языка представляютъ только нарѣчія карельскія. И такъ, кревинскій языкъ приходится въ этомъ отношеніи отнести къ групѣ противоположной діалектамъ карельскимъ, то есть къ діалектамъ ямьскимъ. Въ принадлежности его къ этой групѣ, мнѣ кажется, не останется ни малѣйшаго сомнѣнія, когда взглянемъ на чрезвычайную близость его именно съ нарѣчіемъ вотскимъ, и припомнимъ, что кревины въ то время, когда были впервые записаны нѣкоторые образцы ихъ рѣчи, болѣе трехъсотъ лѣтъ уже и не слыхали пожалуй о Вотахъ.

Отношеніе вотскаго языка къ кревинскому отчасти можно видѣть уже изъ представленной выше сравнительной таблицы, въ послѣднемъ столбцѣ которой слова, заключенныя въ скобки, принадлежатъ почти всѣ вотскому нарѣчію. Еще яснѣе будетъ оно, когда мы ближе всмотримся въ сходство обоихъ языковъ. До сихъ поръ такое сравненіе оставалось въ сторонѣ, потому что имѣлось въ виду сперва показать только, что изъ трехъ языковъ, наиболѣе близкихъ къ кревинскому, ливскій и этскій болѣе отъ него отдаляются, чѣмъ финскій, и что приведенныя выше предположенія нѣкоторыхъ ученыхъ относительно тождества Кревиновъ съ Ливами или Эстами не подтверждаются результатами сравненія языковъ. За этими отрицательными доводами, показавшими, что Кревины не были ни Ливы, ни Эсты, должны теперь послѣдовать доводы положительные, которые выяснятъ чѣмъ они дѣйствительно были.

Предварительно слѣдуетъ здѣсь указать на одну звуковую особенность вотскаго языка, такъ какъ при незнаніи этой особенности иныя слова могутъ на первый взглядъ поставить читателя въ нѣкоторое затрудненіе; это то, что у Вотовъ буквы k и g передъ

такъ называемыми мягкими гласными ä, e. i, ȯ, u̇ по большей части произносятся какъ ċ, точно такъ же какъ у нѣкоторой части Шведовъ въ тѣхъ же случаяхъ буква k; напр. ċäsi (рука), ċewät (весна), ċirwes (топоръ), ċöühä (слабый), ċülmä (морозъ), которые въ другихъ мѣстахъ произносятся käsi, kewat, kirwes, köühä, külmä. Хотя эта звуковая особенность, которой не видно въ дошедшихъ до насъ обрывкахъ кревинскаго языка, и противорѣчитъ повидимому заключенію о чрезвычайно близкой связи обоихъ языковъ, однако это несходство искупается сходствомъ во многихъ другихъ особенностяхъ. Къ числу ихъ относятся слѣдующія. Сочетаніе st Воты измѣняютъ въ ss, переходящій (по Альквисту) въ тонкій s; напр. mussa, родит. musā' (черный), wassā (противъ), risitän (крещу), issua, isun (сидѣть, сижу) и проч., вмѣсто musta, wastaan, ristitän, istua, istun. Тотъ же переходъ st въ ss видимъ и въ кревинскомъ языкѣ; было ли въ немъ также дальнѣйшее ослабленіе въ s, по имѣющимся образцамъ рѣшительно сказать нельзя, да и трудно было бы ожидать такой тонкости воспріятія звуковъ у лицъ, оставившихъ намъ эти записи; не мудрено однако, что такими ослабленными формами должно считать слова въ родѣ ihsuh (сидитъ), muhsatt (черные, рядомъ съ именительнымъ musse). Въ финскомъ литературномъ языкѣ ss, какъ ослабленіе st, не употребляется; но онъ встрѣчается отчасти въ карельскихъ нарѣчіяхъ, напр. risti (крестъ), родит. rissin; только, на сколько мнѣ извѣстно, не въ самомъ уже именительномъ падежѣ, а также не въ суфиксахъ исходнаго и неопредѣленнаго падежей единственнаго числа, когда въ нихъ t долженъ приставляться къ s именительнаго падежа; напр. silmässä (изъ глаза), kattilassa (изъ котла) jumalassa (отъ Бога), näissä (отъ нихъ), armassa (возлюбленнаго, винительный падежъ отъ armas), taiwassa (небо, винит. пад. отъ taiwas) и проч., вмѣсто silmästä, kattilasta, jumalasta, näistä, armasta, taiwasta; точно также и въ кревинскомъ языкѣ jumallassa, neise, ümmise poiśsisse (отъ своихъ слугъ), rikkausas (отъ богатства, усѣченная форма), wassa taiwasa (противъ неба). Вмѣсто сочетаній ks, ps Воты употребляютъ hs: ühsi (одинъ), kahsi (два),

õhsa (вѣтвь), uhsi (дверь), lahsi (дитя), c̀ühsi (увареный), и прочая, вмѣсто yksi, kaksi, oksa, uksi, lapsi, küpsi; тоже въ языкѣ кревинскомъ. Вмѣсто гласной o, вошедшей въ финскій литературный языкъ изъ другихъ діалектовъ, Воты употребляютъ особую гласную õ, и притомъ еще чаще Эстовъ, напр. õza (доля), õlut (пиво), kõlme (три), kõwa (твердый), kõrkea (высокій), õrea (серебро), вмѣсто osa, olut, kolme, kowa, korkea, hopea; точно такъ же и Кревины. Двугласныя au, eu въ вотскомъ языкѣ, равно какъ и въ кревинскомъ, переходятъ въ ag, ig, напр.: kagrad, kaggrat (овесъ) kaura вотск. kagra, — kagle, kagla (шея) kaula вотск. kagla,— nagran, nahgran (смѣюсь), nauran вотск. nagran,—nigla (иголка) neula вотск. nigla. Сочетанія согласныхъ (tk, sk и др.), которыя въ финскомъ литературномъ языкѣ въ флексіи остаются безъ измѣненія, въ вотскомъ замѣняются соотвѣтствующими тонкими, напр. uskoa (вѣровать), uskon (вѣрую), вотск. uzgon,—itkea (плакать) itken (плачу вотск. idgen), и проч.; точно такъ же въ кревинскомъ usgun, itgan, idgab; о переходѣ st въ ss уже говорено выше. Звукъ h въ началѣ словъ въ кревинскомъ языкѣ такъ же, какъ и въ вотскомъ, откидывается, равно какъ внутреннее h послѣ согласной; напр. üwä, ühwe (добрый) вотск. üwä вмѣсто hywä,—örne (горохъ) вотск. erne вмѣсто herne, — ihre (мышь) вотск. īri вм. hiiri, — uoman, õman (завтра) вотск. õmen вмѣсто huomenna,— obben, opan, uopan (лошадь) вотск. oponē' вмѣсто hewoinen, — ani, ana, anna (гусь) вотск. ani вмѣсто hanhi, — wanna (старый) вотск. wana, вмѣсто wanha, — karru, karrus (медвѣдь) вотск. karu вмѣсто karhu.

Что касается склоненій, то въ вотскомъ языкѣ нѣтъ конечнаго n въ родительномъ падежѣ единственнаго числа; исходный оканчивается на ssa (ssä) вмѣсто sta (stä); суфиксы въ живой рѣчи сокращаются; творительный и соединительный падежи образуются посредствомъ пристави энклитическаго kā къ родительному падежу. Все это, какъ было уже замѣчено выше, черты, принадлежащія также языку кревинскому. Личныя мѣстоименія въ кревинскомъ языкѣ суть mie, sie, temma (tem, tam, temm); точно

такъ же и въ вотскомъ miä, siä, tämä вмѣсто minä, sinä, hän; кревинскому родительному падежу множественнаго числа первыхъ двухъ лицъ meǵǵi, teǵǵi вполнѣ соотвѣтствуетъ вотская форма med'ē', ted'ē' вмѣсто meidän, teidän. Притяжательныхъ суфиксовъ въ дошедшихъ до насъ образцахъ кревинскаго языка не встрѣчается и слѣда; это впрочемъ нисколько насъ не удивитъ, когда сообразимъ, что и въ вотскомъ языкѣ они съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, а эстскій языкъ ихъ уже совершенно утратилъ.

Изъ глагольныхъ формъ, въ которыхъ вотское нарѣчіе отклоняется отъ прочихъ нарѣчій, общи ему съ кревинскимъ языкомъ, сокращенное окончаніе повелительнаго наклоненія elka (будь онъ), kuhlaka (да повинуется), antaga (дайте), tappaga (заколите) по вотски ōlkō, kūltakō, antakā, tappakā, вмѣсто olkaan, kuulkaan, antakaatte, tappakaatte; и третье лицо единственнаго числа настоящаго времени на b вмѣсто удлиненной гласной безъ ослабленія въ данныхъ случаяхъ согласной; напр. ścheeb (ѣстъ), annab (даетъ), ihsub (сидитъ), tahub (хочетъ), вотск. sōb, annab, isub, tahob, вмѣсто syó, antaa, istuu, tahtoo; отсюда и отрицательная частица въ третьемъ лицѣ и въ кревинскомъ и въ вотскомъ языкѣ eb вмѣсто ei.

Къ этимъ многочисленнымъ сходственнымъ чертамъ между кревинскимъ и вотскимъ языками въ грамматическомъ отношеніи присоединяются еще сходства лексикальныя, изъ которыхъ большая часть можетъ быть здѣсь оставлена безъ особаго указанія, такъ какъ они усматриваются сами собою изъ изложеннаго выше; — таковы: wassa (противъ) вотск. wassā вмѣсто wastaan, — uchs (дверь) вотск. uhsi, вмѣсто uksi, — lachs, laxe (дитя), вот. lachsi вмѣсто lapsi, — öllut (пиво), вотск. ōlut вмѣсто olut, — kagle, kagla (шея) вотск. kagla, вмѣсто kaula, — eina (сѣно) вот. einä вмѣсто heinä, — wanna (старый) вотск. wana вм. wanha и т. п., относительно которыхъ слѣдуетъ имѣть въ виду упомянутыя выше звуковыя особенности. Кромѣ того можно указать еще на слѣдующія слова, частью различно построенныя, частью чуждыя по корню, или получившія различное значеніе.

ähchtigu, uoechtig (вечеръ) вотск. õhtago вмѣсто ehtoo, — ächtigun (вечеромъ) вот. õhtagon вм. ehtoolla, — ächti (одѣвать) вот. ehitä вм. waatettaa, — wahtan (разсматриваю) вот. wätan вм. katson, — kaschke (береза) вот. kahči вм. koiwu, — ladge (широкій) вот. lad'a вм. laaja, — krahzinatt (греча) вот. krätsinä вм. tattari, — poisi, poissi (парень) вот. poisi вм. poika, — neddre (тонкій, слабый) вот. nõdra вм. nóyrä, — ahas (узкій) вот. ahas вм. ahdas, — ósrad (ячмень) вот. õzra вм. ohra, otra, — ägli, eegle (вчера) вот. eglẽ' вм. eilen, — al'ge, alges множ. al'gat (зеленый) вот. all'as вм. raaka, wihanto, — śakkale (соколъ) вот. sakkali вм. haukka, — sewad (одежда) вот. sõwat вм. waatteet, — kihub (кипитъ) вот. čihub вм. kiehuu, — schüwed (уголья) вот. süed вм. hiilet, — wòdken (ягненокъ) вот. wõdna вм. wuonna, — kurras (ножъ) вот. kuras вм. weitsi, — pīma, pihme (молоко) вот. pīmä вм. maito, — uomenik (утро) вот. õmnikko вм. aamu, — kühse, küüsin (ноготь) вот. čũsi вм. kynsi, — wassen (новый) вот. wassonẽ' вм. uusi, — ähju (печка) вот. ahjo вм. pàtsi, — wadnaad (плугъ) вот. wadnas вм. wannas, — wihte, witen (кафтанъ) вот. wītta вм. takki, nuttu, — liwa, lihwa (песокъ) вот. līwa вм. hieta, — wachse (пѣна) вот. wähsi вм. wahto, wahti, — püchta (плечо) вот. pihta вм. hartia, — liähud (порогъ) вот. làwi вм. kynnys, — paetan (говорю) вот. pajatan вм. pakajan, pakisen, pagisen, puhun, — lidna (городъ) вот. lidna вм. linna, — sabakad (сапоги) вот. säppogat вм. saapaat, — rägad (кустарникъ) вот. rägat вм. hako, — rīh (изба) вот. rihi, rīhi вм. pirtti, — gerke (стулъ) вот. järčü вм istuin, tuoli, — paltiń (голубь, срав. также латыш. ballodis) вот. pallo вм. kyyhky, — laute, lauda (столъ) вот. lauta вм. pöytä, — suoja, sohje (теплый) вот. sõja вм. làmmin, — tahon, tahun, taon (хочу) вот. tahon вм. tahdon, — weitab (тянетъ) вот. wäitäb вм. wetää, — rihma, rigmad (нитки) вот. rihma вм. lanka.

Слова, поставленныя здѣсь рядомъ съ вотскими, заимствованы почти всѣ изъ финскаго книжнаго языка, который во многихъ отношеніяхъ ближе подходитъ къ сѣверо-восточнымъ (карель-

скимъ) нарѣчіямъ, чѣмъ къ юго-западнымъ (ямьскимъ). Къ послѣднимъ принадлежитъ и вотское нарѣчіе; и не должно удивляться, если что либо приведенное здѣсь какъ вотское окажется принадлежащимъ также другимъ ямьскимъ нарѣчіямъ. Во всякомъ случаѣ перевѣсъ относительно сходства съ кревинскимъ языкомъ остается на сторонѣ вотскаго нарѣчія. Не должны мы при этомъ затрудняться нѣкоторыми звуковыми различіями; я разумѣю вотское ć вмѣсто k, о которомъ уже было говорено выше, и кревинское š вмѣсто s. У Вотовъ звукъ š встрѣчается почти исключительно въ словахъ, заимствованныхъ у Русскихъ. Такія мелкія черты въ произношеніи всего легче, безсознательно перенимаются или утрачиваются подъ вліяніемъ чужихъ языковъ. Въ карельскихъ, а также въ восточныхъ ямьскихъ нарѣчіяхъ, звукъ š встрѣчается очень часто; и какъ онъ въ нихъ проникъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ русскаго языка, такъ точно Ливы, маріенбургскіе и шванебургскіе Эсты и Кревины своимъ š обязаны пожалуй вліянію Латышей.

Кто до сихъ поръ со вниманіемъ слѣдилъ за нашимъ разборомъ памятниковъ кревинскаго языка и сравненіемъ этого нарѣчія съ другими ему родственными, тотъ долженъ былъ, мнѣ кажется, придти къ непремѣнному убѣжденію, что изъ живущихъ нынѣ племенъ самыми близкими Кревинамъ сродниками по языку должно признать Водь, а не какой другой народъ инаго языка или инаго нарѣчія. Съ опредѣленіемъ такимъ образомъ мѣста, которое Кревины занимаютъ въ Финскомъ семействѣ языковъ, задача лингвистики собственно окончена; въ настоящемъ случаѣ однако занимающій насъ вопросъ такъ обставленъ, что съ помощью результата, добытаго лингвистическимъ изслѣдованіемъ, мы можемъ извлечь пользу изъ такихъ историческихъ намековъ, которые иначе ни на шагъ не подвинули бы насъ въ раскрытіи исторіи Кревиновъ. Опредѣливъ посредствомъ лингвистическаго изслѣдованія кто такіе были Кревины, мы можемъ затѣмъ уяснить себѣ, съ такою степенью вѣроятности, которая почти доходитъ

до достовѣрности, откуда, какимъ образомъ и когда они пришли въ Курляндію.

Первый писатель, упоминающій о Кревинахъ и называющій ихъ этимъ именемъ, курляндскій суперинтендентъ Павелъ Эйнгорнъ (см. выше I), говоритъ о нихъ, что они были приведены туда изъ Эстляндіи въ то время, когда Орденъ строилъ Баускую крѣпость (см. II). Объ этомъ обстоятельствѣ не упоминаетъ ни одна изъ дошедшихъ до насъ хроникъ; а какъ трудно предполагать, чтобы Эйнгорнъ разсказываемое имъ происшествіе взялъ изъ какой нибудь въ то время существовавшей, а нынѣ утраченной хроники, то и остается допустить догадку, что сообщаемое имъ извѣстіе основано на преданіи, которое онъ нашелъ у самихъ Кревиновъ. Что это древнѣйшее преданіе впослѣдствіи, по приходѣ небольшаго числа новыхъ колонистовъ съ острова Эзеля,—фактѣ не подлежащемъ никакому сомнѣнію,—слилось съ разсказомъ объ этихъ новыхъ вселенцахъ, такъ что Шёгрену, во время посѣщенія имъ этого края, пришлось слышать отъ Кревина мнѣніе, будто весь народъ произошелъ отъ этихъ эзельскихъ выселенцевъ, — это явленіе нисколько не удивительное у такого необразованнаго народа, хранящаго всю свою исторію въ одной только памяти. Всѣмъ занимавшимся подобными изслѣдованіями очень хорошо извѣстно, какъ мало способны такіе люди надлежащимъ образомъ разграничивать въ хронологическомъ отношеніи прошлыя событія, совершившіяся не на собственномъ ихъ вѣку, и какъ легко они сливаютъ въ одно сходные между собою, хотя совершенно отдѣльные другъ отъ друга, факты, или позднѣйшія событія переносятъ въ гораздо отдаленнѣйшія времена [38]). Павелъ Эйнгорнъ имѣлъ случай узнать Кревиновъ непосредственно и изъ

[38]) Такъ напримѣръ графъ Яковъ Делагарди, во время шведскаго владычества владѣвшій нѣкоторою частью Вика въ Эстляндіи, у тамошнихъ крестьянъ сдѣлался уже совершенно миѳическимъ лицомъ, и они приписываютъ ему такіе же чудесные и сверхъестественные подвиги, какіе совершались въ эпоху ихъ племеннаго героя Калеви-поэга. Такъ же, напримѣръ, въ древнѣйшихъ народныхъ поэмахъ Эстовъ, очевидно принадлежащихъ къ дохристіанской эпохѣ, является иногда Богородица.

собственныхъ ихъ устъ слышать преданіе о ихъ происхожденіи, частью когда онъ, до занятія пасторской должности въ Митавѣ, нѣсколько лѣтъ жилъ въ Гренцгофскомъ пасторатѣ, частью же во время своихъ трудовъ по введенію въ Курляндіи препозитуръ. Пожалуй могъ онъ даже слыхать о нихъ еще будучи ребенкомъ, отъ своего дѣда Александра Эйнгорна, который конечно посѣтилъ и Кревиновъ, когда, по приказанію перваго курляндскаго герцога Готгарда Кетлера, производилъ большую церковную визитацію, начавшуюся въ 1570 году,—или же въ пасторатѣ своего отца, въ Экау, лежащемъ еще ближе къ Бауску. Что сами Кревины думали о себѣ, будто они были приведены въ этотъ край во время сооруженія Бауска, это прямо подтверждаетъ Бергеръ (см. выше VI), хотя не указываетъ откуда онъ слышалъ это преданіе. «Сами они, говоритъ онъ, выдаютъ себя за Эстовъ, приведенныхъ сюда во время постройки Баускаго дома; предположительно должны они быть изъ Дерптскаго края, ибо Латыши въ Земголѣ называютъ ихъ Кревинами, то есть Русскими». За древнюю русскую же колонію, выведенную изъ Эстляндіи, считаетъ ихъ и Штендеръ въ своемъ Латышскомъ словарѣ (см. VIII), не указывая впрочемъ, слышалъ ли онъ это отъ самихъ Кревиновъ или же узналъ какимъ либо инымъ путемъ; во всякомъ случаѣ этимъ нѣсколько приличнѣе объясняется данное имъ Латышами имя Кревиновъ, чѣмъ въ его же грамматикѣ, гдѣ онъ это имя производитъ отъ того, что они будто бы были «приволочены» въ этотъ край (см. III) или загнаны туда (см. VII) Русскими. Бротце (см. IX) также считаетъ ихъ за потомство пригнанныхъ сюда въ гермейстерскія времена военноплѣнныхъ; а какъ они, по его мнѣнію, говорятъ по эстски, то онъ и объясняетъ ихъ имя тѣмъ, что они происходили изъ той части Эстляндіи, которая была тогда подвластна Русскимъ князьямъ, именно изъ Унганіи.

Эйнгорнъ, въ своемъ извѣстіи о Кревинахъ, не называетъ того магистра ордена, который основалъ Баускъ, и не указываетъ года сооруженія: изъ этого можно также заключать, что онъ свое извѣстіе почерпалъ изъ преданія, а не изъ какой либо хроники, ибо

въ послѣднемъ случаѣ онъ непремѣнно или назвалъ бы магистра или указалъ бы годъ, пожалуй и то и другое. Нѣкоторыя хроники, вовсе не упоминая о Кревинахъ, говорятъ объ основаніи Баускаго замка подъ 1456 годомъ, при магистрѣ Іоганѣ фонъ-Менгденѣ, по прозванію Остгофѣ; другія приписываютъ построеніе этой крѣпости его предшественнику Гейнриху или Гейденрейху или Дитриху Финке (Vingke, Vinck) фонъ-Овербергену (Ouerbergk, Averbergen, Averbeerg); такъ напр. Руссовъ [39]), Грефенталь [40]); и имъ слѣдуютъ старѣйшіе историки [41]). Если принять это послѣднее показаніе, то мы получимъ ясный, сообщаемый лѣтописцами разсказъ о выводѣ Кревиновъ изъ Ингерманландіи,—гдѣ мы должны были помѣстить ихъ уже по самому ихъ языку, — магистромъ ордена Гейнрихомъ Финке фонъ-Овербергомъ, который между 1444 и 1447 годами основалъ замокъ Баускъ и, по преданію, поселилъ въ этой мѣстности Кревиновъ.

О Води или Вотахъ, по фински Ватіалайзетъ (Watialaiset), впервые упоминается въ приписываемомъ великому князю Яро-

---

[39]) Na Hinrich Schungel ys Heidenrick Vinck van Auerberge Meister the Lyffland geworden, welcker twe schwere Reisen vp de Russen gedan, vnde ere Landt mit gewalt verwostet hefft, hehefft gebuwet dat Husz Bauschkenborch, vnde regeret int 14 Jar (см. Scriptores rer Livon. II стр. 31. Послѣ Генриха Шунгеля сталъ магистромъ въ Лифляндіи Гейденрикъ Финкъ фонъ Ауэрбергъ, который совершилъ два трудныхъ похода на Русскихъ и жестоко разорилъ ихъ землю; онъ построилъ крѣпость Баушкенборгъ и правилъ 14 лѣтъ)

[40]) Dittrich Vingke von Ouerbergk. He thete zwo reisen vf die Russen vndt Muscoviter, in welchen er gesieget vndt Russlandt sehr verheret. Vndt bauete Berseborck, Vndt anno 1447 das Schloss Bauschka in Semi Gallen an der Littauischen Grenze (см Nonumenta Livon. ant. V стр 33 Дитрихъ Финке фонъ-Овербергъ. Онъ совершилъ два похода на Русскихъ и Московитовъ, въ которыхъ онъ побѣдилъ и сильно опустошилъ Россію, и построилъ Берзеборгъ, а въ 1447 году замокъ Баушка въ Семигаліи, на Литовской границѣ).

[41]) Такъ Гильзенъ повѣствуетъ Heidenreich Vinke de Averbeerk Hermistrz wystawił w Kurlandyi fortecę, y miasto Bowsk, do Moskwy dwa razy wtargnał y tam przeplatanym szczęściem wojował (Гермейстеръ Гейденрейхъ Финке фонъ Авэрберкъ поставилъ въ Курляндіи крѣпость и городъ Баускъ, два раза ходилъ на Москву и тамъ воевалъ съ перемѣннымъ счастіемъ. См Inflanty w dawnych swych y wielorakych aż do wieku naszego dziejach i rewolucyach, etc., etc., przez J. A. Hylsena, Kasztelana Inflantskiego, etc., etc., w Wilnie 1750, стр 66).

славу († 1054) «Уставѣ о мостѣхъ»; затѣмъ подъ 1069 годомъ, когда они съ княземъ Полоцкимъ потерпѣли сильное пораженіе подъ Новгородомъ (ср. Кёппена «Водь и Вотская пятина», въ Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія 1851 г., т. LXX, стр. 41 и слѣд.). Въ настоящее время существуетъ только небольшой остатокъ этого народа, всего по приведенной статьѣ Кёппена 5,148 душъ, въ Ямбургскомъ и Ораніенбаумскомъ уѣздахъ Петербургской губерніи. Но онъ составлялъ собственно первоначальное населеніе всей Ингерманландіи до вселенія другихъ нынѣ живущихъ тутъ финскихъ племенъ (ср. Шёгрена «Ueber die finnische Bevölkerung des St.Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermannland», въ «Mémoires de l' Acad. Imp. des sciences de St. Pétersbourg, VI série, т. I стр. 123 и слѣд.); населяемый имъ край составлялъ, подъ именемъ «Вотской пятины», одинъ изъ пяти округовъ на которые дѣлилась Новгородская область, и подъ именемъ Ватландіи былъ извѣстенъ даже въ Римѣ. Лербергъ въ своихъ «изысканіяхъ» на стр. 108 (перев. Языкова стр. 88) упоминаетъ о грамотѣ папы Александра IV, которою онъ предписывалъ архіепископу Рижскому назначить епископа въ Ватландію, Ингрію и Карелію. Нѣмецкій орденъ заявлялъ даже притязанія на обладаніе этою страною, какъ видно изъ приводимой Лербергомъ тамъ же грамоты ордена къ королю Венгерскому, отъ 1397 г. [42]); а менѣе пятидесяти лѣтъ спустя на вотской землѣ происходила многолѣтняя борьба между Новгородомъ и Орденомъ. Объ этой борьбѣ довольно подробно повѣствуютъ уже нѣкоторыя старинныя большія историческія сочиненія, какъ напр. «Allegemeine Weltgeschichte nach dem Plane von Guthrie, Gray etc.» [43]), и изданная въ Галле «Allge-

[42]) «Item das Reich der grossen Nawgarthen liegt hinter dem Pleskower und Watland, die dem Orden zu Liefland mit Rechte gehoren mogen und sollen». (Государство Великаго Новагорода лежитъ за Псковскою областью и Ватландомъ, которые по праву могутъ и должны принадлежать Лифляндскому Ордену. Срав. А. Коцебу «Preussens altere Geschichte», Riga 1808, т. III, стр. 304.

[43]) Т. 14, ч. 2, Лейпцигъ, 1776, стр. 899. Новогородцы въ 1444 году .... предприняли зимній походъ на Лифляндію и произвели большія опустошенія

meine Welthistorie» [44]), основываясь отчасти на Арнтовой Лифляндской хроникѣ (т. II, стр. 135), на которую ссылается и Карамзинъ, разсказывая эти событія въ пятомъ томѣ своей «Исторіи Россійскаго Государства». Слѣдующія подробности свидѣтельствуются документами, которые я имѣлъ возможность пересмотрѣть въ Курляндскомъ провинціяльномъ музеѣ, въ Митавѣ, большею частью копіями изъ хранящагося въ Кёнигсбергѣ тайнаго Орденскаго архива.

Поводъ къ раздору былъ поданъ еще въ 1438 году тѣмъ, что князь Юрій Васильевичъ съ неуваженіемъ отнесся къ письму великаго магистра отъ 25 іюля того же года, которымъ тотъ просилъ его оказать благосклонный пріемъ юному Эбергарду, князю Клевскому и графу Марки (Eberhard, Fürst von Cleve und Graf zu der Mark), отправлявшемуся черезъ Новгородъ въ Палестину. Къ этому неудовольствію присоединились еще нападеніе на Эстляндію и осада Нарвы, о которыхъ обермаршалъ Ордена былъ 31 марта 1444 года извѣщенъ комтуромъ Гольдингенскимъ. Болѣе подробное разъясненіе дѣла получилъ великій магистръ Конрадъ фонъ Эрлихгаузенъ отъ магистра Ливон-

---

до самаго Чудскаго озера. Чтобы отомстить за это, Лифляндцы вторглись въ непріятельскіе предѣлы. Они пять дней обстрѣливали Ямь (Jamsburg); но благодаря мужественной оборонѣ бывшаго князя Суздальскаго и Нижегородскаго, Юрія Васильевича. . , всѣ усилія ихъ остались тщетными. Всѣ другія крѣпости были также хорошо защищены. Но по причинѣ моровой язвы, свирѣпствовавшей на людяхъ и на скотѣ, нельзя было воспрепятствовать сильному Ливонскому войску опустошить равнины Ингерманландіи. Война эта продолжалась еще въ 1447 году, ибо тогда Орденъ заключилъ противъ Новгорода союзъ съ Христофоромъ Баварскимъ, королемъ трехъ сѣверныхъ государствъ.

[44]) Т. 50, Галле, 1785, стр. 445. Орденъ понесъ въ 1444 году большія потери въ области между Чудскимъ озеромъ и Наровою, вслѣдствіе нападенія Новогородскихъ гражданъ и Литовскаго князя Ивана, которому Новогородцы предоставили землю между Наровою и Ладожскимъ озеромъ. Однако Орденъ отомстилъ за это, въ 1445 году, разореніемъ Ингерманландіи..... Онъ [т. е сѣверный король Христоформъ] уговорился, правда, въ январѣ 1447 года выслать слѣдующимъ лѣтомъ изъ Швеціи небольшое войско въ Ингерманландію, но съ тѣмъ, чтобы Орденъ въ то же время напалъ на Копорье Однако этотъ походъ, кажется, не состоялся, хотя магистръ и дѣлалъ набѣги на страну на собственный свой страхъ

скаго въ запискѣ отъ 5 мая 1444 года, которую послѣдній поручилъ своему секретарю Павлу вручить великому магистру для объясненія причинъ возникшей между Лифляндіею и Новгородомъ войны, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его, чтобы онъ на съѣздѣ въ Кристмемелѣ склонилъ великаго князя Литовскаго отступиться отъ союза съ Русскими. Нѣсколько дней спустя, 12 мая, оба государя дѣйствительно съѣхались въ Кристмемелѣ, и велись переговоры относительно захваченныхъ въ плѣнъ Новгородцами Лифляндцевъ. Наконецъ для умиренія споровъ между Орденомъ съ одной стороны и Литвою и Русскими съ другой былъ назначенъ съѣздъ, для чего послу великаго магистра была дана инструкція 24 октября 1444 года. Впрочемъ, если и удалось уладить споръ, то во всякомъ случаѣ очень не на долго, ибо въ мартѣ слѣдующаго 1445 года въ письмахъ великаго магистра къ Ливонскому магистру и послѣдняго къ первому опять идетъ рѣчь о притязаніяхъ Новогородцевъ на половину рѣки Наровы, а въ концѣ года, 28 декабря, въ переговорахъ пословъ великаго князя Литовскаго при великомъ магистрѣ говорится о войнѣ магистра Ливонскаго ордена съ Новгородомъ. Затѣмъ въ началѣ 1446 года опять идетъ рѣчь о союзѣ съ королемъ Христофоромъ Датскимъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы съ бо̀льшею настойчивостью вести новую войну, и великій магистръ спрашиваетъ присланнаго къ нему Ливонскимъ магистромъ секретаря Павла, какъ господинъ его желаетъ, чтобы былъ заключенъ этотъ союзъ? 12 апрѣля того же года сообщаетъ онъ Ливонскому магистру, что, согласно его желанію, онъ запретилъ своимъ прусскимъ подданнымъ продавать хлѣбъ Новогородцамъ и будетъ просить короля Христофора о такомъ же распоряженіи; за тѣмъ 23 іюня требуетъ, чтобы магистръ задерживалъ всѣ прусскія суда, возившія хлѣбъ и медъ къ Русскимъ, и сообщалъ ему имена грузителей для того, чтобы подвергать ихъ взысканію. До дѣйствительнаго однако заключенія задуманнаго союза и до войны въ этомъ году не дошло, ибо 4 октября 1446 года великій магистръ уговариваетъ Ливонскаго магистра не заключать еще

этого союза, представляя ему разныя сопряженныя съ нимъ опасности, а 10 ноября хотя и посылаетъ ему проектъ союзнаго договора, однако въ то же время совѣтуетъ отъ него отказаться. Въ началѣ слѣдующаго года находимъ письмо къ магистру Ливонскому, отъ 13 января, въ которомъ великій магистръ проситъ его оказать покровительство посламъ князя Юрія Новогородскаго во время проѣзда ихъ черезъ Лифляндію въ Пруссію; а 15 марта 1447 года великій магистръ увѣдомляетъ его, что князь Новогородскій Юрій Лугвеньевичъ (der Naugardische Herzog Georg Laugwennowitz) проситъ о свободномъ пропускѣ черезъ Лифляндію и Пруссію, отправляясь на богомолье къ святымъ мощамъ (zum heiligen Blute) въ Вильснакъ. Но не проходитъ затѣмъ одного мѣсяца, какъ дѣла принимаютъ опять воинственный оборотъ. 2 апрѣля 1447 года великій магистръ пишетъ къ Орденскому прокуратору въ Римѣ, прося его испросить у папы, чтобы онъ сборъ съ индульгенцій въ принадлежащихъ Ордену земляхъ, весь или хотя половину его, уступилъ на походъ противъ Новогородскихъ Россіянъ. Другое письмо отъ того же числа уже прямо извѣщаетъ о скоромъ открытіи военныхъ дѣйствій. Великій магистръ убѣждаетъ того же прокуратора просить папу и кардиналовъ молить Бога о ниспосланіи побѣды Орденскимъ войскамъ, которыя къ Иванову дню выступятъ въ походъ противъ Русскихъ. Еще до наступленія этого срока два письма Эльбингскаго комтура къ великому магистру указываютъ на участіе въ этой войнѣ Пруссіи: именно въ одномъ письмѣ, отъ 18 апрѣля, онъ доноситъ, какой провіантъ и какіе военные запасы имъ отпущены съ отправленными въ Лифляндію войсками; а въ другомъ, отъ 1 мая, доноситъ объ уклоненіи мелкаго дворянства (der Kleinen Freien) отъ участія въ походѣ на Русскихъ. Затѣмъ 15 мая великій магистръ извѣщаетъ Ливонскаго магистра о времени, когда его вспомогательныя войска будутъ отправлены изъ Данцига моремъ и изъ Мемеля сухимъ путемъ въ Лифляндію. Дальнѣйшія извѣстія о посылкѣ войскъ находимъ въ письмахъ великаго магистра отъ

19 мая и 2 іюня 1447 года, въ которыхъ онъ увѣдомляетъ о назначеніи Рогхаузенскаго фогта Вольфганга Зауэра начальникомъ прусскаго вспомогательнаго отряда. 8 іюня онъ же увѣдомляетъ Ливонскаго магистра, что посылаетъ къ нему своего пищальника (Büchsenschütz), орденскаго брата Гейнриха; а спустя нѣсколько дней извѣщаетъ, что назначенное имъ въ походъ противъ Новогородцевъ вспомогательное войско не могло отправиться въ Ревель, бывъ задержано противными вѣтрами, и что онъ съ этимъ же войскомъ пошлетъ названнаго выше брата Гейнриха; тутъ же онъ сообщаетъ о слухахъ, которые ходятъ относительно войны. Не смотря на многія препятствія, выступленіе въ походъ, повидимому, послѣдовало дѣйствительно въ срокъ, назначенный въ письмѣ къ прокуратору Ордена при Римскомъ дворѣ; ибо на этотъ день, 24 іюня 1447 года, великій магистръ назначаетъ по всей Пруссіи молебствія и крестные ходы, дабы испросить отъ Бога дарованія Ливонскому Ордену побѣды надъ Новогородцами и ихъ союзниками, Татарами и Волохами. Прусскій вспомогательный отрядъ наконецъ благополучно прибылъ, ибо 9 августа великій магистръ пишетъ Ливонскому магистру о продовольствіи этихъ войскъ, а 16 ноября сообщаетъ Нѣмецкому магистру о томъ, что постигло подъ Нарвою войска, посланныя имъ моремъ въ Лифляндію противъ Русскихъ, и о настоящемъ положеніи военныхъ дѣлъ. Война эта однако не была ведена съ особеннымъ рвеніемъ; объ участіи въ ней короля Христофора далѣе нѣтъ уже помину, а 8 октября великій магистръ приглашаетъ уже шведскаго начальника въ Выборгѣ Карла Кнутсона принять на себя посредничество къ примиренію между Лифляндіею и Новогородцами. Такому исходу войны конечно способствовало то обстоятельство, что въ Лифляндіи повсемѣстно неблагопріятно смотрѣли на этотъ походъ, о чемъ упоминаетъ и самъ великій магистръ въ письмѣ къ Ливонскому магистру отъ того же числа. Военныя дѣйствія однако продолжались еще въ слѣдующемъ году. Это видно изъ письма великаго магистра отъ 27 января 1448 года, въ которомъ онъ изъявляетъ Ливонскому

магистру свое согласіе на то, чтобы посредниками въ примиреніи его съ Новогородцами были не Кнутсонъ, а Ревельскіе граждане, лишь бы миръ былъ заключенъ на возможно продолжительнѣйшій срокъ. Наконецъ дѣйствительное заключеніе мира усматривается изъ письма великаго магистра отъ 1 сентября 1448 года, въ которомъ онъ спрашиваетъ Ливонскаго магистра, позаботился ли онъ въ своемъ мирномъ договорѣ съ Новогородцами о томъ, чтобы нѣмецкимъ купцамъ были сохранены ихъ прежнія вольности въ Великомъ Новѣгородѣ.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ не видно собственно, были ли магистромъ Гейнрихомъ Финке совершены тѣ именно два похода, о которыхъ говоритъ хроника; но они вполнѣ удостовѣряютъ, что Орденъ при этомъ правителѣ нѣсколько лѣтъ воевалъ съ Новогородцами. Такъ какъ въ задачу настоящей статьи вовсе не входитъ подробное описаніе этой войны, то намъ не было никакого основанія приводить обстоятельно содержаніе помянутыхъ документовъ; для нашей цѣли было совершенно достаточно указать ихъ содержаніе въ общихъ чертахъ, какъ оно показано въ заголовкахъ самыхъ копій, принадлежащихъ Курляндскому провинціальному музею и съ нихъ занесено въ Указатель Напіерскаго. Часть ихъ приведена также у Карамзина, въ прим. 316 къ пятому тому его Исторіи, нѣкоторыя изъ нихъ притомъ съ выпискою ихъ содержанія.

Во всѣхъ приведенныхъ извѣстіяхъ объ этихъ войнахъ между Орденомъ и Новгородомъ, мы не видѣли доселѣ ни малѣйшаго указанія на Кревиновъ. Какое ихъ отношеніе къ ней, это мы тотчасъ увидимъ, какъ только попытаемся сообщенныя доселѣ извѣстія Нѣмцевъ дополнить показаніями противной стороны, изъ русскихъ лѣтописей. Дѣйствительно, въ одной Новгородской лѣтописи (въ Полномъ Собр. русск. лѣт. Новгородская IV лѣтопись. С.-Петербургъ, 1848, стран. 123) подъ 6953 (1445) годомъ, мы читаемъ: «Того же лѣта собравшеся Нѣмци, Местеръ съ всими своими вои, пришедше подъ городъ подъ Яму, бивше и пушками, и стояше 5 дній, и по Воцкой земли, и по Ижерѣ и по

Невѣ поплѣниша и пожгоша, а города ублюде Богъ и святый Архистратигъ Михаилъ, не взяша; а самыхъ Нѣмецъ много паде подъ городамъ, а иніи язвени отъидоша во свою землю». А въ другой, такъ называемой Никоновской (ч. V, стр. 193) подъ годомъ 6952 (1444): «и воева по Водцкой землѣ, и по Ижере рѣкѣ и по Невѣ рѣкѣ, попленіша много, и посекоша и пожгоша, а града не взяша.... и отъидоша Немцы въ свою землю со многимъ богачествомъ». То же повѣствуетъ еще третья лѣтопись, изъ которой Карамзинъ въ вышесказанномъ мѣстѣ приводитъ выписку [45]). Который изъ двухъ годовъ вѣрнѣе, 1445 ли, показываемый въ первой лѣтописи, или 1444, какъ показываетъ вторая, или онѣ говорятъ о двухъ разныхъ походахъ Ливонскаго войска, о которыхъ говоритъ и третья лѣтопись, эти вопросы для нашей цѣли не имѣютъ никакого значенія. Съ насъ совершенно достаточно того, что магистръ Ливонскаго ордена, тотъ самый, который построилъ замокъ Баускъ (по Грефенталю въ 1447 году), съ 1444 по 1447 годъ былъ въ войнѣ съ Новогородцами, ходилъ со своимъ войскомъ въ принадлежавшую имъ Вотскую землю и увелъ оттуда много плѣнныхъ Вотовъ. Когда мы припомнимъ затѣмъ, что по преданію Кревины были именно около времени сооруженія Бауской крѣпости приведены туда изъ чужой страны («изъ Эстляндіи») и тамъ поселены, и что языкъ ихъ по прошествіи четырехъ сотъ лѣтъ представлялъ еще разительное сходство съ языкомъ вотскимъ, несравненно бо̀льшее сходство, чѣмъ съ языкомъ жившихъ въ это время гораздо ближе къ нимъ Ливовъ или Эстовъ, или съ какимъ бы то ни было другимъ языкомъ финскаго корня, то становится, мнѣ кажется, несомнѣннымъ, что Кревины были потомки именно тѣхъ «поплѣненныхъ» Вотовъ, о которыхъ говоритъ лѣтопись и которыхъ около 1445 года Ливонскія войска «приволокли» въ свои земли послѣ похода въ Новогородскія владѣнія. Такимъ образомъ очень просто объясняется, почему остзейскія хроники вовсе не упоми-

[45]) Синод. Новгор. Лѣт., подъ 1444 и 1445 годами.

наютъ о Кревинахъ, между тѣмъ какъ наприм. принадлежащая къ древнѣйшему времени рифмованная хроника очень много разсказываетъ о борьбѣ Нѣмцевъ съ Земголою, происходившей именно въ той мѣстности, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Баускъ. Этимъ же весьма просто объясняется и имя Кревиновъ, которое переводилось совершенно вѣрно [46]) уменьшительнымъ отъ латышскаго Кревсъ (Русскій), но котораго происхожденіе толковалось ошибочно. Плѣнные дѣйствительно были приведены какъ военная добыча послѣ похода противъ дѣйствительно русскаго государства, Новагорода, и изъ области дѣйствительно принадлежавшей этому русскому государству; и нѣтъ уже никакой надобности прибѣгать къ изысканному и натянутому толкованію, что де слово Кревсъ означаетъ вообще чужеплеменника, приходящаго съ сѣвера или съ востока, или что Латыши назвали Эстовъ этимъ именемъ по той причинѣ, что они пришли изъ такой страны, которая когда то платила дань сосѣдямъ Русскимъ. Крайне сомнительно, чтобы Латыши назвали словомъ «Кревсъ» иного чужестранца, кромѣ пришедшаго именно изъ Россіи, страны, которой жители были имъ издавна и хорошо извѣстны подъ этимъ именемъ; а еще болѣе сомнительно, чтобы они стали называть этимъ именемъ своихъ сосѣдей Эстовъ, для которыхъ существуетъ у нихъ особое имя Иггаунсъ (Iggauns). Что показанію П. Эйнгорна, который въ своемъ извѣстіи о Кревинахъ (см. выше II) говоритъ объ Эстляндіи, нельзя придавать особенную важность, это мы уже показали въ своемъ мѣстѣ. Другое еще доказательство тождества Кревиновъ съ Вотами представляетъ ихъ одежда. Правда, что у Вотовъ старый національный нарядъ, въ который они одѣвались за четыреста лѣтъ тому назадъ, сохранился ничуть не болѣе, чѣмъ у Кревиновъ; какъ Кревины одѣваются по-латышски, такъ и Воты по бо̀льшей части переняли одежду Русскихъ, съ которыми они принадлежатъ даже къ одной церкви.

[46]) П. Эйнгорнъ (см I) говоритъ «Кревинги или Русскіе крестьяне»; выраженіе это нельзя признать за точный переводъ имени, но оно совершенно правильно относительно сущности дѣла.

Однако изображеніе вотской женщины въ «Извѣстіяхъ» объ этомъ народѣ пастора Трефурта (у Гадебуша, въ «Versuche in der livländischen Geschichte und Rechtsgelehrsamkeit», т. II, Рига 1783) сильно напоминаетъ кревинскій нарядъ. Въ немъ находимъ мы именно двѣ наиболѣе своеобразныя части кревинскаго женскаго одѣянія: «заппанъ», то есть большой платокъ, прикалываемый къ шапкѣ и спускающійся сзади и съ боковъ до половины спины; и «урскъ», то есть замѣняющій юбку кусокъ синей ткани, обертываемый вокругъ тѣла и удерживаемый въ станѣ кушакомъ. Вотянки и Кревинки равно отличаются страстью убирать свою одежду разными бренчащими и звенящими украшеніями.

Въ заключеніе приведу еще одно любопытное обстоятельство, которое также можетъ служить къ подтвержденію того результата, къ которому я пришелъ въ своемъ изслѣдованіи касательно происхожденія Кревиновъ. Въ кревинскій языкъ вошло много словъ латышскихъ, и при близкомъ родствѣ латышско-литовскаго семейства языковъ со славянскимъ непремѣнно должны въ немъ встрѣчаться слова, представляющія нѣкоторое сходство съ соотвѣтствующими словами русскими; но невѣроятность предположенія, чтобы эти слова были заимствованы скорѣе изъ русскаго языка, чѣмъ изъ латышскаго, и очевидное бо̀льшее сходство ихъ съ латышскими, не позволяютъ сомнѣваться въ ихъ латышскомъ происхожденіи. Таковы напримѣръ слова: swins (свинецъ, лат. świns), kräms (кремень, лат. krams), zilwegs (человѣкъ, лат. zilweks), wā̀tra (буря, лат. wehtra, русск. вѣтеръ, только съ другимъ значеніемъ), neddele (недѣля, лат. neddela), kasa (коса, лат. kasa). Въ вотскій языкъ вошло множество русскихъ словъ, и есть основаніе думать, что значительная часть ихъ вошла еще до похода магистра Финке въ Вотскую землю, такъ какъ эта страна была тогда уже съ довольно давняго времени областью русскаго государства. Если затѣмъ справедлива догадка, что Кревины были потомки тѣхъ поселенныхъ въ Курляндіи военноплѣнныхъ, которыхъ, по свидѣтельству русскихъ лѣтописей, Ливонскій магистръ увелъ съ собою послѣ помянутаго похода, то

должно предполагать, что эти военноплѣнные принесли съ собою нѣкоторый запасъ русскихъ словъ. И дѣйствительно, какъ ни скудно наше собраніе кревинскихъ словъ, а все таки мы находимъ въ немъ по крайней мѣрѣ два слова повидимому славянскаго происхожденія, которыхъ Кревины не могли взять изъ латышскаго языка, потому что по-латышски эти предметы называются иначе. Эти два слова суть śakkale (ястребъ, по-латышски wannags, русск. соколъ) и krähzinatt (греча, по-латышски grikki). Первое изъ этихъ словъ существуетъ въ похожей формѣ только въ языкѣ литовскомъ (sakalas); но нельзя предполагать, чтобы оно перешло къ Кревинамъ изъ литовскаго языка, потому что во всемъ нашемъ собраніи кревинскихъ словъ нѣтъ ни одного несомнѣнно литовскаго слова; всѣ же слова, заимствованныя отъ латышско-литовскаго корня, являются въ немъ положительно въ латышской формѣ (новѣйшей), а не литовской (древнѣйшей). Второе слово, правда, подобно многимъ другимъ словамъ, и въ латышскомъ (grikki), и въ литовскомъ (grikai), довольно сходно съ русскимъ; но кревинское слово очевидно ближе подходитъ къ русскому [47]), чѣмъ къ латышскому, а еслибъ Кревины заимствовали его только послѣ своего переселенія въ Курляндію, то безъ сомнѣнія взяли бы его прямо въ его латышской формѣ, какъ брали они такое множество другихъ словъ [48]). По поселеніи своемъ около Бауска, Кревины не сосѣдили съ Русскими и не имѣли съ ними непосредственныхъ сношеній, и въ то время, когда было записано наше первое собраніе кревинскихъ словъ, Курляндія даже не принадлежала еще къ Русской имперіи. До послѣдняго времени Кревины употребляли свой языкъ только между собою, и когда не находили на немъ слова для выраженія новаго

[47]) Въ изданномъ Академіею Наукъ въ 1852 году «Опытѣ областнаго Словаря» находимъ это слово въ формѣ еще ближе подходящей къ вотскому и кревинскому Krahzinatt; это слово гре́чина, употребляющееся во Владимірской губерніи.

[48]) Напримѣръ ehrglis (орелъ), balkis (бревно), pahlis (колъ), zekked (чулки), warrawihksin (радуга), śchkiltawas (огниво), luhśe (рысь), gulbe (лебедь), wilnis (волна) и множество другихъ.

понятія, не откуда было заимствовать новое слово, какъ только отъ окружавшихъ ихъ Латышей, на языкѣ которыхъ они, хотя и плохо, еще говорили во времена П. Эйнгорна, но должны были говорить всѣ, потому что онъ былъ для нихъ единственнымъ средствомъ для того, чтобы объясняться внѣ домашняго круга, съ Нѣмцами и съ Латышами. Приведенныя два слова такъ же мало принадлежатъ Финскому языку, какъ и латышскому; но они оба находятся, въ той же совершенно формѣ, какъ въ кревинскомъ языкѣ, такъ и у Вотовъ (sakkali, grätsiinat), и это обстоятельство можетъ также служить къ подтвержденію нашей догадки, что Кревины имѣли эти два слова въ своемъ языкѣ еще прежде, чѣмъ были, въ пятнадцатомъ вѣкѣ, переведены изъ Вотской земли въ Курляндію, и что они ихъ перенесли изъ своихъ старыхъ жилищъ въ новыя.